

„БИБЛІОТЕКА ВСХОДОВЪ“.

Б. Красногорекій и Д. Святекій.

ОСТРОВА ЭФИРНАГО ОКЕАНА.

Астрономическій романъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Разевѣтъ“, Гороховая, 17.
1914.

ГЛАВА I.

Плаваніе по волнамъ эаира, эта завѣтная мечта человѣчества, осуществилась при помощи аппарата русскаго изобрѣтателя Имеретинскаго, объ устройствѣ и снаряженіи экспедиціи котораго, а также о первомъ не совсѣмъ удачномъ подъемѣ, было разсказано въ нашемъ первомъ романѣ «По волнамъ эаира».

20 сентября 19... года въ 12 верстахъ отъ Петербурга, по Финляндской желѣзной дорогѣ, при помощи воздушныхъ шаровъ аппаратъ Имеретинскаго вторично поднялся въ верхніе слои атмосферы, гдѣ подъ вліяніемъ лучевого давленія онъ полетѣлъ по волнамъ мірового эаира къ заранѣе намѣченной цѣли: сюѣ долженъ былъ попасть на Венеру, изучить которую хотѣли члены этой небесной экспедиціи—самъ организаторъ и душа ея, Имеретинскій, дочь предсѣдателя клуба «Наука и прогрессъ», Наташа Аракчеева, астрономъ Добровольскій и зоологъ Академіи наукъ, добродушный Карлъ Карловичъ Флигенфенгеръ.

Какъ только первый корабль вселенной, «Побѣдитель Пространства», покинулъ земную атмосферу и удалился отъ нея на разстояніе, позволявшее обозрѣть всю Землю, наши путешественники прильнули

къ скну вагончика, чтобы еще разъ полюбоваться на свою родную планету, уже какъ на небесное тѣло.

— Вотъ мы, слава Богу, опять въ свободномъ пространствѣ, сказаль Флигенфенгеръ, радостно по-тирая руки. Надѣюсь, что это путешествіе будетъ продолжительнѣе первого

— Посмотрите, какова погодка на матушкѣ-Землѣ, перебила его Наташа: вся видимая часть полушарія, отъ полюса до береговъ Средиземнаго моря, покрыта сплошной пеленой облаковъ!

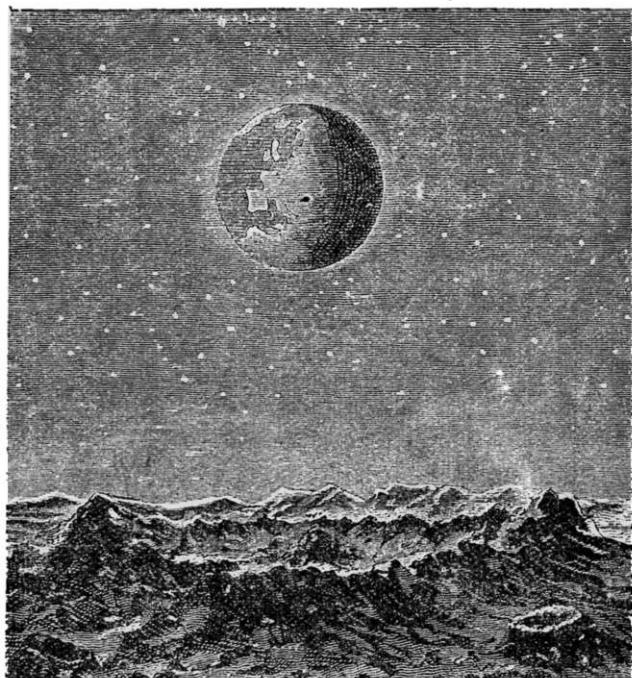
Такъ какъ путешественники отставали отъ планеты въ ея движениі по орбите, то находились сбоку относительно Солнца и видѣли только половину освѣщенаго полушарія. На громадномъ полудискѣ отъ 60° зап. дол. до 30° в. д. отъ Гринвича ясно вырисовывались ледники антарктическаго материка. Они сияли ослѣпительной бѣлизной и рядомъ съ ними воды Южнаго Ледовитаго и Атлантическаго океановъ казались совсѣмъ темными.

Отсюда можно было производить цѣнныя географическія съемки; всѣ таинственные области южнаго полюса были видны, какъ на ладони. Къ несчастью, только наблюденія нельзя было производить долго, такъ какъ земной дискъ быстро началъ убывать.

Африка была почти вся освѣщена и представляла довольно пеструю картину: желтые пески и камни Сахары, темная зелень экваторіальныхъ лѣсовъ, свѣтлые пятна и тѣни горъ — рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга.

Лазурное Средиземное море отсюда, съ высоты многихъ тысячъ километровъ, никакъ не оправды-

вало своей славы: оно было просто темнымъ причудливымъ пятномъ; зато тѣмъ ярче выдѣлялись на немъ гористые острова и полуострова Южной Европы. Хо-

Земля въ пространствѣ

рошо также выступала восточная часть Южной Америки. Все остальное, т.-е. съверъ Атлантическаго океана и Европы, Гренландія и прочія полярныя земли — было закрыто облаками, которые казались бѣлымъ снѣжнымъ полемъ и напоминали ледники антарктическаго материка.

Любаясь этой красивой панорамой, путешественники испытывали грустное чувство отчужденности. Издали Земля была такъ хороша, такъ привѣтлива и спокойна, что забывались горе и злоба людскія, которыхъ такъ много на нашей старой планетѣ. Еще разъ мысленно простившись совсѣмъ, что они оставили на этомъ блестящемъ полудискѣ, висящемъ въ глубинѣ чернаго пространства, пассажиры принялись устраиваться въ вагонѣ, гдѣ имъ предстояло прожить не менѣе 35 дней.

Флигенфенгеру на уборку нужно было не мало времени, такъ какъ онъ по примѣру предыдущаго раза привезъ съ собой ужасающее количество банокъ, склянокъ, пинцетовъ и проч. Теперь надлежало размѣстить всѣ эти драгоценности въ порядкѣ на полкахъ шкаповъ верхней комнаты.

Добропольскій и Наташа, наоборотъ, имѣли немного багажа и потому стали помогать зоологу, что едва не вызвало ссоры между вѣчно враждующими друзьями.

Между тѣмъ Имеретинскій, занятый управлениемъ аппарата, не отходилъ отъ рычаговъ. Сначала онъ внимательно слѣдилъ за показаніями манометра и какъ только «Побѣдитель Пространства» вышелъ изъ атмосферы, повернулъ зеркало такъ, чтобы лучевое давленіе какъ разъ уравновѣшивало силу земного притяженія и инерцію, которую имѣлъ аппаратъ въ своемъ движеніи вмѣстѣ съ Землей. Такимъ образомъ «Побѣдитель Пространства» былъ неподвиженъ относительно Солнца, а Земля уѣзгала отъ путешественниковъ со скоростью 29 килом. въ сек.

Этотъ искусствій маневръ вполнѣ избавилъ экспедицію отъ опасности быть унесенной отъ Солнца силой инерціи, какъ то предсказывалъ Штернцеллеръ.

Имеретинскому оставалось только, слѣдя по вѣсамъ Гольцова за удаленiemъ Земли, все болѣе косо поворачивать зеркало; а черезъ 5 часовъ, когда Земля умчится на 520 тысячъ километровъ, и сила ея притяженія станетъ въ 4 раза слабѣе солнечной, онъ совсѣмъ прекратитъ дѣйствіе лучевого давленія, и аппаратъ начнетъ неудержимо падать на Солнце. Изобрѣтатель рѣшительно заявилъ, что на этотъ разъ онъ не согласится ни на какія постороннія экскурсіи, тѣмъ болѣе, что Луна находилась между первой четвертью и полнолуниемъ и освѣщено было опять ея видимое полушаріе.

Въ 4 часа аппаратъ соскользнулъ съ платформы воздушныхъ шаровъ и повисъ въ пространствѣ; черезъ 10 минутъ онъ миновалъ толщу атмосферы; ровно въ 9 часовъ Имеретинскій повернуль зеркало ребромъ къ Солнцу. Его роль шкипера и машиниста небеснаго корабля была закончена, и онъ присоединился къ остальной компаніи, занятой приготовленіемъ ужина и чая.

— Господа, наше паденіе къ Солнцу началось; увлекаемые силой тяготѣнія, мы дней черезъ 50 будемъ у цѣли путешествія.

Аппаратъ уже давно вышелъ изъ сферы земного притяженія и всѣ предметы стали почти невѣсомыми, а вагончикъ повернулся нижней, болѣе тяжелой стороной къ Солнцу.

За ужиномъ разговоръ сосредоточился на пути, который предстояла экспедиції.

— Съ какой средней скоростью пролетимъ мы нашъ путь? спросила Наташа.

— А вотъ считайте. Отъ Земли до орбиты Венеры 41 милл. килом.; 41 день составляетъ около 3.540.000 сек.—это даетъ $11\frac{6}{7}$, почти 12 км. въ сек. Какъ видите, скорость почтенная. Она въ 15 разъ больше самаго быстрого ядра и только въ два съ половиною раза меньше земной.

— Прекрасно; а сейчасъ мы сколько пролетаемъ въ секунду?

— 21 метръ.

— Отчего же такъ мало?

— Первое время наша скорость будетъ возрастать всего на 5,8 миллим. въ сек.; затѣмъ это ускореніе дойдетъ до 112 м.; часть тому назадъ мы были совсѣмъ неподвижны; за этотъ промежутокъ времени аппаратъ приобрѣлъ скорость 21 метра въ сек.

Это поясненіе давалъ Имеретинскій; Добровольскій сообщилъ еще нѣсколько интересныхъ данныхъ.

— Черезъ 24 часа «Побѣдительъ Пространства» будетъ приближаться къ Солнцу уже на 504 метра въ сек.; черезъ двое сутокъ на 1 килом. Дальше скорость будетъ возрастать еще быстрѣе.

— Но до чего же она дойдетъ у орбиты Венеры? не безъ легкаго страха спросилъ Флигенфенгеръ.

— Сейчасъ сосчитаю.

Астрономъ сталъ быстро дѣлать какія-то выкладки.

— Черезъ 41 день аппаратъ будетъ падать на Солнце со скоростью 26 килом. въ сек. Лучевое давление очень легко преодолѣетъ это движение. Замѣчательно различіе между первымъ и 41-мъ днемъ нашего пути: въ первый день «Побѣдитель Пространства» пролетитъ всего около 22 000 килом., въ послѣдній же—болѣе двухъ миллионовъ, т.-е. почти въ 100 разъ больше. Вотъ вліяніе медленнаго, но вѣрнаго приращенія скорости. Затѣмъ мы еще 4 дня будемъ продолжать путь къ Солнцу и за это время приблизимся къ нему еще на 15 милл. килом., здѣсь мы повернемъ зеркало косо къ солнечнымъ лучамъ и еще черезъ 4 дня нагонимъ Венеру, которая къ тому времени успѣеть уйти на цѣлыхъ 40 милл. килом. по своей орбите. Этотъ крюкъ, удлиняющій путешествіе на 8 дней, вызванъ нашимъ опозданіемъ; вѣдь мы выѣхали на цѣлый мѣсяцъ позже назначенного срока. Если бы аппаратъ продолжалъ падать на Солнце, то еще черезъ $23\frac{1}{2}$ дня, послѣ пересѣченія орбиты Венеры, онъ погрузился бы въ его раскаленную атмосферу съ головокружительной быстротой 600 килом. въ секунду.

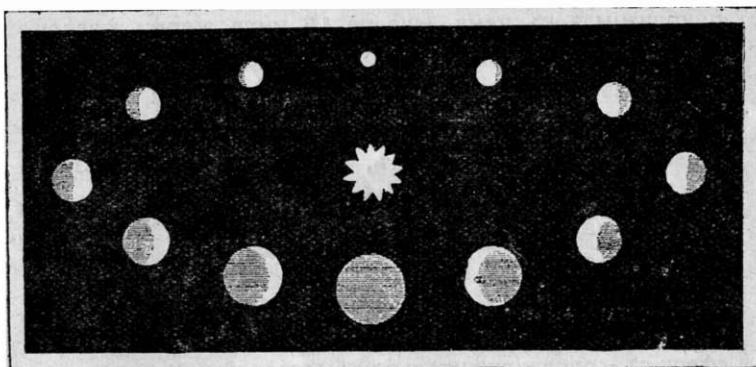
— Ухъ! вздохнулъ Флигенфенгеръ. Тутъ и лучевое давление не поможетъ!

— Во всякомъ случаѣ мы бы раньше изжарились, какъ куропатки на вертелѣ, да и нашъ аппаратъ расплавился бы и упалъ на Солнце въ видѣ металлическаго дождя.

— Веселенькую картинку вы намъ нарисовали, господа математики, окончательно возмутился зоологъ. Бросьте лучше ваши километры и, если возможно,

покажите въ телескопъ цѣль нашего головоломнаго паденія къ Солнцу, которое вы изображаете какой-то межпланетной плитой для поджариванія невинныхъ земныхъ жителей.

— Ты хочешь посмотретьъ Венеру? Я сейчасъ это устрою; планета въ весьма благопріятномъ положеніи. Добровольскій установилъ трубу у лѣваго (относительно Солнца) бѣкового окна и направилъ ее на самую яркую изъ всѣхъ, бывшихъ на небѣ зрездъ и планетъ.

Флигенфенгеръ съ любопытствомъ приложилъ глазъ къ окуляру.

— Серпъ Луны! вырвалось у него восклицаніе удивленія.

Добровольскій улыбнулся.

— Нѣтъ, не Луны, а Венеры. Она находится между Землей и Солнцемъ и имѣетъ фазы, какъ нашъ спутникъ. Простымъ глазомъ онѣ не видны, и поэтому

Коперникъ могъ только предполагать ихъ существованіе. Когда же Галлилей въ первый разъ направилъ свою небольшую астрономическую трубу на Венеру, то увидѣлъ серпъ, подобный лунному. Это вполнѣ согласовалось съ выводами Коперника и служило блестящимъ подтвержденіемъ его системы.

Зоологъ опять посмотрѣлъ въ рефракторъ и спросилъ:

— А гдѣ же моря и материки Венеры, которые мы должны открыть и изучить?

— Никакихъ подробностей въ нашу трубу ты не различишь; кромѣ того, поверхность планеты почти постоянно покрыта облаками.

— Значитъ, на нее и смотрѣть не стоитъ? Грустно!

Флигенфенгеръ помолчалъ; затѣмъ опять спросилъ:

— Мы падаемъ прямо къ Солнцу?

— Да.

— Но вѣдь Венера далеко въ сторонѣ? Этакъ мы, дѣйствительно, пролетимъ мимо нея и сгоримъ въ адскомъ пламени ..

— Не беспокойся, другъ мой, отвѣтилъ астрономъ; твои праведныя молитвы спасутъ насъ отъ власти злого духа: пока мы будемъ 41 день падать въ пустомъ пространствѣ, Венера успѣетъ перемѣнить мѣсто и даже уйдетъ по другую сторону, такъ что намъ придется ее нагонять, какъ уже говорилъ Валентинъ Александровичъ.

Однако зоологъ не удовлетворился объясненіемъ.

— Ну, а если мы все-таки не попадемъ на нее; останется ли намъ надежда какъ-нибудь увильнуть отъ Солнца съ его ужаснымъ жаромъ? Есть ли, на-

примѣръ, еще планеты между Венерой и Солнцемъ?

— Мы всегда можемъ при помощи лучевого давленія остановить свое паденіе къ Солнцу и вернуться обратно на Землю; это во-первыхъ; а во-вторыхъ, за Венерой, ближе къ Солнцу, несется Меркурій.

— Меркурій? А каковъ онъ изъ себя?

— Меркурій самая маленькая (не считая астероидовъ между Марсомъ и Юпитеромъ) изъ планетъ. Онъ ближе всѣхъ къ Солнцу и поэтому получаетъ больше всего свѣта и тепла. Въ перигеліи (ближайшее къ Солнцу положеніе) Солнце жжетъ тамъ въ $10^{1/2}$ разъ сильнѣе, чѣмъ на Землѣ.

— Гмъ, пробурчалъ Флигенфенгеръ; попасть въ этакую передрягу тоже плѣхое утѣшеніе.

— Строеніе Меркурія изучено очень мало, но можно думать, что онъ во многомъ напоминаетъ Луну и, подобно ей, является старымъ, одряхлевшимъ міромъ, почти лишеннымъ атмосферы.

— Слѣдовательно, онъ старше Земли и Венеры?

— Вѣроятно, нѣтъ. По гениальной гипотезѣ, высказанной впервые нѣмецкимъ философомъ Кантомъ, но подробно и совершенно самостоятельно разработанной французскимъ математикомъ Лапласомъ...

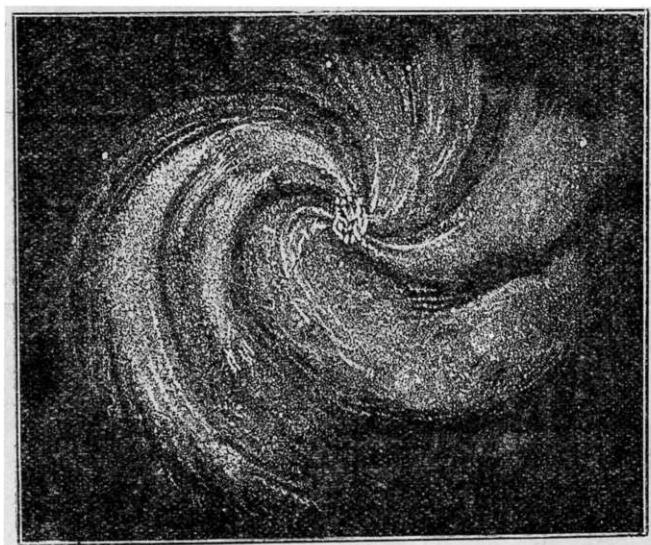
— И широко распространенной англійскимъ химикомъ и персидскимъ сапожникомъ... насыщливо перевѣль его нетерпѣливый зоологъ.

— Не мѣшай, а то я тебѣ ничего не скажу.

— Я нѣмъ, какъ вареная рыба. Итакъ?

— Итакъ, по гипотезѣ Канта-Лапласа всѣ планеты произошли изъ общей громадной туманности, простиравшейся далеко за теперешніе предѣлы солнечной

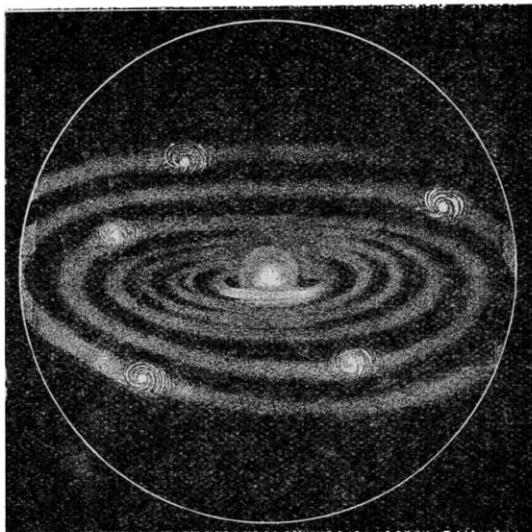
системы. Туманность эта постепенно уплотнялась, сжималась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтала вращательное движение. Отъ нея оторвался отдѣльный комъ или цѣлое кольцо и такимъ образомъ произошла первая планета, Нептунъ. Туманность продолжала сжиматься

Сpirальная туманность.

и послѣдовательно образовала нѣсколько колецъ. Самая вѣнчая изъ нихъ въ то же время и самая старая. Спутники также оторвались отъ туманной массы своихъ, еще не сформировавшихся планетъ. Изъ главной массы всей туманности образовалось Солнце. По этой гипотезѣ, имѣющей наибольшее число приверженцевъ, самой старой планетой является Нептунъ, а самой молодой Меркурій.

— Ничего не понимаю, сказалъ Флигенфенгеръ. Только что ты говорилъ, что Меркурій мертвый, отжившій міръ, а теперь онъ оказывается самымъ молодымъ.

Образованіе солнечной системы по гипотезѣ Канта - Лапласа.

— Да, но онъ при этомъ и самый маленький. По этой именно причинѣ онъ, Луна и другія небольшія тѣла солнечной системы раньше всѣхъ охладились и состарились. Зато планеты Сатурнъ и Юпитеръ, хотя и гораздо болѣе старыя, чѣмъ Земля, вѣроятно, не успѣли еще покрыться твердой корой. Чѣмъ меньше небесное тѣло, тѣмъ скорѣе проходитъ оно полный циклъ развитія.

— Къ сказанному вами я прибавлю нѣсколько словъ, промолвила Наташа. Вы вполнѣ опредѣленно называете Меркурій ближайшей къ Солнцу планетой. Между тѣмъ существуютъ наблюденія, доказывающія, что есть небольшой міръ между Солнцемъ и Меркуріемъ.

— Вы говорите о такъ называемомъ Вулканѣ? Я не вѣрю въ его существованіе. Все, что приводилось въ доказательство этого, не выдерживаетъ критики: открытая Леверье неправильности движенія Меркурія могутъ объясняться вліяніемъ метеоритовъ и космической пыли, а всѣ наблюденія надъ прохожденіемъ мнимой планеты черезъ солнечный дискъ недостаточно точны и даже просто невѣрны. За Вулканъ принимали обыкновенный круглый солнечный пятна.

— Я не рѣшилась бы съ вами спорить, если бы за мной не стоялъ авторитетъ моего отца, отвѣтила Наташа. Онъ наблюдалъ однажды, кажется въ 1895 году, что одно изъ этихъ небольшихъ круглыхъ пятенъ сошло съ солнечного диска, но тотчасъ пропало въ его лучахъ. Желая повторить свое наблюденіе, отецъ все откладывалъ опубликованіе его, и такъ какъ ему больше никогда не удалось видѣть Вулкана, то онъ такъ и нерѣшился сообщить о немъ въ астрономическую прессу. Однако папа самъ глубоко убѣжденъ въ существованіи планеты, правда, очень небольшой, между Меркуріемъ и Солнцемъ.

— Это въ высшей степени интересно и при свиданіи я непремѣнно разспрошу графа.

На этомъ закончился споръ Наташи съ Добровольскимъ.

Въ разговорахъ, наблюденіяхъ, хозяйственныхъ за-
ботахъ и проч. незамѣтно проходило время, и когда
путешественники спохватились, что пора спать, было
уже 12 часовъ ночи по петербургскому времени. Прав-
да «ночь» рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ
«дня»: попрежнему ярко, гораздо ярче, чѣмъ въ пол-
день на Землѣ, свѣтило Солнце; съ противоположной
стороны горѣли звѣзды, а въ боковое окно лишились
блѣдные лучи Земли, все еще гораздо большей, чѣмъ
намъ обыкновенно кажется Луна. Это былъ ни день,
ни ночь, а какое-то таинственное сочетаніе вѣчного
мрака и вѣчного свѣта, тепла и холода—всего, что мы
привыкли рѣзко разграничивать. Только абсолютная
тишина никогда ничѣмъ не нарушалась, и путешествен-
ники, когда молчали, могли слышать удары собствен-
ного сердца.

Во избѣжаніе всякихъ случайностей, Имеретинскій
предложилъ всѣмъ мужчинамъ по очереди слѣдить за
аппаратомъ, пока остальные будуть спать. Эта пре-
досторожность могла спасти экспедицію отъ столкно-
венія съ болидомъ или другого непредвидѣнного не-
счастія. Добровольскій и Флигенфенгеръ изъявили
своё полное согласіе, но Наташа возмутилась противъ
того, что ее исключили изъ числа стражей общаго
спокойствія.

— Почему это, горячилась она, я не могу нести
тѣ же обязанности, что и другіе? Когда я уѣзжала
съ Земли, то вовсе не разсчитывала лежать на боку
и бездѣльничать, пока вы всѣ будете работать! Увѣ-
ряю васъ, что мы, «слабыя женщины», не хуже васъ
сумѣемъ нести лишенія и труды экспедиціи.

Однако мужчины настояли на своемъ, правда, послѣ долгихъ пререканій.

Наташа наконецъ объявила:

— Во избѣжаніе ссоръ я вамъ подчиняюсь, но считаю это новымъ насилиемъ со стороны такъ называемаго сильнаго пола.

— Мы всѣ охотно принимаемъ на себя эту вину, отвѣтили «угнетатели».

Мы не будемъ день за днемъ описывать интересное путешествіе, а ограничимся тѣмъ, что постараемся изобразить его общий характеръ, а подробнѣе остановимся только на отдѣльныхъ эпизодахъ этой богатой приключеніями экспедиціей.

Путешественники быстро привыкли къ особенностямъ окружающей обстановки и сумѣли примѣниться къ ней.

Больше всего ихъ стѣсняло отсутствіе тяжести, но въ концѣ концовъ они справились и съ этимъ неудобствомъ и даже стали находить въ немъ хорошія стороны: благодаря легкости собственного тѣла и всѣхъ остальныхъ предметовъ, пассажиры почти не затрачивали мускульной силы; вслѣдствіе этого они потребляли меныше пищи и кислорода, чѣмъ на Землѣ, что составляло для нихъ важную экономію. Вмѣстѣ съ тѣмъ воздержаніе нисколько не отзывалось на ихъ здоровье; никто не худѣлъ въ пути, а Флигенфенгеръ даже еще пополнѣлъ, что его, впрочемъ, вовсе не радовало.

Отъ жаркихъ, никогда ничѣмъ не омрачаемыхъ лучей Солнца путешественниковъ защищали черныя

занавѣски и двойные стѣнки вагона. Холода пространства они могли тѣмъ болѣе не бояться.

Постоянныя наблюденія, разговоры и проч. наполняли время и скучать не успѣвалъ никто. Даже зоологъ, вообще мало интересовавшійся астрономіей и физикой, съ удовольствіемъ любовался яркими звѣздами и планетами и терпѣливо выслушивалъ цѣлья лекціи отъ Добровольскаго и Имеретинскаго. Кроме того, онъ раздѣлилъ съ Наташой хозяйственныя заботы: молодая дѣвушка заваривала и наливала чай и готовила завтракъ, а Флигенфенгеръ изображалъ главнаго повара и стряпалъ обѣдъ. „Провіантмейстеры“ экспедиціи, какъ они сами себя называли въ торжественныхъ случаяхъ, постоянно спорили, кто изъ нихъ обладаетъ большими кулинарными способностями. Наташа всегда критиковала обѣдъ и находила, что онъ приготовленъ плохо: супъ недосоленъ, мясные консервы пересушены, сухія овощи не проварены и безвкусны и т. д.: Флигенфенгеръ тоже не оставался въ долгу и безъ стѣсненія бранилъ завтраки и особенно чай, который, по его мнѣнію, молодая хозяйка совсѣмъ не умѣла заваривать. Имеретинскій и Добровольскій иногда до слезъ хохотали, слушая эти пререканія. Они обыкновенно помогали нападающему и, такимъ образомъ, подливали масла въ огонь. Изобрѣтатель прямо говорилъ, что оба повара безусловно плохи; астрономъ же, не высказываясь столь опредѣленно, за всяkimъ обѣдомъ и завтракомъ скептически осматривалъ всѣ б юда.

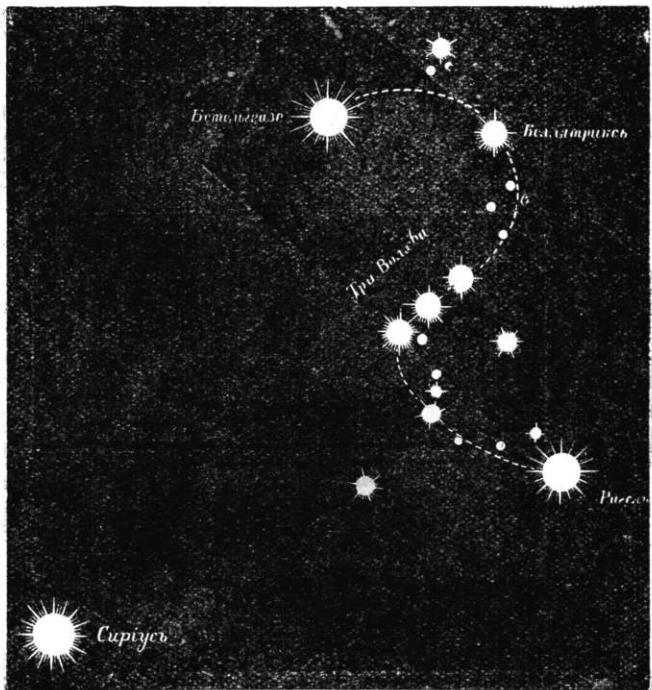
Пока провіантмейстеры состязались въ кулинарномъ искусствѣ, ихъ беспощадные критики занима-

лись астрономическими и физическими наблюдениями. Добровольский решил систематически осмотреть все небо и особенно подробно остановиться на планетахъ, изъ которыхъ Марсъ и Юпитеръ находились въ противостояніи къ Солнцу и поэтому были удобны для наблюденій. Сатурнъ, этотъ міръ чудесъ въ солнечной системѣ, стоялъ довольно близко отъ центрального свѣтила и наблюдать его было почти невозможно. Для изученія самыхъ дальнихъ планетъ, Урана и Нептуна, требовались болѣе сильные инструменты, чѣмъ тѣ, которыми располагала экспедиція.

Звѣздное небо изъ верхняго окна вагончика представляло удивительно красивую и величественную картину. Почти прямо въ зенитѣ сияль царственный Юпитеръ. Огромная планета, какъ и всѣ остальные свѣтила, не имѣла слѣда тѣхъ расходящихся лучей, которые мы связываемъ съ понятіемъ «звѣзда», и которые происходятъ благодаря вліянію земной атмосферы. Въ безвоздушномъ пространствѣ Юпитеръ блестѣлъ въ видѣ необыкновенно яркой и рѣзкой точки на абсолютно черномъ фонѣ неба. Даже обыкновенный бинокль открывалъ дискъ планеты. По сосѣдству съ самимъ величественнымъ изъ міровъ солнечной системы горѣлъ красный Марсъ, звѣзда кроваваго бога войны.

Несмотря на то, что аппаратъ пролеталъ каждый день сотни тысячъ километровъ, фигуры созвѣздій нисколько не измѣнились, сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ на Землѣ. Мало того, путешественники могли бы умчаться далеко за предѣлы Нептуна, этого стражи планетной семьи, и все-таки относи-

тельное положение звездъ осталось бы прежнимъ. Онъ заброшены такъ безконечно далеко въ пространствѣ, что пройденные 4 миллиарда килом. были бы совер-

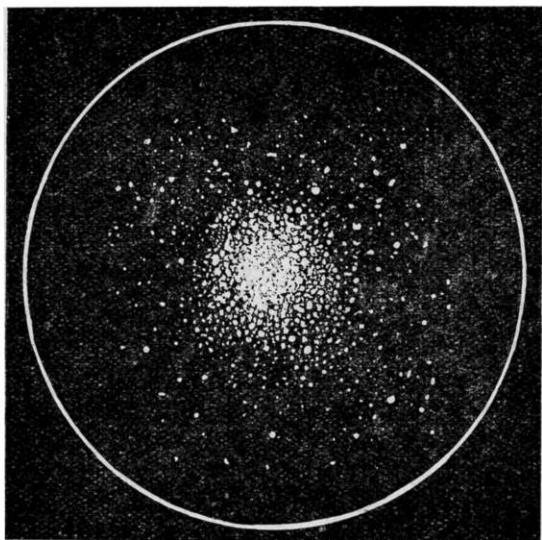
Созвѣздіе Ориона и Спріусъ.

шенно незамѣтны. Цифры, выражающія подобныя разстоянія, превосходятъ силу людскаго воображенія.

Путешественники съ удовольствіемъ смотрѣли на старыхъ знакомыхъ: „Кита“, съ его удивительной пеперемѣнной звѣздой, которую даже называютъ „Мира“, на „Тельца“ съ краснымъ „Альдебараномъ“, на пре-

краснѣйшее изъ всѣхъ созвѣздій, гиганта Ориона и прочее.

Другую половину неба занимали менѣе знакомыя свѣтила южнаго полушарія, такъ какъ небесный экваторъ проходилъ какъ разъ надъ верхнимъ окномъ вагона. Тутъ были: Эриданъ, Скульпторъ, Фениксъ

Звѣздная куча въ Центаврѣ.

и проч. Но главныя диковинки южнаго неба, какъ то: знаменитый Южный Крестъ и великолѣпный Центавръ, главная звѣзда котораго («) Альфа ближе всѣхъ отъ Солнца, открывались изъ бокового окна нижней комнаты. Альфа Центавра удалена отъ Солнца „всего“ на 40 билліоновъ килом.; свѣтъ отъ нея доходитъ въ 4 года, а курьерскій поѣздъ шелъ бы 50 милліоновъ

лѣтъ безъ остановокъ. И это „ближайшаа“ звѣзда, другія находятся въ десятки и тысячи разъ дальше. Таковы бездны, которыхъ открываетъ нашему воображенію царица наукъ—астрономія.

Понятно, что Добровольскій не скучалъ, изучая несравненные красоты неба. Изобрѣтатель дѣятельно помогалъ ему и вмѣстѣ съ тѣмъ велъ журналъ экспедиціи. Онъ каждый день по нѣсколько разъ отмѣчалъ скорость аппарата и все замѣчательное, что встрѣчалось по пути.

Имеретинскій особенно интересовался показаніями двухъ электрическихъ термометровъ, въ которыхъ температура опредѣляется по измѣненію силы тока. Одинъ, привинченный съ тѣневой стороны у верхняго окна, показывалъ температуру безвоздушного пространства: онъ стоялъ все время около абсолютнаго нуля, т.-е.—273° Цельсія. Другой, наоборотъ, былъ укрѣпленъ у нижняго окна и непрерывно освѣщался жгучими солнечными лучами; онъ показывалъ съ самаго начала экспедиціи 78° Ц. и все поднимался по мѣрѣ приближенія къ Солнцу. Изобрѣтатель мечталъ по возвращеніи на Землю обработать свои наблюденія и опубликовать ихъ подъ именемъ „Физики межпланетнаго пространства“. Наташа, конечно, увлекалась и астрономіей и физикой, она была какъ бы ассистенткой у обоихъ ученыхъ. Всѣ трое находили, что межпланетное пространство настоящій рай, и Добровольскій иногда говорилъ:

— Многіе предсказывали, что мы будемъ страшно скучать во время долгаго переѣзда до Венеры. Они

были совершенно не правы: я охотно прожилъ бы такъ не то, что 50 дней, а 50 мѣсяцевъ!

Имеретинскій и Наташа вполнѣ съ нимъ соглашались.

ГЛАВА II.

Фауна межпланетного пространства.

— А вы, Карлъ Карловичъ, не скучаете безъ вакхъ наськомыхъ? спросила какъ-то Наташа.

— Иногда, отвѣтилъ зоологъ. Но у меня все-таки есть работа: я рисую, хозяйничаю и проч.

И вотъ въ одинъ прекрасный день, шестой со времени отъѣзда, терпѣніе Флигенфенгера было вознаграждено; насталъ праздникъ и на его улицѣ.

Любаясь звѣздами изъ бокового окна, онъ замѣтилъ на разстояніи нѣсколькоихъ десятковъ сажень отъ вагончика небольшой предметъ, ярко блестѣвшій на солнечныхъ лучахъ. Эзологъ принялъ его за камешекъ. Любопытно было, что этотъ камешекъ почти не отставалъ отъ аппарата, хотя послѣдній несся уже со скоростью $2\frac{1}{2}$ килом. въ сек.

Флигенфенгеръ взялъ со стола бинокль. Въ ту же минуту у него вырвался невольный крикъ удивленія.

На разспросы всѣхъ остальныхъ путешественниковъ онъ отвѣчалъ, задыхаясь отъ волненія и не отрываясь отъ бинокля:

— Смотрите... тамъ... вѣроятно... какая-нибудь изъ Libellulidae!

Никто ничего не понималъ.

Наташа пошла наверхъ и принесла подзорную трубу.

Мнимый камешекъ оказался насѣкомымъ, похожимъ на стрекозу.

Это было дѣйствительно въ высшей степени странно: откуда могла взяться стрекоза въ холодномъ зеирѣ, за миллионъ килом. отъ Земли? Какимъ образомъ попало живое существо въ это мертвое царство безмолвія? Тщетно задавали себѣ путешественники такие вопросы, никто не могъ отвѣтить на нихъ.

Когда прошла первая минута волненія, то зоологъ засвидѣтельствовалъ, что таинственное насѣкомое несомнѣнно принадлежитъ къ семейству Libellulidae, т.-е. стрекозъ. Но является ли оно однимъ изъ известныхъ уже ученымъ видовъ или нѣтъ—этого зоологъ не брался опредѣлить за дальностью разстоянія.

Нѣжныя крылышки насѣкомаго переливались на солнечномъ свѣтѣ; стрекоза постепенно отставала отъ аппарата, но окончательно скрылась изъ виду лишь черезъ 4 часа.

Флигенфенгеръ все время изучалъ ее, стараясь уловить малѣшія детали строенія, и въ концѣ концовъ получилъ прекрасный рисунокъ.

Само собой разумѣется, что стрекоза была мертваго, ибо ни одинъ организмъ не можетъ жить безъ воздуха и пищи и при температурѣ близкой къ абсолютному нулю.

— Нельзя ли подойти поближе къ ней и постаться достать интересное насѣкомое, попросилъ зоологъ Имеретинскаго. Стрекоза изъ небеснаго про-

странства! Вѣдь это произвело бы фуроръ среди энтомологовъ всего міра.

Но изобрѣтатель рѣшительно возсталъ противъ какихъ бы то ни было нарушеній маршрута. Ловля стрекозы замедлитъ паденіе аппарата и такимъ образомъ экспедиція потеряетъ нѣсколько дней. Мольбы Флигена-Фенгера были тщетны и Имеретинскій остался непреклоненъ. Черезъ 4 часа, какъ сказано выше, стрекоза исчезла изъ виду.

— Меня больше всего удивляетъ, сказалъ Добровольскій, что наша оригинальная попутчица летить не съ такой же скоростью, какъ аппаратъ.

— Отчего? спросилъ зоологъ.

— Очень просто. Мы такъ сказать падаемъ съ Земли на Солнце, тоже самое и стрекоза. А такъ какъ въ безвоздушномъ пространствѣ всѣ тѣла падаютъ съ одинаковой скоростью, то стрекозѣ нѣть причинъ отставать отъ настѣ.

— Но почему ты увѣренъ, что стрекоза непремѣнно земного происхожденія? Отрядъ сѣтчатокрылыхъ или точнѣе ложносѣтчатокрылыхъ, къ которому принадлежатъ *Libellulidae*, очень древняго происхожденія. Онъ существовалъ на Землѣ задолго до появленія млекопитающихъ. Можетъ-быть, наша стрекоза увидѣла свѣтъ на планѣтѣ, которая переживаетъ каменноугольный или мѣловой періодъ.

— Да, конечно. Во всякомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ, какимъ образомъ она преодолѣла притяженіе своей планеты и вышла изъ ея атмосферы?

-- Я думаю, сказалъ изобрѣтатель, что наше комое было подхвачено сильнымъ восходящимъ токомъ

воздуха и унесено въ его верхніе слои; а тамъ, дѣйствіемъ какой-нибудь неизслѣдованной электрической или магнитной силы, оно было брошено въ межпланетное пространство и стало падать на Солнце. Теперь его, вѣроятно, задерживаетъ лучевое давленіе и поэтому мы его обогнали.

Странная встрѣча цѣлый вечеръ занимала умы путешественниковъ, и разговоръ все время вертѣлся около стрекозы, которую Флигенфенгеръ назвалъ *Libellula Aetheri* (Стрекоза эѳира).

Покидая предѣлы Земли, члены экспедиціи думали, что путь до Венеры будетъ однообразенъ. Они представляли себѣ межпланетное пространство почти совершенно пустымъ и никакъ не ожидали, что путешествіе ихъ окажется столь интереснымъ. Между тѣмъ почти каждый день приносилъ имъ что-нибудь новое, и впечатлѣнія быстро сменялись. Эѳирный океанъ, особенно въ ближайшихъ къ Солнцу частяхъ, оказался вовсе не такимъ пустыннымъ, какъ можно было предполагать. Онъ имѣлъ свои острова и подводныя скалы и даже въ лицѣ *Libellula Aetheri* свою фауну.

Пассажиры „Побѣдителя“ внесли въ свои дневники много цѣнныхъ наблюденій и интересныхъ приключеній. Оригинальность окружающихъ условій и красота во всемъ своемъ великолѣпіи развернувшагося звѣздного неба, конечно, только увеличивали привлекательность экспедиціи.

Поэтому, если когда-нибудь установятся правильные сношенія съ Венерой и другими планетами, пусть никто не боится долгаго и скучнаго переѣзда. 40 или 50 дней, проведенныхъ въ черныхъ безднахъ про-

странства, пронизанныхъ миллионами лучей Солнца и другихъ небесныхъ свѣтиль, среди метеоровъ и кометъ—не покажутся скучными. Мы не говоримъ уже о величіи цѣли небеснаго путешествія, о несравненномъ наслажденіи ступить на почву другого міра, гдѣ каждый шагъ открываетъ новые тайны природы, гдѣ каждый взглядъ развертываетъ неизвѣданнага чудеса вселенной!

Не успѣли путешественники занести въ свои журналы описание встрѣчи со стрекозой, какъ новое впечатлѣніе дало имъ возможность лишній разъ убѣдиться, что межпланетное пространство вовсе не такъ пусто, какъ стеклянный колоколъ, изъ котораго выкачанъ воздухъ.

Послѣднюю часть ночи, или вѣрнѣе, времени, предназначенного для сна, дежуриль Добровольскій. Съ самаго начала онъ замѣтилъ, что ему всѣ звѣзды кажутся какими-то туманными. Астрономъ объяснилъ это тѣмъ, что плохо выспался, и потому неясно видитъ. Но странное явленіе все усиливалось и наконецъ даже Солнце подернулось легкой дымкой. Крайне заинтересованный Добровольскій разбудилъ своихъ спутниковъ на полчаса раньше. Они всѣ также замѣтили туманъ, окружающій вагончикъ. Послѣ этого сомнѣній быть не могло: аппаратъ дѣйствительно проходилъ туманную массу, т.-е. скопленіе метеорной пыли.

Вскорѣ этому нашлось еще одно доказательство: вмѣсто того, чтобы попрежнему постепенно увеличивать свою скорость, „Побѣдитель Пространства“ сталъ замедлять паденіе. Сопротивленіе пылинокъ задерживало его. Аппаратъ потерялъ въ скорости 1 килм. въ

сек., и такое замедленіе въ конечномъ результатаѣ должно было удлинить путешествіе почти на цѣлые сутки.

Если бы облако, въ которое попалъ „Побѣдитель Пространства“, было больше, то, можетъ-быть, исполнилось бы мрачное предсказаніе Штернцелера; путешествіе настолько затянулось бы, что у экспедиціи не хватило бы провіанта и кислороду. Однако и безъ того прохожденіе сквозь пыль продолжалось цѣлыхъ 22 часа, и только къ утру восьмого дня Солнце засіяло ярко попрежнему.

Имеретинскій рѣшилъ воспользоваться случаемъ и во что бы то ни стало достать и изслѣдоватъ нѣкоторое количество метеорной пыли. Для этой цѣли изобрѣтатель хотѣлъ выставить наружу сачокъ изъ плотной матеріи.

— Но какъ же вы это сдѣлаете? спросилъ его Добровольскій. Вѣдь если открыть окно, то часть воздуха изъ вагона моментально вылетитъ, и мы рискуемъ остаться безъ азота. Замѣнить его нечѣмъ, а дышать чистымъ кислородомъ безусловно невозможно.

Имеретинскій задумался.

— Да, открывать окно нельзя; но я попробую воспользоваться аппаратомъ для удаленія углекислоты.

Идея оказалась удачной. Къ сосуду съ жидкостью для поглощенія вредныхъ газовъ прикрѣпили небольшой сачокъ. Надо помнить, что сосудъ этотъ периодически выдвигался наружу, при чемъ механизмъ былъ устроенъ такъ, чтобы не терялся воздухъ. Снаружи изъ жидкости выдѣлялись растворенные газы, и черезъ нѣкоторое время сосудъ возвращался обратно въ ва-

гонъ. Каждые двѣнадцать часовъ механизмъ заводилъся и дѣйствовалъ автоматически.

Когда сачокъ оказался снаружи, Имеретинскій посредствомъ веревочки, конецъ которой остался въ вагонѣ, повернулъ его такъ, чтобы онъ, благодаря движению „Побѣдителя Пространства“, захватывалъ пыль. Сосудъ дольше обыкновенного удержали снаружи и, такимъ образомъ, въ сачокъ набралось достаточно метеорной пыли. Ловкій маневръ удался вполнѣ, и изобрѣтатель принялъся за анализъ полученнаго вещества. Результатъ оказался такимъ, какого и слѣдовало ожидать. Въ составъ космической пыли входили тѣ же элементы, которые найдены въ метеоритахъ, т.-е. прежде всего желѣзо и въ меньшемъ количествѣ магній, кремній и проч. Всѣ эти элементы уже известны на Землѣ.

Окончивъ работу, Имеретинскій сказалъ:

— Вездѣ въ пространствѣ мы находимъ тѣ же вещества; они должны имѣть общее происхожденіе.

Эта фраза послужила поводомъ для очень интереснаго спора между изобрѣтателемъ и астрономомъ.

— Я не вѣрю, возразилъ послѣдній, въ такъ называемое единство вещества. По-моему, всѣ элементы такъ же стари, какъ сама матерія: золото всегда было золотомъ, а водородъ—водородомъ.

— Какъ же вы смотрите въ такомъ случаѣ на міровой эаиръ?

— Да, да, вставилъ Флигенфенгеръ; я давно хотѣлъ спросить объ этомъ. А то все слышу эаиръ, эаиръ, а что это за звѣрь—не знаю.

— Относительно эаира я придерживаюсь взгляда

нашего знаменитаго химика, Дмитрия Ивановича Менделеева. Эмиръ есть совершенно самостоятельный элементъ; вѣроятно тотъ, который помѣщается въ нулевой группѣ нулевого ряда періодической системы.

— Можно сказать—объяснили! развелъ руками зоологъ; ровно ничего не понимаю.

Но ученые, увлеченные споромъ, не обратили вниманія на слова Флигенфенгера и продолжали въ томъ же духѣ.

Чтобы читатель не оказался въ непріятномъ положеніи Карла Карловича, мы позволимъ себѣ дать нѣсколько краткихъ поясненій. Весь разнообразный міръ, который настъ окружаетъ, состоить изъ немногихъ веществъ. Цвѣты и деревья, камни и животныя, воздухъ и вода—это все различныя сочетанія, то въ видѣ простой смѣси или раствора, то въ болѣе прочномъ, такъ называемомъ химическомъ соединеніи—сочетаніи простыхъ веществъ, элементовъ. Элементы (исключая можетъ-быть радиоактивныхъ) никакими, теперь извѣстными силами не могутъ быть разложены или превращены другъ въ друга. Современная химія знаетъ около 80 элементовъ; въ томъ числѣ нѣсколько (напр. короній) извѣстныхъ только на Солнцѣ или звѣздахъ; послѣдніе открыты при помощи спектрального анализа и до сихъ поръ не найдены на Землѣ.

Долгое время химики не находили общаго закона, связывающаго всѣ элементы. Ученые видѣли, что帮忙 вещества обладаютъ похожими свойствами и образуютъ опредѣленныя группы, напр. галоиды, щелочные металлы и проч. Однако причина сходства оставалась невыясненной.

Въ 1869 году Менделѣевъ опубликовалъ свою „Періодическую систему элементовъ“. Располагая элементы въ рядъ по ихъ атомнымъ вѣсамъ (атомъ—самая мелкая частица элементарнаго вещества), можно видѣть постепенное измѣненіе ихъ свойствъ. Черезъ каждыя семь элементовъ свойства повторяются. Такимъ образомъ, Менделѣевъ получилъ семь группъ и 12 рядовъ: кромъ того, онъ выдѣлилъ еще восьмую группу для желѣза, платины и проч. Зная атомный вѣсъ элемента, можно сказать, въ какомъ ряду и въ какой группѣ онъ находится и опредѣлить многія его свойства. Менделѣевъ, дѣйствительно, вполнѣ вѣрно предсказалъ свойства нѣсколькихъ элементовъ, которыхъ недоставало въ его таблицѣ и которые впослѣдствіи были открыты. Періодическая система сначала встрѣтила много возраженій, скоро однако блестяще опровергнутыхъ. Теперь періодическій законъ общепризнанъ. Въ девяностыхъ годахъ XIX в. Рамзай и друг. открыли еще элементы нулевой группы, о которой какъ разъ говорилъ Добровольскій. Эти элементы существенно отличаются отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что не даютъ никакихъ химическихъ соединеній. Кромѣ того, это все трудно сжижаемые газы. Въ нулевомъ ряду нулевой группы, куда Менделѣевъ помѣстилъ міровой зеиръ, долженъ стоять элементъ газообразный, чрезвычайно легкій, абсолютно несжижаемый, упругій и проч.—всѣ эти свойства дѣйствительно и приписываются зеиру. Теперь мы можемъ вернуться къ прерванному спору.

— Несмотря на остроуміе менделѣевской гипотезы, возразилъ Имеретинскій, она, мнѣ кажется, устарѣла.

Менделеевъ исходитъ изъ понятія объ неизмѣняемо-
сти элементовъ, а между тѣмъ новѣйшія открытия въ
области радиоактивности показываютъ, что нѣкоторые
элементарные атомы могутъ распадаться и переходить
въ новый элементъ.

— Радиоактивность еще настоящая *terra incognita!*
И изъ-за подобныхъ гипотетическихъ данныхъ отка-
зываться отъ стройнаго химическаго ученія, создан-
наго вѣковой работой, я считаю, по крайней мѣрѣ,
преждевременнымъ.

— Какъ бы то ни было, горячо отвѣтилъ изобрѣ-
татель, та гипотеза, за которую стояу я, болѣе со-
временна, болѣе красива и не менѣе научна.

— А въ чёмъ же она заключается?

— Еще знаменитый Лакіеръ, не говоря объ алхи-
микахъ и древнихъ философахъ, ратовалъ за слож-
ность атома. Данныя радиоактивности, а также слож-
ность спектра многихъ элементовъ вполнѣ подтверж-
даютъ это предположеніе. Первичная туманность, изъ
которой произошла вся огромная группа солнцъ (наше
въ томъ числѣ), называемая млечнымъ путемъ,—эта
туманность была сгущеніемъ единой первичной мате-
рии—зэира. Эзиръ есть тотъ матеріалъ, изъ которого
построены атомы всѣхъ элементовъ; они являются
только различной группировкой частицъ мірового зэира.

— Я не отрицаю вполнѣ вашей теоріи. Мнѣ только
кажется болѣе надежнымъ предположеніе, что зэиръ
не фантастическая первоматерія, а вполнѣ реальный
отдѣльный элементъ.

— Это не болѣе доказано, чѣмъ моя гипотеза, на
сторонѣ которой стройность и широта взгляда. Меня

всегда поражало, что Менделеевъ до конца жизни не признавалъ, чѣмъ атомы элементовъ состоятъ изъ первоатомовъ. Вѣдь такое предположеніе великолѣпно объясняло бы зависимость свойства элемента отъ вѣса атома, т.-е. числа составляющихъ его первоатомовъ. Такимъ образомъ періодическая система получила бы философскую основу.

— Все это прекрасно, вмѣшался Флигенфенгеръ, не получившій отвѣта на свой первый вопросъ; но какой же общій выводъ изъ вашего высокоучченаго спора? Что же такое, наконецъ, эаиръ?

— Эаиръ, отвѣтилъ Имеретинскій, это или новый элементъ (мнѣніе Менделеева и Бориса Геннадіевича), или же та первоначальная матерія, изъ которой произошли, а, можетъ-быть, происходятъ и сейчасъ, всѣ элементы. Это мое мнѣніе.

— Карль Карловичъ, принимайте послѣднее: оно красивѣе, логичнѣе и болѣе обще, сказала Наташа.

Споръ закончился несомнѣнной побѣдой Имеретинскаго, и Добропольскій остался въ очевидномъ меньшинствѣ.

Какъ уже сказано, только къ утру слѣдующаго дня аппаратъ вышелъ изъ метеорной пыли. Впереди ярко сяло Солнце, тогда какъ сзади звѣзды и планеты оставались покрытыми густой дымкой.

Когда „Побѣдитель Пространства“ отошелъ на нѣсколько сотъ тысячъ километровъ отъ облака космической пыли, явилась возможность измѣрить его. Оно имѣло форму чечевицы, расположенной въ плоскости солнечнаго экватора.

Аппаратъ за 22 часа пересѣкъ его почти во всю ширину, со средней скоростью 3 килом. въ сек., поэтому облако имѣло отъ 230.000 до 300.000 килом. ширины. Издали, какъ его видѣли пассажиры вагона, оно казалось узкой полосой, протянутой по небу. Длину ея опредѣлили въ 500.000 килом., а толщину въ 25.000 килом. На основаніи этихъ расчетовъ, Императоринскій занесъ въ журналъ экспедиціи:

„26-ое сентября. Прохожденіе сквозь метеорную пыль. Размѣры скопленія: длина 500 тыс. килом., ширина 230—800 тыс. килом., толщина 25 000 килом. Форма чечевицеобразная. Составъ: желѣзо, магній, кремній, кислородъ, никкель и проч., т.-е. подобенъ наиболѣе обыкновеннымъ метеоритамъ“.

Восьмой день прошелъ безъ всякихъ приключеній. Аппаратъ продолжалъ падать къ Солнцу все быстрѣе и быстрѣе, приближаясь къ мѣсту встречи съ Венерой. Пассажиры были чрезвычайно довольны своимъ путешествіемъ. Они съ увлеченіемъ изучали и наблюдали все окружающее и мѣнялись впечатлѣніями. Флигенфенгеръ особенно радовался тому, что они первые улетѣли съ Земли въ невѣдомое пространство; онъ сталъ очень веселъ и даже рѣже скорился съ Добровольскимъ и съ Наташой изъ-за кулинарныхъ талантовъ. Одно только огорчало зоолога: онъ замѣтно полнѣлъ и все болѣе походилъ на шаръ. Это обстоятельство приводило его прямо въ ужасъ и онъ трагически восклицалъ:

— Я предвижу неизбѣжную катастрофу; на Венерѣ я не пролѣзу въ двери вагончика и такимъ образомъ окажусь замурованнымъ!

Несмотря на прекрасное настроение, путешественники все-таки мечтали о томъ счастливомъ днѣ, когда они опустятся на таинственные материки Венеры.

— Вѣдь Колумбъ передъ нами ничто! въ минуту увлечения заранѣе торжествовали Наташа съ Карломъ Карловичемъ; онъ открылъ всего какую-то несчастную Америку, а мы откроемъ новый земной шаръ.

Но хладнокровный астрономъ всегда скептически замѣчалъ:

— Цыплять по осени считаютъ, подождите еще торжествовать.

— Чего же намъ ждать? Не попадемъ мы на Венеру что ли?

— Во-первыхъ, все можетъ случиться, а во вторыхъ, неизвѣстно, пригодна ли Венера для жизни человѣка и не покрыта ли она сплошнымъ океаномъ.

— Нѣтъ, рѣшительно заявляла Наташа при полномъ сочувствіи Флигенфенгера, вы все это говорите съ досады, что мы полетѣли не на вашъ возлюбленный Марсъ. Я твердо вѣрю, что „вечерняя звѣзда“ не обманеть нашихъ надеждъ.

Имеретинскій улыбался, слушая эти полныя увлеченія слова, а Добровольскій только плечами пожималъ да руками разводилъ. Какъ бы въ подтвержденіе словъ астронома, на другой же день случилась маленькая катастрофа, которая могла окончиться очень печально.

Путешественники сидѣли въ нижней ко. атѣ и мирно разговаривали, мечтая о будущихъ изслѣдованияхъ и открытіяхъ. Увлеченные интересной темой,

они ничего особенного не замѣтили, какъ вдругъ Наташа страшно поблѣднѣла и чуть не упала со стула. Дѣвушка была близка къ обмороку. Ей скорѣй подали воды, но это, видимо, мало помогло и она принуждена была лечь. Не прошло и пяти минутъ, какъ Добровольскій и Флигенфенгеръ тоже почувствовали себя дурно; послѣдній даже потерялъ сознаніе. Име ретинскій, у котораго также кружилась голова и неправильно билось сердце, сдѣлалъ надъ собой усилие и осмотрѣлся кругомъ. Все было на мѣстѣ и онъ сначала не замѣтилъ никакого безпорядка. Однако, изобрѣтателю дѣлалось все хуже; остальные путешественники уже были въ глубокомъ эбморокѣ. Невѣрными шагами, полубезсознательно, поднялся Имеритинскій наверхъ. Здѣсь силы оставили его окончательно и онъ упалъ на поль. Но черезъ минуту онъ сразу почувствовалъ себя бодрѣе и сознаніе вполнѣ вернулось къ нему.

Припоминая все, что произошло, онъ сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло. Въ нижней комнатѣ не дѣйствовалъ приборъ для удаленія углекислоты и тамъ скопился этотъ вредный газъ. Никто не замѣтилъ опасности, такъ какъ углекислота не имѣеть запаха. Если бы изобрѣтатель, побуждаемый смутнымъ инстинктомъ, не поднялся наверхъ, гдѣ продолжалъ работать возлухоочиститель, онъ также лишился бы чувствъ, и всѣ вскорѣ задохлись бы. Имеретинскій поспѣшилъ внизъ и открылъ кислородный кранъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ испортившійся приборъ; оказалось, что все въ немъ цѣло, а просто Добровольскій, на обязанности

котораго лежало заводить механизмъ, забылъ это сдѣлать въ нижней комнатѣ.

Черезъ часъ воздухъ очистился, и путешественники вполнѣ пришли въ себя. Единственнымъ послѣдствіемъ недосмотра явилась головная боль и вызванное ею дурное настроеніе. Оно въ свою очередь по служило причиной большой ссоры между Добровольскимъ и Флигенфегеромъ, такъ что Наташа въ отчаяніи воскликнула:

— Какъ разъ сегодня утромъ я радовалась, что вы перестали ссориться изъ-за всякаго пустяка; и вотъ видно радость была преждевременна!

Это небольшое несчастіе явилось какъ бы предзнаменованіемъ будущей рѣшительной катастрофы, первой молніей надвигающейся грозы, которая разразилась на слѣдующій, десятый день.

ГЛАВА III.

Битва въ пространствѣ.

Есть ли хоть одно великое открытие, хоть одна свѣтлая идея которая не была бы омрачена завистью соперника или злобой и презрѣніемъ непонимающихъ. Любовь и всепрощеніе христианства залиты кровью мучениковъ и жертвъ инквизиціи и религіозной нетерпимости; Галилей, этотъ великий астрономъ и мыслитель, былъ подвергнутъ публичному позору за любовь къ истинѣ. Джіордано Бруно заплатилъ за то же жизнью; Колумбъ, широко раздвинувшій тѣсныя рамки

средневѣковаго міра, умеръ въ бѣдности, всѣми отвергнутый и забытый. Исторія человѣческой культуры даетъ еще десятки и сотни подобныхъ примѣровъ.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ надъ человѣчествомъ повисло новое проклятие: всякое открытие является по-водомъ для проявленія международного соперничества и национальной ненависти. Изобрѣтеніе летательнаго аппарата или подводной лодки несомнѣнно угро аеть всесѣщему миру: люди сумѣли обратить цѣнное завоеваніе науки въ орудіе самоистребленія, и флотилии воздушныхъ и подводныхъ броненосцевъ легли новой тяжестью на плечи народовъ. Каждое государство больше всего боится оказаться слабѣе сосѣдей и лихорадочно увеличиваетъ свои вооруженные силы, забывая о самыхъ насущныхъ потребностяхъ. Съ другой стороны, все, что можетъ увеличить богатство и силу иностранныхъ державъ, кажется ему опаснымъ и достойнымъ самого энергичнаго противодѣйствія.

Гениальное изобрѣтеніе Имеретинскаго расширяло сферу вліянія Россіи и давало ей могучее оружіе въ международномъ соперничествѣ. Это обстоятельство, какъ читатель скоро увидитъ, очень дорого стоило экспедиціи.

Не всегда мрачныя предчувствія предупреждаютъ с грядущей бѣдѣ; не всегда, по чьему-то красивому и образному выражению: „грядущія событія бросаютъ передъ собой тѣнь“; не всегда по крайней мѣрѣ люди умѣютъ уловить эту тѣнь. Часто несчастіе является среди радости и веселья, когда его меньше всего ожидаютъ. Оно, какъ молния изъ яснаго неба, разбиваетъ

самая розовая надежда и казавшиеся неопровергимыми расчеты.

Такъ было и на этотъ разъ.

30-го сентября путешественники чувствовали себя лучше, чѣмъ когда-либо и общее настроение было прямо праздничнымъ. Обѣдъ проходилъ необыкновенно весело и оживленно, шутки и смѣхъ не умолкали.

Правда, необычайная обстановка этой межпланетной трапезы налагала на все свой отпечатокъ, но нисколько не вліяла на расположение духа обѣдающихъ.

Въ разговорѣ часто можно было услышать фразы, имѣющія смыслъ только тамъ, гдѣ предметы почти ничего не вѣсятъ и движутся исключительно по инерціи, а не подъ дѣйствіемъ силы тяжести.

— Господа, не хватаетъ тарелокъ.

— Я сейчасъ прыгну наверхъ и достану еще.

— Бросьте мнѣ, пожалуйста, волы въ стаканъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

Все нужно „бросать“, „опускать“ и т. д.; ибо ничего само не льется и не падаетъ достаточно быстро. Если, напр., кто-нибудь ронялъ ножикъ со стола, то онъ лишь черезъ треть минуты достигалъ пола. Но путешественники за десять дней такъ привыкли ко всѣмъ этимъ странностямъ, что не замѣчали ихъ, и необыкновенные обороты рѣчи никого уже не удивляли.

Въ этотъ день Флигенфенгеръ превзошелъ самого себя и приготовилъ великолѣпный обѣдъ такъ, что Наташа должна была признать себя побѣженной и уступить зоологу пальму первенства въ кулинарномъ

искусствѣ. Когда обѣдъ подходилъ уже къ концу, Карлъ Карловичъ поднялся зачѣмъ-то наверхъ и, бросивъ случайно взглядъ въ верхнее окно, замѣтилъ звѣзду, которой, какъ ему казалось, раньше не было въ этомъ мѣстѣ. Онъ сообщилъ о новомъ свѣтилѣ своимъ спутникамъ. Имеретинскій и Добровольскій немедленно встали изъ-за стола и, слегка подпрыгнувъ, поднялись въ верхній этажъ. Когда они направили на неизвѣстную звѣзду телескопы, на лицахъ ихъ отразилось крайнее недоумѣніе. Наташа тоже пошла къ верхнему окну и услышала діалогъ, изъ котораго ровно ничего не поняла.

— Похоже на Сатурнъ, только кольцо больше.

— Вы говорите пустяки, Сатурнъ далеко отъ Солнца!

— Полоса очень длинна.

— Да, дискъ сравнительно малъ.

— Если тѣло движется, то по оси зрѣнія, ибо оно не перемѣщается въ трубѣ.

— Блестить, какъ полированный металлъ...

— Этого-то я и опасаюсь!.

— Я васъ не понимаю.

Молодая дѣвушка понимала еще меньше. Она видѣла, что недалеко отъ Юпитера и Марса, сзади, относительно движенія аппарата, появилась новая, большая звѣзда мѣдно-краснаго цвѣта; но, было ли это вновь вспыхнувшее въ глубинѣ вселенной солнце, или яркій болидъ,— при чемъ тутъ странныя слова астронома и Имеретинскаго?

Междудѣмъ лицо послѣдняго дѣлалось все

мрачнѣе и онъ продолжалъ говорить безсвязныя фразы.

— Слова письма оправдываются, насъ могутъ опередить. Но кто? Такая низость!.. чужое изобрѣтеніе!..

Въ это время Наташа замѣтила, что звѣзда стала замѣтно ярче; вмѣстѣ съ тѣмъ она принимала какъ бы удлиненную форму. Она немедленно сообщила обѣ этомъ изобрѣтателю.

— Да, да... Но почему нагоняетъ? Тѣла вѣдь падаютъ съ одинаковой скоростью...

Видя, что Наташа теряетъ терпѣніе, астрономъ уступилъ ей трубу.

На абсолютно черномъ небѣ, какъ драгоценный алмазъ, сверкало прекрасное, но странное свѣтило. Небольшой, совершенно круглый дискъ пересѣкался менѣе свѣтлой полосой. Она далеко тянулась въ обѣ стороны, какъ золотистая лента на черномъ фонѣ. Замѣчательно чистый и ровный свѣтъ непонятного тѣла невольно заставлялъ думать о полированномъ металлѣ.

При видѣ этой удивительной картины, Наташа спросила.

— Что же это такое, Борисъ Геннадіевичъ?

— Я самъ въ недоумѣніи. Никогда я не наблюдалъ такого странного свѣтила. Можетъ-быть это какая-нибудь неизвѣстная крошечная планета между Землей и Венерой, окруженная кольцомъ въ родѣ Сатурна, но тогда она двигалась бы въ другомъ направленіи, а не приближалась бы къ намъ.

— А она несомнѣнно приближается и притомъ очень быстро!

Въ чемъ дѣло, господа? спокойно спросилъ Флигенфенгеръ, поднявшиіся изъ нижней комнаты. Любуетесь открытой мною звѣздой? Ну что же, она не опасна?

— Не знаю, отвѣтилъ астрономъ.

— А вы, Валентинъ Александровичъ, какъ думаете?

Изобрѣтатель отошелъ отъ телескопа. Онъ былъ видимо сильно взволнованъ и разстроенъ.

— Подождите; я ни въ чемъ не увѣренъ. Пусть „онъ“ приблизится.

— Кто „онъ“? спросили остальные въ одинъ голосъ. Объясните, наконецъ, въ чемъ дѣло.

Имеретинскій молчалъ.

Какъ быстро и неожиданно мѣняется настроеніе и даже судьба людей! Десять минутъ тому назадъ путешественники были веселы и вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. Имъ и въ голову не могло притти, что какое-нибудь препятствіе угрожаетъ экспедиції. До сихъ поръ все шло такъ благополучно, такъ спокойно — и вдругъ эта странная звѣзда и еще болѣе странное поведеніе изобрѣтателя! Пассажиры чувствовали приближеніе какой-то угрозы; новое сѣтило казалось имъ зловѣщимъ и тревога охватила всѣхъ.

Межу тѣмъ звѣзда приближалась. Ея оригиналную форму уже можно было разглядѣть простымъ глазомъ. Путешественники, какъ прикованные, стояли у окна и слѣдили за свѣтиломъ. Флигенфенгеромъ,

сначала такъ легкомысленно отнесшимся къ дѣлу, теперь также овладѣла тревога, хотя онъ менѣе всѣхъ понималъ причину ея. Имеретинскій направилъ на новое свѣтило велосиметръ Гольцова и сказалъ:

— Предметъ приближается къ намъ со скоростью 1 килом. въ сек. Я думаю, что черезъ 5 минутъ онъ настъ догонитъ, а черезъ двѣ или три минуты выяснится, вѣрны ли мои предположенія.

Путешественникамъ казалось, что время идетъ страшно медленно; секундная стрѣлка на часахъ какъ будто остановилась. Наташа хотѣла посмотреть въ телескопъ, но небесное свѣтило не помѣщалось уже больше въ полъ зреиня, а подробностей нельзѧ было замѣтить никакихъ на его гладкой, блестящей поверхности. Тогда молодая дѣвушка сошла внизъ и принесла свой бинокль. Лишь только она приставила его къ глазамъ, какъ невольно воскликнула:

Аппаратъ!

— Какой аппаратъ? Что вы говорите?

— Да, господа промолвилъ Имеретинскій. Наталья Александровна права. Насъ нагоняетъ второй аппаратъ. Мы не одни въ небесномъ пространствѣ!

Черезъ минуту больше нельзѧ было сомнѣваться въ справедливости этого поразительного факта. Неизвѣстное свѣтило вполнѣ ясно уже приняло форму аппарата, подобнаго „Побѣдителю“, только гораздо большихъ размѣровъ. Неожиданный соперникъ быстро нагонялъ первую экспедицію и вскорѣ долженъ былъ съ ней поравняться.

Но кто же были пассажиры второго аппарата? Откуда взялись неожиданные попутчики? На эти вопросы никто изъ путешественниковъ не могъ дать отвѣта. Было только вполнѣ очевидно, что кто-то похитилъ идею Имеретинского и, воспользовавшись его чертежами, построилъ собственный аппаратъ. Теперь неизвѣстные враги хотѣли, кромѣ того, обогнать „Побѣдителя Пространства“ и, такимъ образомъ, украсть у Имеретинского и его спутниковъ славу первыхъ небесныхъ пionеровъ.

Пассажиры были такъ поражены событиемъ, что сначала не хотѣли вѣрить глазамъ. Имъ казалось, что они бредятъ или видятъ странный сонъ.

— А знаете, что меня больше всего удивляетъ? сказалъ Имеретинскій. Вовсе не самое появленіе аппарата; кража моего проекта, анонимная записка, которую я получилъ передъ отъездомъ, взрывъ и покушенія — все это показывало, что у насъ есть враги и даже могло навести на мысль о соперникахъ; больше всего меня удивляетъ то, что второй аппаратъ летитъ скорѣе нашего.

— Что же тутъ такого странного? спросилъ Флингсфенгеръ.

— Ахъ, Карлъ Карловичъ, видно, что вы не физикъ: мы падаемъ на Солнце въ пустотѣ, а въ пустотѣ всѣ тѣла падаютъ съ одинаковою скоростью.

— Да, въ такомъ случаѣ, это дѣйствительно странно.

— Однако, чего вы всѣ такъ пріуныли? продолжалъ зоологъ. Насъ нагоняютъ? тѣмъ лучше; мы познакомимся съ попутчиками и будемъ знаками разго-

варивать черезъ окна. Вѣдь все равно, вся слава открытия останется за вами, Валентинъ Александровичъ, даже если они пріѣдутъ раньше насъ. Воръ не имѣетъ право на украденное добро.

— А чѣмъ вы докажете, возразила Наташа, что они украли проектъ, а не самостоятельно построили аппаратъ? Кромѣ того, материки Венеры откроютъ во всякомъ случаѣ они, а не мы.

— Дѣло не въ удовлетвореніи честолюбія, сказалъ Имеретинскій; гораздо важнѣе то, что мы и на Венерѣ будемъ скружены врагами, какъ на Землѣ, если только еще раньше... Онъ не докончилъ фразы.

Пассажиры опять подошли къ окну.

Совсѣмъ рядомъ, въ разстояніи саженей пятидесяти пролетѣль въ пространствѣ второй аппаратъ. Вагонъ его по формѣ и по расположению оконъ былъ точной копіей «Побѣдителя пространства»; но зеркало имѣло гораздо большия размѣры. Ребро его, повернутое къ Солнцу, и было той полосой, которую путешественники видѣли раньше,—между тѣмъ какъ круглый дискъ мнимой планеты оказался дномъ вагона. Но теперь пассажиры экспедиціи смотрѣли на аппаратъ-соперникъ сбоку, и его гигантское неосвѣщенное зеркало лежало темной тѣнью на звѣздномъ небѣ. Занавѣски на окнахъ были спущены; внутреннее убранство вагона и его таинственные обитатели оставались скрытыми отъ взоровъ путешественниковъ. На блестящихъ стѣнкахъ вагона ясно вырисовывалось латинское слово: «Patria».

Это название на международномъ языкѣ не открывало національности строителей аппарата. Онъ былъ

слѣланъ изъ слегка красноватаго металла, и это обстоятельство вызвало слѣдующее замѣчаніе Имеретинскаго:

— Вы помните, что неизвѣстнымъ похитителямъ моихъ чертежей не удалось украсть таблицу для составленія свинцового и ванадийного максвеллія. Очевидно имъ пришлось строить свой аппаратъ изъ болѣе тяжелаго сплава; вслѣдствіе этого потребовалось зеркало большихъ размѣровъ. На глазъ, оно раза въ два превосходить наше.

Между тѣмъ въ движеніи „Paltria“ произошло важное измѣненіе. Зеркало его повернулось сначала въ одну, затѣмъ въ другую сторону и черезъ нѣсколько минутъ аппаратъ, благодаря замедляющему дѣйствію лучевого давленія, пошелъ рядомъ съ «Побѣдителемъ пространства».

Пассажиры послѣдняго съ любопытствомъ слѣдили за этими маневрами. Увлеченные наблюденіями надъ медленными и величественными поворотами огромнаго рефлектора, они не замѣтили, какъ въ стѣнкѣ вагончика „Paltria“ отодвинулся металлический щитъ и открылось какое-то отверстіе. Затѣмъ оттуда что-то блеснуло...

Сильный толчокъ потрясъ „Побѣдителя пространства“. Путешественники очень удивились, но не поняли его значенія. Черезъ нѣсколько секундъ послѣдовалъ второй ударъ. Имеретинскій, крайне встревоженный, кинулся внизъ къ нижнему, т.-е. переднему окну; все было пусто впереди и нигдѣ не было видно ни тѣни болида или чего-нибудь подобнаго.

Третій и четвертый удары сбросили посуду съ чай-

наго стола. Пятый заставилъ зазвенѣть верхнее боковое окно, обращенное ко второму аппарату. Что-то ударило въ его раму. Тутъ изобрѣтатель, вернувшійся въ верхнюю комнату, увидѣлъ странное отверстіе въ стѣнѣ вагона „Palgia“ и сразу понялъ опасность.

— Негодяи настѣ обстрѣливаютъ! воскликнулъ онъ.

Въ ту же минуту новый выстрѣлъ обрушился на вагонъ. За нимъ началась настоящая канонада, повидимому, изъ нѣсколькихъ скорострѣльныхъ орудій.

Второй аппаратъ оказался снабженнымъ какими-то особыми пушками, приспособленными для стрѣльбы въ безвоздушномъ пространствѣ. Экспедиція наткнулась на настоящаго корсара земного океана. Злоба людская успѣла завоевать его одновременно съ культурой.

Положеніе было очень серьезнымъ. Борьба между безоружнымъ „Побѣдителемъ Пространства“ и его противникомъ могла имѣть только одинъ исходъ — гибель первого. Имеретинскій понялъ это и не терялъ времени. Сильнымъ движеніемъ повернулъ онъ рычагъ отъ зеркала на 90°. Горячіе солнечные лучи ярко освѣтили отражающіе листы. Вліяніе юного давленія сказалось немедленно — паденіе «Побѣдителя» стало быстро замедляться.

Нападающіе замѣтили маневръ изобрѣтателя и также повернули свое зеркало къ Солнцу. Аппараты очень мало удалились другъ отъ друга, и бомбардировка продолжалась. Десятки снарядовъ ударяли въ вагонъ, и онъ безпрерывно вздрогивалъ отъ толчковъ. Двойная металлическая стѣнка мѣстами прог

нулись; закаленное стекло окна звенѣло и рама его искривилась.

— Мы не выдержимъ и двухъ минутъ такого огня, взволнованно сказалъ Имеретинскій. Достаточно хоть одному снаряду удачно попасть въ окно и первое стекло разбьется; слѣдующій ударъ уничтожитъ второе стекло, и весь воздухъ изъ вагона выплетитъ въ пустоту!..

— Такъ закройте скорѣе окно металлическимъ щитомъ! предложилъ Добровольскій.

-- Все-равно, это не поможетъ; стѣнки также долго не выдержатъ, а зато я лишусь возможности наблюдать за непріятелемъ. Наше спасеніе только въ бѣгствѣ.

Съ этими словами изобрѣтатель опять повернулъ рефлекторъ и поставилъ его косо къ Солнцу.

Враги не успѣли такъ же быстро повторить движеніе, и „Побѣдитель“ выигралъ нѣсколько десятковъ саженъ. Теперь снаряды ударяли рѣже, такъ какъ стало труднѣе цѣлиться, но удары нисколько не ослабѣли, ибо не было воздуха или силы тяготѣнія, которыя задерживали бы полетъ непріятельскихъ ядеръ.

Однако, черезъ нѣкоторое время аппараты опять сблизились, такъ какъ „Patria“ направилась наперѣзъ „Побѣдителю“. Имеретинскій придумалъ новый маневръ: онъ повернулъ зеркало и, пройдя передъ своими противниками, очутился у нихъ съ другой стороны. Неизвѣстнымъ врагамъ пришлось открывать орудія съ другой стороны и заново пристрѣливаться.

Гонка продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Путешественники не теряли надежды уйти отъ непрѣятеля. Снаряды не разъ ударяли въ окна, но къ счастью, всегда косо, и крѣпкое стекло не разбивалось отъ сотрясения. Стѣнки во многихъ мѣстахъ прогнулись и искривились. Зеркало было порядочно изодрано и пробито; это, впрочемъ, не имѣло большого значенія. Аппараты летѣли съ одинаковой скоростью. Вскорѣ артиллеристамъ „Patria“ удалось пристрѣляться, и огонь сталъ болѣе мѣткимъ.

Имеретинскій вновь повернулъ зеркало прямо къ Солнцу.

— Плохо то, замѣтилъ онъ своимъ спутникамъ, что мы не можемъ пустить аппаратъ полнымъ ходомъ. Я увѣренъ, что мы бы отъ нихъ ушли.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? воскликнулъ Флигенфенгеръ.

— А вы развѣ забыли предостереженіе Штернцеллера: инерція при быстротѣ 250 килом. въ сек. преодолѣть силу солнечнаго тяготѣнія, и мы умчимся въ безконечность. Въ такомъ случаѣ мы не только не попадемъ на Венеру, но и на Землю никогда не вернемся.

— Да, перспектива незавидная: или погибнуть отъ голода и жажды въ холодномъ міровомъ пространствѣ или быть вдребезги разстрѣянными этими негодиями.

— Попробуемъ еще бороться и не будемъ терять бодрости, сказалъ энергичный изобрѣтатель. Онъ все время слѣдилъ за велосиметромъ, чтобы скорость не стала слишкомъ большой.

Путешественники переживали жуткія минуты; оди-

нокіе и беззащитные они чувствовали себя во власти жестокаго врага; имъ, лишеннымъ какои-бы то ни было надежды на помощь и не имѣвшимъ никакихъ средствъ защиты, оставалось только разсчитывать на быстроту „Побѣдителя Пространства“. А снаряды все сыпались, не оставляя живого мѣста на стѣнкахъ вагона. Наконецъ наступила неизбѣжная развязка. Два ядра, одно за другимъ, ударили въ цѣпи, соединявшія рычаги въ вагончикѣ съ зеркаломъ, и разорвали ихъ. Имеретинскій, видя, что скорость полета быстро возрастаетъ, хотѣлъ повернуть зеркало, но оно больше уже не слушалось его усилий; управление аппаратомъ стало невозможно!

Страшная истина во всей своей роковой простотѣ стала передъ путешественниками, и они, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, поняли другъ друга. Въ безучастномъ межзвѣздномъ эѳирѣ разыгралась жестокая драма! Сначала два сверкающихъ аппарата, какъ гигантскія птицы, неслись другъ за другомъ, горя въ солнечныхъ лучахъ. Одинъ изъ нихъ въ десяткахъ тяжелыхъ снарядовъ посыпалъ разрушеніе и гибель другому!

Произведеніе величайшаго генія, плодъ чистой и возвышенной науки обратился въ орудіе истребленія. Зависть и злоба еще разъ торжествовали. Лишенный руля, „Побѣдитель Пространства“, какъ раненый звѣрь, съ все увеличивающейся скоростью мчался отъ Солнца, увлекаемый неудержимой силой лучевого давленія. „Paltria“ уже давно пропала въ сіяніи лучезарнаго свѣтила и скрылась изъ вида.

Черезъ нѣсколько часовъ экспедиція минуетъ ор-

биту Земли. Продолжая свой полетъ со скоростью четверти тысячи килом. въ сек., аппаратъ промчится мимо Марса; затѣмъ промелькнетъ рой малыхъ планетъ и гигантъ Юпитеръ; черезъ 61 день останется позади таинственный Сатурнъ, а тамъ останутся уже только послѣдніе члены планетной семьи, далекие Уранъ и Нептунъ! Черезъ 7 долгихъ мѣсяцевъ пролетятъ путешественники и ихъ предѣлы и погрузятся въ мракъ безконечной межзвѣздной бездны..

Тамъ, въ этомъ однообразномъ звѣирномъ океанѣ, гдѣ подобно песчинкамъ разсыпьны огненные солнца, разыгрывается послѣдній актъ драмы. Тамъ—смерть

ГЛАВА IV.

Во вражескомъ лагерѣ.

Экспрессъ проходитъ 100 килом. въ часъ или 30 метр. въ сек.; башенный стрижъ пролетаетъ 135 метр. въ сек.; звукъ распространяется со скоростью $\frac{1}{3}$ килом. въ сек.; пушечное ядро—300 метр. въ сек.; наконецъ, свѣтовая волна передается съ невѣроятною быстротой: 300.000 килом. въ сек.; она успѣваетъ 8 разъ въ одну секунду обѣжать землю по экватору и въ $8\frac{1}{3}$ минуты пройти 150 миллион. килом., отдѣляющіе насть отъ далекаго Солнца.

Но есть еще одна сила, г҃раздо болѣе быстрая чѣмъ свѣтъ; сила, для которой не существуетъ ни пространства, ни даже всесильного времени; эта сила—мысль. Между тѣмъ, какъ свѣту нужно цѣлыхъ

четыре года, чтобы дойти отъ ближайшей неподвижной звѣзды до Земли или 35 лѣтъ отъ Арктура; между тѣмъ, какъ отъ нѣкоторыхъ туманностей и звѣздныхъ роевъ эаирная волна летить до нась десятки тысячелѣтій,—мысль мгновенно переноситъ насъ черезъ всѣ неизмѣримыя пучины пространства! Вмѣстѣ съ тѣмъ ее недерживаютъ и грани времени, она свободно проникаетъ въ прошедшее и будущее.

Такъ пусть же эта всемогущая сила духа перенесетъ насъ на Землю изъ тѣхъ холодныхъ областей эаирнаго океана, гдѣ мчится разбитый „Побѣдитель Пространства“; пусть она вернетъ насъ ко времени начала этого разсказа, къ декабрю 19.... года.

Все еще спало въ роскошномъ дворцѣ посольства *) Наканунѣ, 1-го декабря, у посла, Эдуарда Федоровича Дикмана, состоялся большой раутъ, затянувшійся до поздней ночи, и поэтому усталые хозяева спали дольше обычновенного. Лакеи приводили въ порядокъ и чистили многочисленныя залы и гостиныя, а важный,увѣшанный медалями швейцарь спокойно читалъ газету, когда тяжелая парадная дверь неожиданно распахнулась, и на порогѣ ея показался господинъ

*) Важное примѣчаніе. Хотя въ нашихъ рукахъ находятся неопровергимые документы, мы не считаемъ себя въ правѣ вполнѣ воспользоваться ими. Пусть имя государства, сыгравшаго такую позорную роль въ исторіи величайшаго изображенія, останется скрытымъ; мы будемъ его просто называть „Сосѣдняя Страна“, употребляя эти слова, какъ имя собственное. Наша предосторожность, можетъ быть, устранитъ серьезный дипломатический конфликтъ.

Авторъ.

небольшого роста, въ одеждѣ, мало говорящей въ пользу его портного. Швейцарь сначала презрительно поморшился и хотѣлъ выпроводить ранняго посѣтителя, но потомъ вдругъ спохватился: онъ моментально вскочилъ съ мѣста и, широко распахивая вторую дверь, низко поклонился. Эта почтительность мало гармонировала со скромной наружностью вошедшаго. По его умному лицу, обрамленному густыми, бѣлыми бакенбардами и длинными сѣдыми волосами, нетрудно было узнать Густава Ивановича Штернцеллера. Астрономъ стоялъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ послу и пользовался большимъ авторитетомъ въ его глазахъ. Этимъ вполнѣ объясняется поведеніе проницательного швейцара. Съ юношеской бѣдростью взбѣжалъ на лѣстницу, Штернцеллеръ спросилъ у одного изъ лакеевъ:

Эдуардъ Федоровичъ всталъ?

Никакъ нѣтъ; ихъ превосходительство еще почивають.

Такъ разбудите его немедленно.

Но они вчера поздно..

— Безъ всякихъ но... Ступайте!

Слушаю-съ.

Въ ожиданіи Дикмана, астрономъ нервно шагалъ по залу. Черезъ нѣсколькѣ минутъ дверь отворилась, и вошелъ посолъ. Онъ весьма мало напоминалъ лицо, занимающее важный постъ представителя могущественнаго государства. Это былъ маленький, толстенький человѣкъ съ короткими руками и ногами. Его некрасивое, заплывшее жиромъ лицо тѣмъ не менѣе сияло добродушіемъ, а маленькие глаза глядѣли весело и

привѣтливо. На этотъ разъ онъ былъ одѣтъ совсѣмъ по домашнему: въ мягкомъ широкомъ халатѣ и вышитыхъ ночныхъ туфляхъ. Безпрерывно пыхтя и отдуваясь на ходу, господинъ Дикманъ подкатился къ Штернцеллеру и испуганно спросилъ:

— Что случилось?

Астрономъ указалъ глазами на лакея. Посольство отпустилъ его.

Когда лакей вышелъ, Штернцеллеръ подробно рассказалъ о бывшемъ наканунѣ 241 мъ собраниіи клуба „Наука и Прогрессъ“.

Дикманъ внимательно слушалъ и изрѣдка повторялъ:

— Что же дальше?

Когда астрономъ кончилъ, онъ спросилъ:

— Это, конечно, очень интересно, но я-то тутъ при чемъ?

Какъ вы не понимаете, Эдуардъ Федоровичъ?

Астрономъ наклонился къ самому уху посла и началъ ему что-то съ жаромъ доказывать.

— Да, да, вы совершенно правы, заволновался Дикманъ; я немедленно соберу маленькое дипломатическое совѣщаніе, а пока позвольте мнѣ пойти окончить туалетъ. Сейчасъ къ вамъ выйдетъ моя жена.

Посольскій дворецъ оживился; згѣбѣгали лакеи и писаря, захлопали двери, зазвонилъ телефонъ: Дикманъ обладалъ необыкновенной способностью поднять суету.

Одиночество Штернцеллера продолжалось очень недолго. Его нарушила супруга посла. Госпожа Дикманъ была полной противоположностью своего мужа

высокая, худая, вѣрнѣе, высохшая, она болѣе походила на зачахшую старую дѣву, чѣмъ на высокопоставленную даму. Всѣ черты лица ея имѣли оригиналную наклонность тянуться куда-то внизъ; длинный и тонкій носъ, губы, подбородокъ, даже щеки отвисли и заострились. Вошедшую сопровождалъ личный секретарь посла, г-нъ Надель. Хотя Надель не имѣлъ офиціальной должности при посольствѣ, но фактически онъ имѣлъ управляемъ. Добрый и слабовольный Дикманъ былъ всецѣло въ рукахъ хитраго, властолюбиваго секретаря, которому приходилось дѣлить свое вліяніе только съ Штернцеллеромъ. Зато послѣдній и былъ у него не особенно въ фаворѣ. Послѣ обмѣна привѣтствіями и нѣсколькихъ приторныхъ любезностей, почтенная дама спросила:

— Чѣмъ это вы такъ взволновали моего мужа, Густавъ Ивановичъ?

— О, дѣло чрезвычайно серьезно; затронуты самые насущные интересы „Сосѣдней Страны“.

— Вѣроятно, опять какая-нибудь интрига Франціи?

— Нѣтъ, могу васъ увѣрить, что вопросъ гораздо важнѣе.

Вы меня заинтриговали.

Штернцеллеръ, не желая прежде времени разбалтывать свой секретъ, перевѣлъ разговоръ на другую тему.

— Какъ удалось вчера взшь раутъ? Конечно, онъ прошелъ блестяще и оживленно, какъ всегда у такой умѣлой и гостепріимной хозяйки?

— Вы мнѣ лѣстите, Густавъ Ивановичъ Дѣйстви-

тельно было, кажется, не скучно. А отчего вы сами насъ не навѣстили?

— Къ несчастію, никакъ не могъ. Мое присутствіе на ежемѣсячномъ собраніи клуба было крайне необходимо.

— Опять какая-нибудь фантазія?, снисходительно улыбнулась фрау Дикманъ.

Разговоръ переходилъ съ одной темы на другую.

Поговорили о политикѣ, о погодѣ, о театрѣ и на-конецъ перешли къ неисчерпаемому источнику спле-тенъ, когда появился посолъ, свѣжій и веселый, какъ всегда.

— Прошу, господа, на чашку кофе. Черезъ часъ соберутся приглашенные на совѣщаніе, а пока необходимо подкрепить свои силы.

Общество перешло въ столовую.

Вскорѣ дѣйствительно стали съѣзжаться члены дипломатического корпуса, и тотчасъ послѣ кофе Эдуардъ Федоровичъ пригласилъ всѣхъ въ гостиную и открылъ совѣщаніе.

— Прежде всего, господа, я считаю своимъ дол-гомъ васъ предупредить, что наше небольшое собра-ніе носить совершенно конфиденціальный характеръ. Что меня побудило вызвать васъ всѣхъ, объяснить Густавъ Ивановичъ.

Штернцеллеръ рассказалъ еще разъ о вчерашнемъ засѣданіи клуба. Оказалось, что многіе изъ присут-ствовавшихъ уже прочли въ газетахъ объ изобрѣтеніи Имеретинскаго. Слушая астронома, всѣ недоумѣвали, къ чему клонится его рѣчь. Штернцеллеръ видѣлъ это и поспѣшилъ перейти къ самому существу дѣла.

— Представьте себѣ, сказалъ онъ, что Россія открыла бы новый, огромный и чрезвычайно богатый материкъ; она, конечно, присоединила бы его къ своимъ владѣніямъ. Развѣ такое усиленіе и обогащеніе славянского государства не было бы крайне невыгоднымъ для нашей родины? Развѣ вы не сочли бы своимъ долгомъ по возможности въспрепятствовать непомѣрному усиленію Россіи, угрожающему европейскому равновѣсію?

Среди дипломатовъ послышался гулъ одобренія.

— Милостивые государи, продолжалъ астрономъ, та же опасность, только въ еще болѣе грандиозномъ размѣрѣ угрожаетъ Европѣ, если осуществится проектъ Имеретинскаго. Его экспедиція присоединить къ русскимъ колоніямъ цѣлые новые міры!

— Это недопустимо, заговорили присутствовавшіе; небесное пространство должно оставаться международнымъ.

— Я только одного не понимаю, Густавъ Ивановичъ, промолвилъ Дикманъ, какъ можемъ мы помѣшать клубу въ его предпріятіи?

Штернцеллеръ молчалъ, видимо не решаясь выказать свою мысль.

— Можно бы, напримѣрѣ, устранить самаго изобрѣтателя, предложилъ Надель своимъ рѣзкимъ, скрипучимъ голосомъ.

— То-есть, какъ это устранить? спросилъ добродушный посолъ.

Секретарь саркастически улыбнулся.

— Другими словами, уничтожить человѣка, угрожающаго величию нашей родины.

— Что вы, что вы! замахалъ руками Дикманъ. Я никогда не соглашусь на кровопролитіе. Что хотите, только не это.

Бѣдный посолъ пыхтѣлъ больше, чѣмъ когда-либо и испуганно оглядывалъ своихъ коллегъ.

Настроеніе было довольно неопределѣленное; многіе кажется сочувствовали Наделю.

— Примите во вниманіе, прибавилъ послѣдній, что присоединеніе къ Россіи цѣлой планеты поставить это отсталое государство во главѣ всего міра. Если планета окажется заселенной, то это колоссальные новые рынки для зарождающейся русской промышленности; если же она будетъ необитаема, то явится почти неисчерпаемъ полемъ для колонизаціи. Населеніе растетъ быстро, и земной шаръ становится тѣснѣ; кончится тѣмъ, что намъ, культурнымъ гражданамъ „Сосѣдней Страны“, придется селиться подъ флагомъ полуазіатской державы.

— Это ужасно, это ужасно! растерянно повторялъ посолъ. Но все-таки на ваше предложеніе я согласиться не могу. Придумайте что-нибудь другое.

Обыкновенно такой мягкий и податливый, Дикманъ на этотъ разъ рѣшительно возсталъ противъ своего секретаря. Тогда вмѣшался Штернцеллеръ.

— Хотя я лично вполнѣ присоединяюсь къ предложенію Наделя и нахожу, что слѣдовало бы начать именно съ этого, однако, въ виду протеста Эдуарда Федоровича, я хочу предложить другой планъ, болѣе медленный и менѣе вѣрный, но зато на него, конечно, согласится нашъ гуманный Эдуардъ Федоровичъ.

-- Да, да, говорите, Густавъ Ивановичъ, умоляюще промолвилъ бѣдный посолъ.

— Наша цѣль, сказалъ астрономъ, состоить въ томъ, чтобы не дать Имеретинскому осуществить свой смѣлый замыселъ; я предлагаю ее расшириТЬ: постараемся сами, вмѣсто него, отправиться на открытие новыхъ міровъ. ТакиЧЪ образомъ, мы не только воспрепятствуемъ усиленію Россіи, но еще сдѣлаемъ «Сосѣднюю Страну» величайшей колоніальной державой.

— Браво, Густавъ Ивановичъ! Мы васъ слушаемъ, одобрилъ его посолъ.

— Къ нашей цѣли мы пойдемъ двумя путями: во-первыхъ, немедленно дсбудемъ у Имеретинского чертежи его аппарата и начнемъ постройку; конечно, это будетъ лѣтаться у насъ на родинѣ и въ полной тайнѣ; во-вторыхъ, всячески будемъ затягивать и препятствовать работамъ клуба. Я твердо надѣюсь, что намъ удастся первымъ окончить постройку и предупредить соперниковъ.

— Прекрасно, великколѣпно! восхищался посолъ. На какую же планету отправится наша экспедиція?

— Въ этомъ вопросѣ для меня не можетъ быть сомнѣнія. Изъ всѣхъ небесныхъ міровъ ближе всего по своимъ физическимъ условіямъ Венера. Она, я думаю, вполнѣ подходитъ для колонизаціи. Эта планета и будетъ цѣлью первой экспедиціи.

Планъ Штернцеллера быль единогласно одобренъ, и Дикманъ передалъ ему все руководство, а также снабдилъ необходимыми средствами.

Тутъ-то и началась та энергичная кампанія противъ Имеретинского, которая причинила ему столько

хлопотъ и непріятностей. Въ первый же день Штернцеллеръ организовалъ кражу проекта изобрѣтателя. Затѣмъ всѣми силами своего авторитета онъ возсталъ противъ того, чтобы экспедиція клуба отправилась прямо на Марсъ или Венеру. Будучи самъ убѣжденнымъ сторонникомъ второй планеты, онъ желалъ первымъ вступить на нее и потому съ удвоенной энергией удерживалъ отъ этого соперниковъ. Впослѣдствії, когда Имеретинскій все-таки добился своего, и клубъ выбралъ Венеру, старый астрономъ пожалѣлъ, что не склонилъ прогрессистовъ въ пользу Луны. Въ такомъ случаѣ экспедиція осталась бы безрезультатной съ практической точки зрењія, такъ какъ Луна безусловно необитаема для человѣка. Однако Штернцеллеръ не унывалъ; потерпѣвъ неудачу съ выборомъ планеты, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ и устроилъ взрывъ аппарата. Имеретинскій и его спутники пострадали при этомъ совершенно случайно; астрономъ не зналъ, что они какъ разъ въ это время будутъ осматривать аппаратъ. Необходимость строить его во второй разъ сильно задержала экспедицію и давала Штернцеллеру большое преимущество. Несмотря на всѣ затрудненія, аппаратъ въ концѣ концовъ все-таки былъ готовъ; старый астрономъ считалъ уже свое дѣло проиграннымъ, когда узналъ, что отъездъ экспедиціи назначенъ на 30-е юля, день встрѣчи земли съ августовскимъ потокомъ.

О, онъ-то обѣ этомъ не забылъ!

Одно его слово могло удержать путешественниковъ отъ гибельного шага; но Штернцеллеръ былъ готовъ

на все, чтобы не дать имъ достигнуть Венеры. Онъ промолчалъ.

Однако экспедиція не погибла; метеорный потокъ принесъ ее обратно на Землю. Тогда Штернцеллеръ поднялъ газетную травлю противъ Имеретинскаго. Онъ пробовалъ вторично взорвать аппаратъ, но его слишкомъ хорошо охраняли. Въ своей неутомимой борьбѣ астрономъ сдѣлалъ одну ошибку, которой никогда не могъ себѣ простить. Полемизируя съ Аракчеевымъ, онъ указалъ, что при черезчуръ быстромъ движениіи инерція могла унести аппаратъ въ бесконечность. Этимъ предупрежденіемъ онъ самъ спасъ путеше ственниковъ отъ неизбѣжной гибели; а Штернцеллеръ вполнѣ сходился съ Наделемъ и желалъ смерти Имеретинскаго. Если бы не постоянное и категорическое несогласіе посла, тому бы не сдбровать. Изобрѣтатель и не подозрѣвалъ, кому онъ обязанъ жизнью. Экспедиція уѣхала во второй разъ; Штернцеллеръ сказалъ себѣ: «На Венерѣ мы еще встрѣтимся».

Между тѣмъ постройка аппарата въ «Сосѣдней Странѣ» довольно медленно двигалась впередъ. Неудача вора, подосланнаго астрономомъ для кражи таблицъ сплавовъ, лишила его возможности воспользоваться легкимъ и прочнымъ максвеллемъ. Необходимо было самому наспѣхъ составить нужный сплавъ. Штернцеллеръ съ честью вышелъ изъ затрудненія: черезъ мѣсяцъ онъ получилъ сплавъ всего въ два раза болѣе тяжелый, чѣмъ вода; прочность его была вполнѣ достаточна. Однако, максвеллѣй былъ все-таки вдвое легче. Вслѣдствіе этого, зеркало для аппарата, который заранѣе назвали „Patria“, пришлось дѣлать въ

два съ половиною раза больше, чѣмъ по проекту Имеретинского. Это обстоятельство затянуло работы. Штернцеллеръ почти все время лично слѣдилъ за ними и по возможности торопилъ.

30-го юля „Patria“ была лишь наполовину готова. Несмотря на крайнюю спѣшку, астрономъ не забылъ вооружить свой аппаратъ; мало ли какія случайности ожидали его въ пространствѣ и на Венерѣ! Въ тайнѣ Штернцеллеръ, конечно, лелеялъ мечту напасть на противниковъ. Послѣ неожиданного спасенія первой экспедиціи, работы надъ «Patria» велись въ двѣ смѣны: и днемъ и ночью. Постройка шла въ глубочайшей тайнѣ въ отдельномъ корпусѣ большого завода, подъ охраной военного караула. Рабочіе на крестѣ присягнули о молчаніи. Таинственность была крайне необходима; если бы замыслы астронома, поощряемаго правительствомъ, стали извѣстны, это легко могло бы вызвать войну между „Сосѣдней Страной“ и Россіей или даже съ коалиціей европейскихъ державъ.

20-го сентября отправился „Побѣдитель Пространства“; на слѣдующій день, 21-го, за нимъ послѣдовала „Patria“. Она несла трехъ пассажировъ; во главѣ экспедиціи стоялъ, конечно, Штернцеллеръ. Спутниками его были: извѣстный геологъ Штейнъ и биологъ Блуменбергъ. Къ чести ихъ надо сказать, что они сначала не рѣшились принять участіе въ путешествіи, основанномъ на обманѣ и лжи, но хитрый астрономъ сумѣлъ пробудить ихъ шовинизмъ, и ученые согласились. Вагонъ „Patria“ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, не хуже „Побѣдителя Пространства“ и кромѣ того вооруженъ четырьмя сильными пушками,

которые давали возможность стрѣлять въ пустомъ пространствѣ, не теряя ни атома воздуха, заключеннаго въ вагонѣ Дальновидный Штернцеллеръ позаботился обо всемъ. Отъѣздъ произошелъ не только безъ всякаго торжества, но даже подъ строжайшимъ секретомъ. Весь замыселъ и его выполненіе остались известными только очень немногимъ лицамъ. Граждане „Сосѣдней Страны“ умѣютъ хранить тайны!

Въ верхніе слои атмосферы „Patria“ поднялась также при помощи воздушныхъ шаровъ. Громадный аппаратъ казался гигантской золотой птицей, летящей въ небесной лазури.

Передъ самыми отъѣзdomъ у Штернцеллера внезапно созрѣлъ планъ, благодаря которому онъ могъ надѣяться догнать „Побѣдителя“. Астрономъ подѣлился имъ со своими спутниками.

— Вы конечно знаете, господа, объяснилъ онъ, что какъ всѣ планеты, такъ и большая часть ихъ спутниковъ совершаютъ свой путь приблизительно въ одной плоскости, почти совпадающей съ солнечнымъ экваторомъ. Это вѣроятно справедливо и для тѣхъ массъ космической пыли, метеорныхъ камней и проч., которые заполняютъ ближайшіе къ солнцу пространства. Мы можемъ себѣ представить солнечную систему въ видѣ слегка удлиненного диска. Если мы не просто отстанемъ отъ Земли, а уклонимся къ сѣверу, т.-е. поднимемся какъ бы надъ планетной системой, то мы совершенно безпрепятственно достигнемъ Венеры. Наоборотъ, въ плоскости солнечного экватора насы могутъ задержать скопленія метеорной пыли. Я надѣюсь, что наши соперники были менѣе

дальновидны; мы ихъ перегонимъ и первые спустимся на вечернюю звѣзду.

Штейнъ и Блуменбергъ отнеслись къ проекту очень сочувственно. Какъ намъ уже известно, предположенія Штернцеллера вполнѣ оправдались. Первые дни путешествія прошли безъ всякихъ приключений. Геологъ и биологъ нѣсколько скучали, не имѣя возможности заниматься своей наукой, но они утѣшались во-первыхъ, тѣмъ, что на Венерѣ наверстаютъ потрясное время, а во-вторыхъ, цѣлыми днями сидѣли надъ шахматами, такъ какъ оба были страстными любителями благородной игры. Астрономъ, наоборотъ, чувствовалъ себя вполнѣ въ своей сферѣ: онъ изучалъ звѣздное небо, производилъ различныя физическія наблюденія, слѣдилъ за скоростью аппарата и проч.

27-го сентября съ одной стороны „Patria“ появилась бѣловатая туманная масса. Штернцеллеръ не сомнѣвался, что это большое скопленіе космической пыли. Аппаратъ прошелъ совсѣмъ рядомъ съ нимъ, или точнѣе, надъ нимъ относительно плоскости солнечной системы. Эта встрѣча крайне обрадовала астронома; онъ тесерь вполнѣ могъ разсчитывать, что «Побѣдитель Пространства» былъ задержанъ метеорною пылью. Между тѣмъ „Patria“ продолжала падать къ Солнцу со все возрастающей быстротой. Пріятныя мечты не помѣшили Штернцеллеру сфотографировать и зарисовать туманное скопленіе. На десятый день (одиннадцатый для первой экспедиціи) астрономъ замѣтилъ на солнечномъ дискѣ небольшое, чрезвычайно темное и рѣзко очерченное пятнышко. Оно быстро

росло и вообще мало походило на обыкновенные солнечные пятна. Черезъ нѣкоторое время Штернцеллеръ не сомнѣвался больше: передъ ними былъ аппаратъ Имеретинскаго. Они нагоняли своего соперника. Хищная радость блеснула въ глазахъ старого астронома. Онъ гордо выпрямился и сказалъ голосомъ, въ которомъ слышалась безжалостная угроза:

— Теперь мы можемъ считать себя побѣдителями; я доказаль и еще докажу, что для величія родины гражданинъ «Сосѣдней Страны» не пожалѣть ни себя, ни другихъ, и что не какой-нибудь Россіи бороться съ нашей великой державой!

Съ этими словами онъ подошелъ къ орудіямъ и сталъ заряжать ихъ.

Штейнъ при видѣ этого поморщился.

— Послушайте, Густавъ Ивановичъ, нельзя ли безъ насилия? Вѣдь мы и такъ ихъ обгонимъ и первые водрузимъ родное знамя на Венерѣ.

— Да, да, я тоже присоединяюсь къ этой просьбѣ, поддержалъ Блуменбергъ геолога.

Астрономъ насыщенно посмотрѣлъ на обоихъ и промолвилъ, не отвѣчая прямо на ихъ слова:

— Вы, господа, мнѣ конечно поможете, или вы больше не патріоты, и я принужденъ буду...

Въ этой отрывистой фразѣ было столько угрозы, что ученые какъ-то машинально подчинились властному характеру Штернцеллера и стали ему помогать.

Какъ намъ уже извѣстно, бой продолжался не долго; исходъ его былъ очевиденъ съ самаго начала. Когда астрономъ замѣтилъ, что ядра перебили у «По-

бѣдителя» цѣпи для управлениія зеркаломъ, онъ радостно потерпъ себѣ руки и прекратилъ пальбу. Разстроенные Штейнъ и Блуменбергъ спросили его, что же будетъ съ разбитымъ аппаратомъ?

— О, успокойтесь, господа, отвѣтилъ онъ, не задумываясь, ничего особеннаго: онъ полетитъ отъ Солнца и вѣроятно упадетъ обратно на Землю. Я ѿдѣй и самъ не хотѣлъ безцѣльной гибели экспериментіи.

Глаза астронома говорили другое. Видно было, что онъ прекрасно знаетъ, куда толкнулъ пассажировъ «Побѣдителя», — знаетъ, что межзвѣздное пространство рѣдко отдаетъ свои жертвы обратно.

Спутники его повѣрили лживымъ словамъ и очень обрадовались, что на ихъ совѣсти не будетъ убийства. Улетавшій съ головокружительной быстротой аппаратъ Имеретинскаго послѣдній разъ блеснулъ, какъ брильянтъ, въ солнечныхъ лучахъ и почти моментально скрылся. Онъ затерялся въ тысячахъ звѣздъ, горѣвшихъ на черномъ небѣ и, наконецъ, совсѣмъ погасъ. На минуту пространство ожилось встрѣчей двухъ небесныхъ поѣздовъ; но эта была не простая встреча, а столкновеніе, швырнувшее одинъ изъ нихъ въ бесконечность. На мѣстѣ катастрофы опять водворилось предвѣчное, впервые нарушенное спокойствіе!

Штернцеллеръ вновь повернулъ зеркало ребромъ къ Солнцу. Маневры во время сраженія не только остановили аппаратъ, но даже сообщили ему движение въ противоположную сторону, т.-е. отъ Солнца. Сила тяготѣнія должна была преодолѣть это движение и сообщить «Patria» прежнее направленіе и скорость.

— Наше небольшое приключение, замѣтилъ астрономъ хладнокровно,— задержитъ насть дней на семь въ пути; но припасовъ у насъ, слава Богу, хватитъ.

ГЛАВА V.

Борьба съ безконечностью.

— Консервовъ?

— 152 килограмма; въ томъ числѣ мясо, бульонъ, молочный порошокъ, сухія овощи, сухари, соль и проч.

— Водорода?

— 36 килограммовъ...

— Кислорода?

— 437 килограммовъ.

— Сокращая дневную порцію до 500 грам. твердой пищи и 1 литра воды, мы получимъ?

— Консервовъ на 76 дней и воды на 81 день...

— Выпуская для дыханія всего 500 грам. кислорода въ день на человѣка, его хватитъ?

— На 75 дней.

— Прекрасно: употребивъ для дыханія часть кислорода, предназначенаго для полученія воды, и будучи умѣренными въ пищѣ и питьѣ, мы легко продержимся 80 дней.

— За это время многое можетъ перемѣниться. Не правда ли, Валентинъ Александровичъ?

— Вы совершенно правы, Карль Карловичъ.

Этотъ разговоръ показывалъ, что путешественни-

ки не упали духомъ послѣ роковой встрѣчи съ аппаратомъ «Patria». Первые минуты отчаянья и ужаса миновали и пассажиры „Побѣдителя Пространства“ нѣсколько успокоились и собрались съ мыслями. Дѣятельная и энергичная натура Имеретинского не позволяла ему пассивно отнести къ несчастью; изъ его спутниковъ также никто не желалъ сложить руки и покорно ожидать, что будетъ дальше. Изобрѣтатель прежде всего привелъ въ извѣстность, на сколько дней хватитъ запасовъ экспедиціи; оказалось, что можно продержаться около $2\frac{1}{2}$ —3 мѣсяцевъ.

Удивительное существо человѣкъ: кажется, ужъ все ясно, кажется, не остается никакихъ иллюзій и рано или поздно конецъ неизбѣженъ,—нѣтъ, онъ еще цѣпляется за послѣднія минуты своей жизни, всячески старается ихъ удлинить и не перестаетъ надѣяться до послѣдняго вздоха.

Къ Имеретинскому это было примѣнено въ полной мѣрѣ: инстинктъ жизни, инстинктъ самосохраненія былъ у него необыкновенно силенъ. Въ рѣшительныя минуты голова молодого ученаго начинала работать съ удвоенной энергией. Во время опасности онъ не только не терялъ присутствія духа, но даже наоборотъ, становился болѣе спокойнъ и разсудителенъ—качество, неоцѣнимое для руководителя экспедиціи.

Подсчитавъ ресурсы путешественника въ, изобрѣтатель подошелъ къ окну и, машинально барабаня пальцами по стеклу, глубоко задумался.

Картина звѣздного неба попрежнему развертывалась передъ его взорами во всемъ великолѣпіи, но мысли Имеретинского были далеко. Онъ въ сотый разъ

вспоминалъ всѣ подробности своего предпріятія и старался связать между собою различные препятствія, мелкія и крупныя непріятности, начиная съ чернаго шара на 244-мъ собраніи клуба и кончая неожиданнымъ нападеніемъ. Многое было ему неясно, хотя, съ другой стороны, онъ уже подозрѣвалъ главнаго врага и его мотивы. Постепенно его мысли перешли опять на критическое положеніе экспедиціи. Онъ внимательно осмотрѣлъ зеркало аппарата. Отражающіе листы были сильно порваны и мѣстами отстали отъ рамы; послѣдняя также порядочно пострадала, нѣкоторые переплеты ея покривились и поломались. Однако всѣ эти поврежденія затрогивали въ общей сложности ничтожную часть поверхности зеркала и оно могло служить попрежнему.

„Доказательство налицо, подумалъ изобрѣтатель: мы несемся отъ Солнца съ полной скоростью“.

Потомъ онъ провѣрилъ крѣпость стѣнокъ вагона, наружные листы были пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сквозныхъ же отверстій къ счастію не образовалось. Только внутренняя обивка отстала кое-гдѣ отъ исковерканной стѣны. Вагонъ также не настолько пострадалъ, чтобы его состояніе угрожало опасностью для экспедиціи.

Осмотрѣвъ еще разъ тщательно аппаратъ для управления зеркаломъ, Имеретинскій къ своей неописуемой радости убѣдился, что кое-какъ имъ съ трудомъ можно поворачивать зеркало. Это давало меленькую надежду на спасеніе. Всѣ вздохнули свободнѣе.

Однако Добровольскій заявилъ, что опасность еще не миновала.

— Мы несемся съ такою скоростью, сказалъ онъ, что солнечное тяготѣніе не преодолѣть инерціи; мы умчимся въ безконечность, даже если повернемъ зеркало ребромъ къ Солнцу.

-- У меня также являлась эта мысль, сказалъ Имеретинскій. Мы, дѣйствительно, ни въ какомъ случаѣ не будемъ въ состояніи немедленно вернуться обратно; но мы можемъ посредствомъ лучевого давленія направить аппаратъ на любую планету, находящуюся отъ Солнца дальше, чѣмъ мы сейчасъ; мы можемъ направить свой полетъ на Марсъ или на спутниковъ Юпитера. Тамъ мы починимъ аппаратъ и вернемся на Землю.

— Молодецъ, Валентинъ Александровичъ! воскликнулъ Флигенфенгеръ. Борисъ, ты долженъ признать себя побѣжденнымъ. Наше дѣло еще не проиграно; мы спустимся на Марсъ, изучимъ его; затѣмъ вернемся домой, вновь запасемся всѣмъ необходимымъ и отправимся на Венеру. Право, во всякомъ несчастіи есть своя хорошая сторона: вмѣсто одной планеты мы посѣтимъ двѣ.

— Спуститься на Марсъ! мечтательно промолвилъ Добровольскій, да вѣдь это мое завѣтное желаніе. Однако не будемъ строить воздушныхъ замковъ: я все-таки сильно сомнѣваюсь, удастся ли рискованная затѣя.

— Я не понимаю одного, сказала Наташа, почему намъ не направить «Побѣдителя» прямо на Землю? Вѣдь она тоже дальше нась отъ Солнца. Это было бы гораздо благоразумнѣе, чѣмъ съ разбитымъ аппаратомъ пускаться въ далекую экспедицію.

— Что вы, что вы Наталія Александровна, замахъ зоологъ руками. Съ какой стати откладывать путешествie? Опять возвращаться на скучную Землю, готовиться, строить, спорить...

— Подожди, Карлъ! перебилъ Добровольскій разошедшагося пріятеля и обратился къ молодой дѣвушкѣ:

— Вы ошибаетесь; мы не можемъ сейчасъ вернуться на Землю: она не дальше нась отъ Солнца.

— Не можетъ быть! удивилась Наташа.

— Однако это такъ. Посмотрите на вѣсы Гольцова: они показываютъ разстояніе въ 150 милл. килом. отъ Солнца. Мы пересѣкаемъ орбиту Земли.

— Значитъ, за тѣ два съ половиной часа, которые прошли со времени встрѣчи съ „Patria“, мы прошли столько же, сколько за десять дней паденія?

— Совершенно вѣрно; первые дни мы падали сравнительно медленно и за десять дней пролетѣли всего 2.200,000 килом., несясь со скоростью 250 км. въ секунду, на это требуется всего $2\frac{1}{2}$ часа.

— Странно подумать, продолжала Наташа послѣ паузы; десять дней тому назадъ мы были приблизительно на этомъ же мѣстѣ, десять дней тому назадъ здѣсь несся огромный земной шаръ, гдѣ люди въ теченіе многихъ тысячелѣтій жили и мыслили, ни разу не выходя за его предѣлы. Гдѣ онъ теперь? Куда умчался по своей орбите?

— Вотъ онъ, отвѣтилъ Добровольскій, указывая на боковое окно ,вотъ она—наша родная Земля!

Путешественники столпились у окна. Среди массы другихъ звѣздъ, одна выдѣлялась своей необыкновенной яркостью. Приглядываясь внимательно, можно было

даже различить освѣщенный полудискъ; земной шаръ былъ повернутъ бокомъ. Въ телескопъ картина измѣнилась: полудискъ сталъ рѣзкимъ и довольно большимъ; на немъ слегка вырисовывались микроскопическая очертанія материковъ. Вблизи виднѣлся маленький серпъ луны. Безконечные моря, необъятныя горы и лѣса, многомилліонные города и гордыя своей обширностью государства, какъ они были малы предъ лицомъ вселенной!

— На какомъ разстояніи отъ Земли мы находимся? спросилъ Флигенфенгеръ.

— Сейчасъ сосчитаю; въ сутки она проходитъ около 2,6 милл. килом.; слѣдовательно, за десять дней она удалилась на 26 милл. килом. отъ этого мѣста.

— Разстояніе почтенное.

— И все-таки ни одна планета,—не считая Луны, конечно,—не подходитъ такъ близко къ Землѣ. Огтого-то Земля и свѣтить сейчасъ ярче, чѣмъ Венера въ самомъ благопріятномъ положеніи.

Дѣйствительно, блескъ родной планеты затмевалъ всѣ другіе звѣзды; предметы бросали отъ нея замѣтную тѣнь. Венера какъ разъ свѣтила въ противоположное окошко; она далеко уступала Землѣ въ яркости и красотѣ. Зоологъ, который пришелъ въ свое всегдашнее веселое настроеніе, расшаркался, низко поклонился и торжественно произнесъ, обращаясь къ великолѣпной звѣздѣ:

— Сударыня, позвольте васъ поблагодарить за гостепріимство, которое вы оказывали мнѣ въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Желаю вамъ счастливаго пути и успѣ-

ха во всѣхъ дѣлахъ. Надѣюсь по возвращеніи застать васъ въ добромъ здравіи.

— Довольно тебѣ болтать! остановилъ Доброволь-скій потокъ его краснорѣчія.

Шутка Флигенфенгера вернула всѣхъ къ дѣйстви-тельности и путешественники отошли отъ окна, гдѣ горѣла прекрасная планета, невольно притягивавшая ихъ взоры.

20-го сентября въ 4 часа 10 минутъ дня „Побѣ-дитель Пространства“ вышелъ изъ земной атмосферы и 4 часа 50 минутъ неподвижно висѣлъ въ простран-ствѣ; за это время Земля ушла отъ него на 512000 килом. Въ 9 час. вечера началось паденіе къ Солнцу. До 2-хъ час. дня 30-го сент. было пройдено 2.050.000 килом. Тутъ на экспедицію напалъ второй аппаратъ. Битва и маневры продолжались около часа. Въ три часа дня были перебиты цѣпи, и аппаратъ съ полною скоростью понесся отъ Солнца. Въ 5 часовъ 17 ми-нутъ того же дня онъ пересѣкъ орбиту Земли въ разстояніи 100.000 кlm. отъ того мѣста, гдѣ началось паденіе. Это уклоненіе произошло оттого, что зеркало было не вполнѣ перпендикулярно къ солнечнымъ лу-чамъ.

Если бы „Побѣдитель“ продолжалъ летѣть съ полной скоростью прямо отъ Солнца, то онъ пере-сѣкъ бы орбиту Марса черезъ 3 дня 13½ часовъ. Но такъ какъ эта планета къ тому времени находилась бы на 15 милл. км впереди по орбите, то, чтобы по-пасть на нее, аппарату необходимо было измѣнить путь, слегка повернувъ зеркало; это уклоненіе не уменьшитъ скорости движенія, такъ какъ сила сол-

нечного тяготѣнія слишкомъ слаба, чтобы замѣтно повліять на быстроту аппарата, имѣющаго громадную инерцію. Разстояніе до встрѣчи съ Марсомъ больше, чѣмъ до мѣста пересѣченія его орбиты на 1,5 милл. кмм. Поэтому путешественники должны черезъ 3 дня 15 час. упасть или точнѣе „налетѣть“ на Марсъ.

Однако при той головоломной быстротѣ, съ кою-
рой они неслись, это означало или сгорѣть въ его
атмосферѣ или разбиться объ его поверхность. Только
въ томъ случаѣ, если атмосфера планеты окажется
очень высокой и разрѣженной, могла экспедиція на-
дѣяться на спасеніе; тогда въ рѣдкомъ воздухѣ аппа-
ратъ постепенно замедлитъ свой полетъ и они сра-
внительно плавно (т.-е. такъ, что вагонъ не разобьется
вдребезги) спустятся на планету. Если къ тому же
они попадутъ въ море, то спасеніе обеспечено. Одна-
ко, какъ мало вѣроятія на такое счастливое стеченіе
обстоятельствъ!

Имеретинскій поставилъ зеркало, какъ слѣдовало,
и сказалъ:

— Мы пересѣкли орбиту Земли вчера въ 5 часовъ
дня. Мы достигнемъ Марса черезъ 3 дня 15 часовъ,
т.-е. 4-го октября въ 8 час. утра.

— А такъ какъ сегодня 1-е, то намъ осталось
ждать трое сутокъ, прибавилъ Флигенфенгеръ.

— Столько же времени идетъ поѣздъ отъ Петер-
бурга до Одессы!

— Ну, нашъ экспрессъ во много разъ быстрѣе;
мы въ данный промежутокъ времени пролетимъ не 2
тысячи, а 64 миллиона километровъ.

— Не ожидалъ, замѣтилъ Добровольскій, что моя

завѣтнѣйшая мечта осуществится такъ скоро. Вы помните, съ какимъ азартомъ я защищалъ Марсъ при выборѣ планеты на засѣданіи клуба.

— Какъ же, отвѣтилъ Флигенфенгеръ; когда затѣмъ мы, кандидаты въ члены экспедиціи, окончательно рѣшили вопросъ, я долго колебался, на чью сторону стать, и высказался за Венеру только потому, что разсчитывалъ тамъ найти болѣе богатую фауну.

— А вы, Наталія Александровна, за какую планету подали бы голосъ?

Молодая дѣвушка задумалась.

— Не знаю право; за обѣ сразу. Мне хотѣлось бы облетѣть вселенную. Я увѣрена, что мы и тамъ и тамъ найдемъ массу интереснаго. Я никакъ не могу освоиться со странной и радостной мыслью, что всего черезъ три дня мы будемъ въ новомъ мірѣ, увидимъ иную природу, странныхъ животныхъ и, можетъ-быть, даже разумныя существа!

Долго еще съ увлечениемъ говорили путешественники о чудесахъ, которыхъ ихъ ожидаютъ; воображение рисовало имъ разнообразныя и причудливыя картины. Въ концѣ концовъ всѣхъ охватила лихорадка нетерпѣнія; они готовы были утроить скорость аппарата и безъ того несшагося съ непостижимой быстротой къ желанной цѣли.

Поздно вечеромъ, уже лежа на походныхъ постельяхъ, возбужденные и радостные пассажиры „Побѣдителя“ мысленно повторяли: „Черезъ два съ половиной дня! Съ этой мечтой они и заснули.

Въ два часа пополуночи Имеретинскій проснулся

отъ страннаго ощущенія чего-то необычайнаго. Въ комнатѣ было свѣтло. Мужчины спали въ верхнемъ этажѣ, предоставляемъ нижній Наташѣ, и солнечныѣ лучи никакъ не могли проникнуть къ нимъ. А между тѣмъ изъ верхняго окна лился яркій, слегка желтоватый свѣтъ. Крайне удивленный изобрѣтатель первую минуту подумалъ, что онъ видитъ сонъ, но взглянувъ окно, разувѣрилъ его: вверху и справа на небѣ появилась огромная планета съ ясно замѣтнымъ дискомъ.

„Уже Марсъ!“ мелькнула у Имеретинскаго мысль.

Однако онъ сейчасъ же увидѣлъ, что ошибся: Марсъ попрежнему сиялъ недалеко отъ новаго свѣтила. Послѣднее росло съ ужасающей быстротой. Оно уже почти достигало размѣровъ Луны и въ это время стало замѣтно, что края его неровны, сильно зазубрены и угловаты.

Изобрѣтатель понялъ, что аппаратъ несется ему наперѣзъ. Онъ поспѣшно разбудилъ Добровольскаго и Флигенфенгера и лаконически сказалъ имъ:

— Смотрите!

Самому же Имеретинскому было не до наблюденій; если бъ онъ оставилъ „Побѣдителя“ летѣть въ прежнемъ направлениѣ, столкновеніе было бы неизбѣжно; поэтому онъ повернулъ зеркало такъ, чтобы пройти за небеснымъ тѣломъ. Проснись онъ минутой позже, было бы уже поздно. Странное свѣтило приняло угро-жающіе размѣры, закрывъ часть неба въ десять или двѣнадцать разъ большую, чѣмъ полная луна. Видъ его былъ похожъ на гору, несущуюся въ небесномъ пространствѣ. Аппаратъ описалъ дугу и, какъ молнія,

промелькнулъ мимо него, пройдя совсѣмъ близко. Исполинская глыба моментально исчезла, повернувшись къ „Побѣдителю“ неосвѣщенной стороной, и въ вагонѣ спать стало темно.

— Что это такое? спросилъ зоологъ, пораженный неожиданнымъ явленіемъ.

Я самъ не понимаю, отвѣтилъ изобрѣтатель.

Добровольскій тоже не могъ дать объясненія. Однако онъ успѣлъ сдѣлать кое-какія интересныя наблюденія и набросать ихъ наскоро на бумажкѣ.

Въ это время къ мужской компаніи присоединилась Наташа, услыхавшая шумъ наверху и слегка встревоженная. На ея нетерпѣливые вопросы астрономъ могъ отвѣтить очень немного: встрѣченное небесное тѣло было очень невелико; оно имѣло всего 10—20 миль въ окружности.

— Однако это все же слишкомъ много для болида, замѣтила дѣвушка.

— Несомнѣнно; скорость его, хотя и очень значительная, также не соответствуетъ параболическимъ скоростямъ метеоритовъ.

-- Вы успѣли разглядѣть его поверхность?

— Очень мало. Она была очень неровной, какъ будто грандіозный комъ грязи.

— Больше всего меня удивляетъ, продолжалъ астрономъ, что мы встрѣтили это... не знаю какъ и назвать это небесное тѣло, такъ близко отъ Земли. Орбита послѣдней находится всего въ 30 милл. кмм. Другое дѣло за Марсомъ; тамъ на каждомъ шагу можно ожидать встрѣчи съ астероидомъ.

Имеретинскій прервалъ его.

— Послушайте, а этотъ... какъ его?.. вотъ вылетѣло названіе изъ головы!.. Ну... да, Эросъ!..

— Конечно, радостно воскликнулъ Добровольскій; такъ это я раньше не подумалъ? вотъ недогадливо! Вѣдь англичане не даромъ называютъ его „кочкомъ грязи“.

— Эросъ? повторили Наташа и Флигенфенгеръ съ недоумѣніемъ.

— Да. да, подтвердилъ астрономъ, теперь все я зо! Вы всѣ знаете, что между Марсомъ и Юпитеромъ лежитъ поясъ астероидовъ; это цѣлые сотни маленькихъ планетокъ. Такъ вотъ въ 1898 году берлинскій астрономъ Витъ открылъ новую малую планету, названную Эросъ. Она замѣчательна тѣмъ, что обладаетъ очень вытянутой орбитой, часть которой лежитъ между орбитой Марса и Солнцемъ. Этотъ астероидъ разъ въ 30 лѣтъ подходитъ къ Землѣ ближе всѣхъ другихъ небесныхъ тѣлъ, кромѣ Луны. Недавно, когда мы находились на разстояніи 26 миллионовъ километровъ отъ Земли, я сказалъ, что ни одна планета не бываетъ къ ней такъ близко; это не вѣрно: Эросъ приближается всего на 22 миллиона. Его-то, очевидно, мы и повстрѣчали. Астрономы давно подмѣтили странную измѣнчивость блеска Эроса. Это въ буквальномъ смыслѣ перемѣнная звѣзда и яркость ея колеблется до двухъ величинъ въ теченіе всего $2\frac{1}{2}$ часовъ. При этомъ колебанія настолько сложны, что для объясненія ихъ сначала предполагали Эросъ состоящимъ изъ двухъ тѣлъ, вращающихся одно около другого. Но такое объясненіе давало бы все же болѣе правильные колебанія блеска, чѣмъ есть на самомъ

дѣлѣ. Оставалось допустить, что Эросъ имѣетъ неправильную форму въ родѣ метеорита, при которой планета должна обращаться къ Землѣ то большей, то меньшей частью своей поверхности и тѣмъ давать больше или меньше свѣта, колебанія котораго дѣлаются еще болѣе прихотливыми вслѣдствіе разнообразныхъ сложныхъ отраженій и игры свѣта отъ неровной поверхности планеты.

— Хорошо, что неожиданная встрѣча окончилась такъ благополучно, промолвилъ зоологъ, зѣвая. Пожелавъ этому предвѣстнику Марса всякихъ благъ, я предлагаю вернуться къ внезапно прерванному занятію, т.-е., лечь спать.

Всѣ охотно послѣдовали благоразумному совѣту и вскорѣ въ вагонѣ опять водворилась тишина. Вторая половина ночи прошла спокойно.

ГЛАВА VI.

Звѣзда бога войны.

Видъ неба почти не мѣнялся.

Мелькали десятки тысячъ километровъ, понемногу разгибались пружины вѣсовъ Гольцова, показывая удаченіе отъ Солнца и уменьшеніе силы его тяготѣнія, но неподвижныя звѣзды оставались въ тѣхъ же точкахъ неба, образуя знакомыя фигуры. Только планеты мѣняли свою яркость и положеніе. Блескъ Венеры и Земли замѣтно ослабѣлъ. Первая близко подошла къ Солнцу и казалась узенькимъ серпомъ. Вторая

давно потеряла первенство среди другихъ небесныхъ свѣтиль. Она уступила его Юпитеру и особенно кро+ вавому Марсу.

Звѣзда бога войны росла. Каждый часъ увеличива+ валъ ея великолѣпіе и блескъ.

Въ верхней комнатѣ вагона воцарились красноватые сумерки, напоминавшіе свѣтъ отъ зарева пожара. Это приближеніе цѣлаго міра было необыкновенно величественно. Онъ надвигался сначала, какъ блестящая точка, затѣмъ, какъ видимый для невооруженнаго глаза дискъ, постепенно увеличивающійся. Чувствовалась какая-то неизбѣжность въ стремлениіи аппарата къ этому свободно несущемуся въ пространствѣ гигантскому шару.

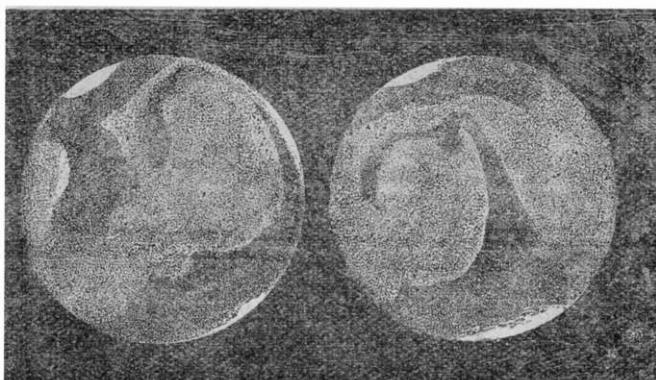
Мысли пассажировъ уже давно были въ новомъ мірѣ. Съ тѣхъ поръ какъ аппаратъ направили на Марсъ, они какъ будто забыли и про родную Землю, и про Венеру, и про всѣ другія звѣзды и планеты; даже встреча съ Эросомъ недолго занимала ихъ вниманіе. Оба телескопа, которыми запаслась экспедиція, все время смотрѣли на Марсъ и мѣсто у окуляровъ никогда не пустовало.

Послѣднюю ночь, съ 3-го на 4-е октября, по земному счету, никто изъ путешественниковъ не смыкалъ глазъ; они были слишкомъ взволнованы.

Несмотря на то, что рефракторы экспедиціи не отличались большой силой, Марсъ въ нихъ казался такимъ же, какъ Луна въ хорошую подзорную трубу. При этомъ отчетливость изображенія не оставляла желать ничего лучшаго. Добровольскій ни на минуту не отходилъ отъ телескопа; онъ видѣлъ тысячи инте-

речныхъ деталей и поспѣшно зарисовывалъ ихъ. Увлеченій работой, астрономъ не замѣчалъ ни времени, ни усталости. До того ли ему было, когда онъ проникалъ въ такія тайны строенія Марса, которыя навѣки останутся недоступны земному наблюдателю.

Развернувшаяся картина приближающагося міра была дѣйствительно прекрасна и полна интереса. Южное полушаріе (астрономическіе приборы перево-

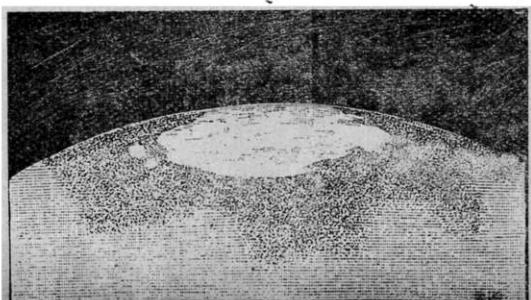

Марсъ, видимый въ телескопъ.

рачивають изображеніе и даютъ съверъ внизу, а югъ наверху) было темнѣе съвернаго. Тутъ лежали три большихъ моря: Южное, Эритрейское и Адріатическое *). Были ли это настоящія моря, полныя воды? Этотъ вопросъ путешественники надѣялись разрѣшить черезъ нѣсколько часовъ. Марсъ, подобно Землѣ, имѣетъ свои времена года, только они продолжаются почти вдвое

*) Всѣ названія приведены по картамъ Скіапарелли.
острова земнаго океана.

больше, чѣмъ у насъ. Въ это время южное полушире переживало долгую зиму. Вся полярная область была покрыта бѣлымъ, блестящимъ саваномъ снѣга, или похожаго на снѣгъ вещества. Среди южныхъ морей находились большие острова, пересѣченные прямолинейными каналами. Но особенно много этихъ канала-

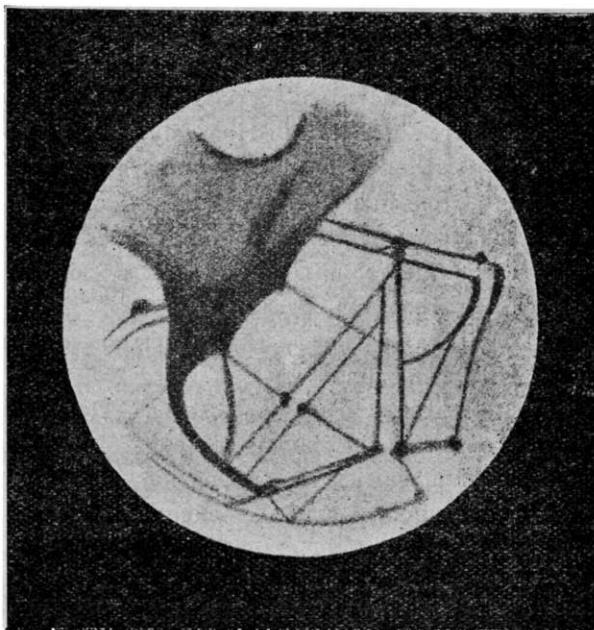
Сигъговое пятно на южномъ полюсѣ Марса. ловъ отходило въ съверное полушаріе, которое было занято огромнымъ материкомъ. Здѣсь они сходились и пересѣкались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, образуя внутреннія озера, напр. Нильское, Изменійское и друг. Многіе изъ каналовъ были двойными: рядомъ и совершенно параллельно шелъ второй каналъ. Геометрическая правильность ихъ, рациональное распределение по всей поверхности материковъ, невольно заставляли думать о дѣятельности разумныхъ инженеровъ, и путешественники сгорали отъ желанія ихъ увидѣть.

Изрѣдка они обмѣнивались отдѣльными фразами.

— Борисъ Геннадіевичъ, спросила Наташа, какое полушаріе передъ нами—восточное или западное?

— Одна треть западнаго и двѣ трети восточнаго. Посмотрите, въ южномъ полушаріи ближе къ востоку лежитъ большое круглое пятно.

— Вижу, вижу; съ сѣверо-западной стороны его огибаетъ дугообразный каналъ.

Каналы на Марсѣ.

— Такъ вотъ это Солнечное озеро съ каналомъ Агаѳодемономъ. Оно лежитъ какъ разъ на серединѣ восточнаго полушарія. 90-й меридіанъ его пересѣкаетъ. Это одна изъ наиболѣе любопытныхъ областей Марса

по правильности своихъ каналовъ, которые съ одной стороны соединяютъ Солнечное озеро съ южными морями, а съ другой—съ сѣстью каналовъ материка. Теперь взгляните на западъ, у экватора. Видите тамъ продолговатое очень темное пятно?

— Да; оно составляетъ заливъ Адріатического моря.

— Это Великій Сиртъ, одинъ изъ самыхъ глубокихъ водныхъ резервуаровъ Марса; или же мѣсто, покрытое богатой растительностью. Къ юго-востоку отъ него тянется длинный Нильскій Сиртъ—это самый широкій изъ каналовъ; онъ имѣетъ 300 килом. ширины, т.-е. столько же, сколько Балтійское море въ самомъ широкомъ мѣстѣ.

— Какъ могущественны должны быть обитатели Марса, если это дѣло ихъ рукъ!

— Ну, рукъ-то у нихъ, можетъ-быть, и нѣтъ, улыбнулся Имеретинскій.

— Если бы ученые скептики, сказалъ Добровольскій, могли видѣть поверхность Марса такъ, какъ мы ее сейчасъ видимъ, то, вѣроятно, не возникъ бы споръ о реальности этихъ великолѣпныхъ каналовъ.

— А чѣмъ споръ кончился?

— Въ началѣ 20-го вѣка, въ 1907 г., удалось сфотографировать каналы. Безпристрастное свидѣтельство фотографической пластинки не оставляло сомнѣнія, что они дѣйствительно существуютъ.

— На Марсѣ больше суши, чѣмъ воды? спросила Наташа.

— Да. То, что мы называемъ материками, зани-

маетъ двѣ трети его поверхности. Впрочемъ, береговыя линіи Марса крайне неустойчивы. Всякое весеннее таяніе снѣговъ затопляетъ многія части суши и измѣняетъ ея очертанія. Материки, должно-быть, очень низменны и плоски; достаточно небольшого подъема уровня морей, чтобы залить значительныя области. А, можетъ-быть, моря — это просто пояса растительности, которая мѣняется съ временами года.

— Тогда материки — это песчаныя пустыни?

— Именно. Если же наоборотъ, материки покрыты растительностью, то она должна имѣть красно оранжевую окраску.

— Возможно ли это? усомнился Имеретинскій.

— Вполнѣ, отвѣтилъ Флигенфенгеръ. Вѣдь и на землѣ многія водоросли имѣютъ бурый и красный цвѣтъ. Зеленая окраска нашихъ лѣсовъ объясняется тѣмъ, что листья содержать зерна зеленаго хлорофилла. Представьте, что на Марсѣ его замѣняетъ красный фито-эритринъ или ксантофилъ и вы получите кровавые луга и лѣса.

— Какая это, должно-быть, странная картина! промолвила Наташа. Черезъ 5 часовъ мы будемъ тамъ, ибо уже 3 часа ночи.

Между тѣмъ аппаратъ быстро приближался къ планетѣ. Дискъ ея даже для простого глаза былъ очень хорошо видѣнъ, хотя поперечникъ его все еще составлялъ небольше одной пятой луннаго. Марсъ былъ какъ бы маленькой красноватой луной. На поверхности его вырисовывались все новыя и новыя подробности.

— Обратите вниманіе, Борисъ Геннадіевичъ, прервалъ изобрѣтатель наступившее молчаніе, на странное пятнышко неправильной формы въ сѣверномъ полушаріи.

— Гдѣ именно?

— Около Ацидалійского моря, справился Имеретинскій по картѣ Скіапарелли.

— Да, это любопытно. Оно какъ будто не вполнѣ одноцвѣтно и даже ..

— Что даже?

— Сейчасъ; я поставлю самое большое увеличеніе. Несомнѣнно, оно дѣлится на мелкіе правильные участки.

— Это, вѣроятно, городъ! воскликнула Наташа. Даѣтѣ спустимся прямо туда!

— Вы хотите слишкомъ многаго, Наталія Александровна, возразилъ изобрѣтатель. Мы несемся съ такой скоростью, что намъ совершенно невозможно точно выбрать мѣсто, куда мы пристанемъ.

— Покажите-ка и мнѣ вашъ городъ, попросилъ зоологъ.

Добровольскій нехотя уступилъ ему трубу.

— Мнѣ кажется, что это просто участокъ почвы, покрытой трещинами; онѣ пересѣкаются въ безпорядкѣ и подъ разными углами. Марсіане, судя по ихъ каналамъ, народъ аккуратный и не стали бы строить такой лабиринтъ.

— Для трещинъ это слишкомъ правильно, возразилъ астрономъ.

— А для улицъ недостаточно правильно!

— Нисколько!

— Несомнѣнно!

Чуть не произошла ссора между пріятелями. Они оставались вѣрны себѣ даже въ эту важную и полную ожиданія минуту.

— Бросьте вы свои пререканія, остановилъ ихъ Имеретинскій, скоро всѣ сомнѣнія сами собой разрѣшатся.

— Во всякомъ случаѣ должны же быть гдѣ-нибудь города марсіанъ, сказала Наташа.

— Ничего неизвѣстно; можетъ-быть ихъ жилища разбросаны по всей планетѣ.

— Скорѣй бы ужъ попасть туда!

Всѣ снова предались своимъ мыслямъ и наблюденіямъ.

Марсъ не одиноко двигался въ пространствѣ. Около него вращались двѣ луны, получившія въ качествѣ дѣтей свирѣпаго бога войны названія: Фобосъ и Деймосъ, т.-е. Страхъ и Трепетъ. Однако эти небесныя тѣла съ диаметрами около 10 килом. были настолько малы, что даже на томъ близкомъ разстояніи, съ котораго ихъ наблюдали пассажиры аппарата, они не были видны простымъ глазомъ. Неудивительно поэтому, что земные астрономы открыли ихъ лишь въ 1877 г. при помоши большого экваторіала Вашингтонской обсерваторіи. Ближайшій спутникъ двигался настолько быстро, что Добровольскій видѣлъ это движение; планетка обѣгаєтъ свою орбиту въ 7 час. 39 мин. Другой употребляетъ на это цѣлыkhъ 30 часовъ 17 минутъ.

— Жители Марса счастливѣе насть, сказала Наташа: у нихъ двѣ луны вмѣсто нашей одной.

Нѣтъ, я съ вами не согласенъ, возразилъ астрономъ. Даже ближайшій изъ спутниковъ кажется въ 36 разъ (по площади) меньше Луны съ земной поверхности и даетъ въ 70 разъ меньше свѣта; а дальний—Трепетъ—просто горитъ въ видѣ очень яркой звѣзды.

— Да, въ такомъ случаѣ и я не хотѣла бы промѣнять нашу красавицу-Луну на эти двѣ крошечныя планетки.

— Крайне любопытнымъ должно быть движение Страха по небу Марса. Онъ обращается вокругъ планеты въ три раза скорѣе, чѣмъ она сама вокругъ своей оси, и поэтому онъ долженъ двигаться въ направлѣніи противоположномъ, чѣмъ всѣ остальные небесныя свѣтила.

— А второй спутникъ?

Трепетъ движется по небу крайне медленно, ибо его періодъ мало отличается отъ сутокъ Марса.

Въ разговорахъ и наблюденіяхъ время быстро бѣжало и до цѣли путешествія оставалось менѣе 2 милл. килом. т.-е. два часа пути. Дискъ Марса былъ уже всего въ два съ половиной раза меньше луннаго. Благодаря вращенію вокругъ оси, появились новыя части его поверхности. Солнечное озеро перемѣстилось ближе къ серединѣ полушарія; показались новые каналы и мѣста ихъ пересѣченій. Вмѣстѣ съ тѣмъ морей стало еще меньше, чѣмъ прежде: такъ въ восточномъ полушиаріи материкъ простидался далеко къ югу. Зато Великій Сиртъ, Адріатическое море и Эллада перемѣстились въ невидимое полушиаріе.

Телескопъ открывалъ все новыя чудеса на Марсѣ.

То, что земные астрономы называли каналами, оказывалось зелеными долинами, проходящими по пустынѣ, подобно узкой долинѣ Нила, по которымъ шли дѣйствительныя русла каналовъ. Приглядываясь внимательнѣе, Добровольскій замѣтилъ, что материки съ ихъ красноватыми оттѣнками являются дѣйствительно обширными пустынями Марса. Подобные области занимали очень значительную часть всей поверхности планеты.

— Эти наблюденія, сказалъ астрономъ, даютъ намъ основаніе думать, что преобладающая часть Марса является мертвой песчаной или каменистой пустыней, какъ предполагалъ Ловелль; но, конечно, мы только уже на самой планетѣ окончательно разрѣшили вопросъ.

Всѣ выводы и наблюденія Добровольскій вкратцѣ записывалъ и набрасывалъ схематическіе рисунки. Впослѣдствіи они дали богатый матеріалъ для капитального трехтомнаго сочиненія о небесной экспедиції.

Если путешественники могли свободно и безъ помѣхъ наблюдать моря и материки Марса, то этимъ они были обязаны чистотѣ и ясности его атмосферы. Вопросъ о томъ, есть ли въ ней облака и пары, многоократно обсуждался въ астрономической литературѣ. Новѣйшія наблюденія разрѣшили его въ утвердительномъ смыслѣ. Путешественники вполнѣ убѣдились въ правильности такого воззрѣнія. Умѣренныя области планеты оставались все время совершенно ясными; только въ одномъ мѣстѣ, подъ 50° с. ш., около Ацидалійского моря, легкая бѣловатая пелена тумана закрывала порядочный участокъ суши и моря. Этотъ

туманъ медленно наползалъ на материкъ съ запада, захватывая все большее пространство, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдѣя и дѣляясь прозрачнымъ; къ 7-ми часамъ утра онъ совсѣмъ разсѣялся. Только у самаго берега моря сохранилось продолговатое облако. Оно какъ разъ закрывало ту сѣть мелкихъ линій, которую Добровольскій считалъ за городъ. Эта досадная случайность очень огорчила его. Болѣе постоянныя облака держались въ экваторіальномъ поясѣ. Это были длинныя и узкія бѣлыя ленты; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли 2—3 тысячи килом. длины. Къ югу отъ нихъ по спиралямъ тянулись неясныя сѣроватыя полосы, сливавшіяся съ облачнымъ покровомъ, закрывавшимъ южную полярную область. Тамъ, вѣроятно, шелъ сильный снѣгъ. Но только очень незначительная часть облачнаго цокрова была настолько густа, что ее можно было сравнить съ нашими облаками. По большей части это была легкая, полупрозрачная дымка. Въ общемъ же атмосфера Марса была очень чиста и въ этомъ отношеніи сильно отличалась отъ земной.

— Интересно, какова высота атмосферы Марса? замѣтилъ Имеретинскій; если она недостаточно высока, то мы можемъ сильно пострадать при паденіи на планету.

— Ничего, весело возразилъ Флигенфенгеръ, не въ первый разъ! Помните, какъ мы ввалились въ Ладожское озеро?

— Тогда мы летѣли съ гораздо меньшей скоростью, и слой воздуха на Землѣ очень высокъ и плотенъ.

— Относительно атмосферы Марса, сказалъ астрономъ, мнѣнія сильно расходятся. Сначала ее считали

похожей на земную. Затѣмъ возникли сомнѣнія. Мое личное мнѣніе таково: количество воздуха, приходящееся на каждую единицу поверхности, на Марсѣ значительно меньше, чѣмъ на Землѣ. Далѣе, такъ какъ сила притяженія тамъ тоже меньше, то воздухъ не такъ сильно сдавленъ, какъ на нашей планетѣ; онъ болѣе рѣдкій. Вслѣдствіе этого я не думаю, чтобы высота атмосферы была мала; она, вѣроятно, достигаетъ 200 или 300 километровъ.

— А какова ея температура и химическій составъ?

— Тоже вопросъ спорный. Общая температура Марса почти въ два раза ниже земной; поэтому и воздухъ планеты долженъ быть довольно холоднымъ. Что же касается химическаго состава, то вѣроятно онъ подобенъ нашей атмосфѣрѣ. Если бы воздухъ Марса состоялъ изъ другихъ газовъ, чѣмъ азотъ и кислородъ, спектральный анализъ давно обнаружилъ бы это. Минь кажется, что физическія условия этой планеты во многомъ напоминаютъ таковыя же на высокихъ горныхъ плато земного шара, напр., въ Тибетѣ, Центральной Америкѣ и пр. Однако, повторяю еще разъ, это мое личное мнѣніе, не больше. Очень можетъ быть, изслѣдованія покажутъ, что я ошибаюсь.

Путешественники съ интересомъ выслушали эту маленькую лекцію о Марсѣ. Успѣху ея, несомнѣнно, много способствовало то обстоятельство, что она сопровождалась иллюстраціями, какихъ еще не видѣлъ никто изъ смертныхъ. Картина планеты развертывалась во все болѣе величественномъ масштабѣ передъ очарованными пассажирами „Побѣдителя Простран-

ства". Къ семи часамъ утра она достигла размѣровъ полной Луны. Всѣ тѣ подробности, которыя удалось увидѣть земнымъ астрономамъ, и еще многія другія открылись непосредственно невооруженному глазу.

Аппаратъ несся настолько быстро, что дискъ пла-
неты замѣтно возрасталъ съ каждой минутой. Яркій красноватый свѣтъ наполнилъ верхнюю комнату вагона. Обивка стѣнъ, шкапы и все убранство ея загорѣлось золотомъ и пурпуромъ. Необыкновенно красивъ былъ блескъ самого вагона и нижней поверхности зеркала, какъ будто освѣщенныхъ бенгальскимъ огнемъ.

Восхищенная всей этой фантастической панорамой Наташа невольно восклікнула:

— Какъ прекрасенъ міръ и какъ разнообразны картины природы! Сравнительно съ ними ничтожны всѣ вымыслы человѣческаго воображенія!

А дискъ Марса захватывалъ все новыя части неба. Звѣзды меркли въ его лучахъ; только быстро движущіеся спутники блестѣли съ правой стороны планеты. Прошло три четверти часа. Кажущіеся размѣры Марса уже въ 25 разъ превосходили полную Луну.

Безъ десяти минутъ восемь аппаратъ прошелъ точку пространства, гдѣ притяженіе Солнца и Марса были равносильны и уничтожали другъ друга. Эта точка находится на разстояніи 130.000 килом. отъ послѣдняго. Предметы потеряли всякий вѣсъ и оставленные на воздухѣ висѣли совершенно неподвижно. Вѣсы Гольцова показывали полное отсутствіе тяжести. Добровольскій, которому какъ разъ въ этотъ моментъ захотѣлось пить, принужденъ былъ опрокинуть графинъ и сильно тряхнуть его, чтобы вода перелилась

въ стаканъ. Отъ рѣзкаго движенія астрономъ самъ поднялся на воздухъ и остался спокойно висѣть между потолкомъ и поломъ, какъ въ заколдованнымъ замкѣ. Эти явленія очень понравились Флигенфенгеру Онъ ради шутки продѣлалъ слѣдующій опытъ. Желая наполнить стаканъ водою, онъ держалъ его не подъ наклоненнымъ графиномъ, а надъ нимъ. Затѣмъ онъ его встряхнулъ. Вода совершенно такъ же, какъ только что у Доровольскаго, перелилась въ стаканъ. Для картиности, зоологъ самъ при этомъ поднялся на воздухъ кверху ногами. Наташа глядя на него, хохотала до упада и даже всегда серьезный астрономъ не могъ удержаться отъ улыбки. Путешественники не испытывали этой любопытной особенности нѣкоторыхъ точекъ пространства, выходя изъ сферы земного притяженія. Это объясняется тѣмъ, что тогда Земля у нихъ находилась сбоку, относительно Солнца, и, такимъ образомъ, силы тяготѣнія къ обоимъ свѣтиламъ не уничтожали другъ друга, а давали известную равнодѣйствующую, направленную между Землей и Солнцемъ. Интересное явленіе природы продолжалось одну минуту. Затѣмъ вліяніе Марса рѣшительно пересилило и вагонъ сталъ быстро поворачиваться къ нему своей нижней, болѣе тяжелой частью. Имеретинскій для управлениія аппаратомъ перешелъ въ комнату перваго этажа. Огромный дискъ Марса свѣтилъ теперь въ нижнее окно. Остальные путешественники послѣдовали за изобрѣтателемъ.

— Черезъ восемь минутъ, сказалъ послѣдній, мы должны спуститься на поверхность Марса. Чтобы нѣсколько смягчить ударъ при паденіи, я направлю

аппаратъ по косой линіи; мы пройдемъ мимо обѣихъ лунъ, которые вы видите съ правой стороны планеты; загѣмъ, уклоняясь влѣво, мы опишемъ дугу и почти по горизонтальной линіи пересѣчемъ атмосферу планеты; это замедлитъ нашъ стремительный полетъ. Кромѣ того, я постараюсь спуститься въ южномъ полушаріи, гдѣ больше воды; она сильно смягчаетъ удары.

Всѣ одобрили этотъ благоразумный и осторожный планъ.

Дискъ Марса занялъ уже значительный участокъ неба, когда между нимъ и аппаратомъ внезапно выросъ второй спутникъ, Трепетъ. Его красноватая почва по цвету напоминала Марсъ; это былъ несомнѣнно голый песокъ и камень. Поверхность мѣстами была покрыта волнобразными холмами, трещинами и скалами, однако въ общемъ была почти совершенно ровной. Когда пассажиры подлетѣли къ нему еще ближе, они увидѣли типичную пустыню, окружающую вулканъ; безпорядочно застывшія груды лавы, базальта и гранита, нигдѣ ни кустика, ни травки,— не хватало только самого вулканическаго конуса. Кое-гдѣ валялись сѣроватыя массы различныхъ размѣровъ. Добровольскій предположилъ, что это метеоры, упавшие на планету. Эта безотрадная картина показывала, что на Трепетѣ отсутствовала дѣятельность такихъ геологическихъ факторовъ, какъ вода и воздухъ. Впрочемъ, это было ясно и безъ того по микроскопическимъ размѣрамъ спутника; его притяженіе слишкомъ слабо, чтобы удержать частицы воздуха и паровъ воды, если даже они образовались при застываніи Тре-

пета, то моментально разсѣялись въ пространствѣ или присоединились къ атмосферѣ Марса.

Но путешественникамъ некогда было дѣлать подобныя умозаключенія; аппаратъ несся прямо навстрѣчу Трепету, и Имеретинскій еле-еле успѣлъ уклониться отъ столкновенія. Изобрѣтатель немнogo ошибся направлениемъ и поэтому чуть-чуть не налетѣлъ на планетку. Однако, только что „Побѣдитель“ миновалъ ее, какъ передъ нимъ выросъ другой спутникъ, Страхъ. Бѣглый взглядъ показалъ Добровольскому, что онъ ничѣмъ не отличался отъ предыдущаго. Избѣгая новаго столкновенія, Имеретинскій повернулъ зеркало вправо. Этотъ опрометчивый маневръ погубилъ дѣло. Если бы аппаратъ прошелъ съ лѣвой стороны Страха, онъ черезъ нѣсколько секундъ попалъ бы въ атмосферу главной планеты. Теперь же произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное: увлекаемый огромной силой своей инерціи, „Побѣдитель“ пролетѣлъ мимо Марса, даже не зацѣпивъ его атмосферы. Тщетно поворачивалъ Имеретинскій зеркало—было уже поздно. Аппаратъ, описавъ кругую дугу, промчался въ разстояніи около 1000 килом. отъ южнаго полюса и сталъ быстро удаляться. Чудная картина новаго міра моментально пропала, такъ какъ аппаратъ летѣлъ передъ неосвѣщенной сторсной Марса. На полминуты въ вагонѣ стало совершенно темно, потомъ онъ вышелъ изъ тѣни планеты, и ярkie солнечные лучи опять наполнили его, кончились красноватые сумерки при свѣтѣ Марса, насталъ опять ничѣмъ не омраченый однообразный день.

Путешественники были въ отчаяніи; сразу руши-

лись всѣ ихъ мечты и надежды. Они уже мысленно освоились съ оригинальной природой Марса и даже полюбили ее. И вдругъ одинъ неудачный поворотъ зеркала разрушилъ хорошо обдуманный планъ. Ни сила лучевого давленія, ни притяженіе планеты не могли преодолѣть инерціи стремительного полета. „Побѣдитель Пространства“ неудержанно удалялся въ глубину вселенной.

Въ вагонѣ наступило долгое томительное молчаніе. Его нарушилъ Имеретинскій. Онъ сильнымъ движениемъ повернулъ зеркало прямо къ Солнцу и сказалъ съ холодной рѣшительностью, съ несокрушимой энергіей:

— Мы не попали на Марсъ; все равно впередъ—на Ганимеда!

ГЛАВА VII.

Небесная странница.

Сколько чудесъ вселенной уже видѣли наши путешественники, какія величественные страницы мірозданія, до сихъ поръ скрытая отъ взоровъ человѣка, развернулись передъ ними! Пустота холоднаго, межзвѣзднаго пространства, мрачныя картины лунныхъ горъ и долинъ, красныя равнины Марса, его правильные каналы и бѣлые полярные снѣга, его пустынныя микроскопическія луны, первый изъ астероидовъ, Эросъ, грозный потокъ метеоритовъ и туманное скопленіе метеорной пыли—всѣ эти тайны эѳирнаго

океана, окружающей тесный земной шаръ, раскрылись передъ отважными изслѣдователями. А сколько неизвѣстнаго еще лежало впереди! Сколько новыхъ картинъ скрывала книга природы! Какъ бы желая вознаградить экспедицію за неудачу съ Марсомъ, безконечное пространство показало ея участникамъ еще много чудесъ за время ихъ долгаго пути.

Ободренные мужественными словами Имеретинскаго, путешественники подчинились неизбѣжному.

— На Ганимеда, такъ на Ганимеда! Это вѣдь самыи большой изъ спутниковъ Юпитера? спросилъ Флигенфенгеръ.

— Да; онъ немнога меныше Марса и значительно больше Меркурія.

— А сколько времени намъ понадобится, чтобы достигнуть этой новой цѣли путешествія?

— Двадцать пять дней.

— Что?! Чуть не цѣлый мѣсяцъ!

— Совершенно вѣрно. Нужно $3\frac{1}{2}$ недѣли, чтобы, имѣя скорость 250 килом. въ сек., пролетѣть 540 милл. килом., отдѣляющіе Марсъ отъ Юпитера.

— Сколько же времени пришлось бы потратить, чтобы достигнуть Нептуна?

— Въ восемь разъ больше.

— Однако, я вижу, что для межпланетныхъ разстояній никакая быстрота не является чрезмѣрной. Долженъ признаться, господа астрономы, что ваша наука изучаетъ грандиозный предметъ.

— Да, вселенную, просто отвѣтилъ Имеретинскій.

— Что же насъ ожидаетъ на Ганимедѣ? продолжалъ разспрашивать зоологъ.

— Я думаю, что обѣ этомъ мы поговоримъ послѣ, сказалъ изобрѣтатель. Теперь же мы 40 часовъ не смыкали глазъ, слѣдя за приближеніемъ Марса, и намъ необходимо отдохнуть.

Это было совершенно справедливо: у всѣхъ глаза сами закрывались отъ усталости. Нѣсколько часовъ сна возстановили силы путешественниковъ и къ полу-дню они встали свѣжіе и бодрые, какъ всегда. Остальную часть дня они провели какъ обыкновенно; кто занимался наблюденіями, кто писалъ свои мемуары и т. д. Флигенфенгеръ продолжалъ вести хозяйство экспедиціи. Вечеромъ Добровольскій далъ слѣдующій со-вѣтъ.

— Пролетая между Землей и Марсомъ, мы оставили наши ночные дежурства и изъ-за этого чуть-чуть не столкнулись съ Эросомъ. Необходимо возстановить прежнія строгія правила. Мы пересѣкаемъ теперь часть пространства, полную подводныхъ камней, выражаясь описательно.

— Вы имѣете въ виду малыя планеты?

— Именно; хотя астероиды расположены болѣе скученно далеко отсюда, но нѣкоторые изъ нихъ подходятъ къ самой орбите Марса и даже еще ближе къ Солнцу. Поэтому надо быть осторожными.

— Ахъ да, малыя планеты! взволновался Флиген-фенгеръ. Это серьезная опасность, не меньшая, чѣмъ потокъ падающихъ звѣздъ!

— Успокойся, Карлъ! возразилъ ему астрономъ. Большая ошибка думать, что астероиды расположены

такъ же тѣсно, какъ метеориты въ густомъ потокѣ ихъ. Въ среднемъ, малыя планеты удалены другъ отъ друга на много миллионовъ километровъ.

— Вотъ какъ! А я полагалъ, что это цѣлое небесное полчище, черезъ которое пробраться будетъ не легко.

— Кто первый дежурить? спросилъ Имеретинскій.

— Давайте, бросимъ жребій для справедливости; предложила Наташа.

— Хорошо, улыбнулись мужчины ея хитрости, только вы въ немъ не примете участія.

Первая очередь выпала Флигенфенгеру. Чтобы не скучать въ одиночествѣ, онъ вооружился кистью, красками и тетрадью. Зоологъ былъ очень недурнымъ художникомъ и его научные сочиненія всегда были украшены прекрасными акварельными иллюстраціями.

Время отъ времени художникъ оглядывалъ небо впереди аппарата. Оно разстипалось все такимъ же чернымъ и бездоннымъ, украшенное тысячами звѣздъ, горѣвшихъ ровно, безъ мерцанія. На Землѣ постоянно погруженный въ свои научные занятія, Флигенфенгеръ какъ-то не замѣчалъ звѣзднаго неба; тѣмъ болѣе, что оно часто бываетъ закрыто непроницаемымъ слоемъ облаковъ и всегда подернуто дымкой густой атмосферы. Здѣсь же, въ глубинѣ пространства, такъ сказать въ самомъ небѣ, зоологъ все съ большою любовью смотрѣлъ на его вѣчную, неизмѣнную красоту. Благодаря свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ разговоровъ съ товарищами, оно начинало открывать ему свои дивныя несравненные тайны. Свѣтила не являлись больше для

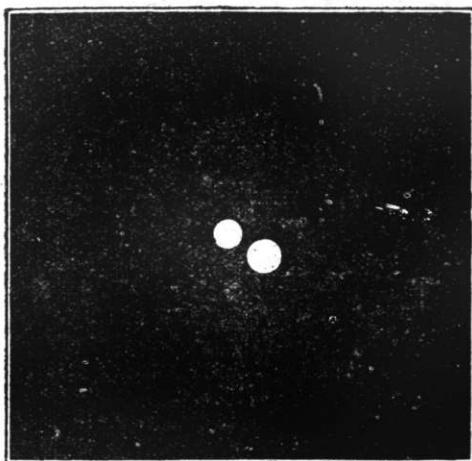
Флигенфенгера однообразными блестящими точками, въ беспорядкѣ разбросанными по небосклону; онъ познакомился съ природой и особенностями многихъ изъ нихъ, и поэтому звѣздное небо было для него не только чудной картиной, но и раскрытой книгой, полной величественного содержанія. Зоологъ зналъ природу туманностей, этихъ зародышей новыхъ міровъ, и могъ разсказать эволюцію звѣздъ, начиная съ молодыхъ бѣлыхъ, каковы Сиріусъ или Вега, затѣмъ о желтыхъ свѣтилахъ средняго возраста, какъ Капелла или наше Солнце и, наконецъ, о старыхъ, застывающихъ мірахъ, какъ Арктуръ или Альдебаранъ. Флигенфенгеръ мысленно представлялъ себѣ ихъ дальнѣйшую судьбу: звѣзды окончательно остынутъ и перестанутъ посыпать свѣтовые лучи. Но неправильности въ движениі еще свѣтящихся звѣздъ открываютъ ихъ невидимое для глазъ существованіе. Планеты являются такими охладившимися мірами; онъ горячъ не собственнымъ свѣтомъ, а отраженнымъ, солнечнымъ.

Залюбовавшись картиной неба и погрузившись въ свои мысли, зоологъ забылъ про рисунокъ.

Передъ нимъ мысленно проходили новыя чудеса вселенной. Онъ видѣлъ двойные звѣзды, красныя и синія, изумрудныя и золотистыя. Въображеніе отказывалось нарисовать великколѣпіе дней и зорь на планетахъ, которые, вѣроятно, тяготѣли къ этимъ цвѣтнымъ звѣзднымъ парамъ. Если одно наше желтоватое Солнце наполняетъ Землю красками, то какова должна быть картина міра, освѣщенного оранжевымъ и фиолетовымъ или краснымъ и аметистовымъ солнцами. И еще много другихъ, столь же волшебныхъ картинъ

открылось Флигенфенгеру съ тѣхъ поръ, какъ онъ немножко познакомился съ астрономией,

То рисуя, то любуясь небомъ и мечтая, зоологъ не замѣтилъ, какъ прошло время его дежурства. Въ часъ ночи онъ разбудилъ Добровольского, который долженъ былъ смѣнить его. Астрономъ потушилъ газъ,

Двойная звѣзда Кастро въ созвѣздіи Близнецы.

при свѣтѣ котораго рисовалъ Флигенфенгеръ, и немедленно принялся за наблюденія. Добровольскій хотѣлъ направить трубу на ярко сиявшаго Юпитера, когда совершенно случайно замѣтилъ нѣсколько вправо отъ него небольшое туманное пятно, видимое простымъ глазомъ. Справившись въ каталогѣ, астрономъ не нашелъ въ немъ никакихъ указаній на существованіе туманности или звѣзднаго роя въ данной области неба. Оставалось два возможныхъ предположенія:

или это была новая туманность, или Добровольский наткнулся на комету. Через полчаса вопросъ долженъ былъ выясниться; туманность, лежащая за биллионы километровъ отъ планетной системы, за этотъ промежутокъ времени нисколько не измѣнила своего видимаго положенія; между тѣмъ комета, благодаря быстрому движению аппарата и своему собственному, займетъ новое мѣсто на небѣ. Астрономъ тщательно опредѣлилъ положеніе неизвѣстнаго свѣтила относительно двухъ сосѣднихъ звѣздъ, и приготовился ждать. Чтобы время прошло незамѣтно, онъ занялся пока осмотромъ другихъ частей неба.

Черезъ 30 минутъ, слегка волнуясь, онъ произвелъ вторичное измѣреніе: туманное пятно перемѣстилось.

Итакъ, это была комета.

Въ прежнія времена эти странныя свѣтила наводили ужасъ на человѣчество. На нихъ смотрѣли, какъ на вѣстниковъ грядущихъ бѣдствий, какъ на проклятие, посыпаемое разгневаннымъ божествомъ. Внезапно—такъ по крайней мѣрѣ казалось—загораясь на небѣ, комета далеко протягивала свой хвостъ, какъ свѣтлую, прозрачную вуаль.

Откуда она являлась? куда исчезала? Никто этого не зналъ, и суевѣрный страхъ окружалъ свѣтило.

Теперь астрономы въ значительной мѣрѣ проникли въ тайну природы кометъ и лишили ихъ сверхъестественного значенія. Кометы, какъ всякое другое небесное свѣтило, подчиняются великому закону, открытому Ньютономъ,—закону тяготѣнія. Многія изъ нихъ принадлежать къ солнечной системѣ и по вытянутому

эллипсису обѣгаютъ центральное свѣтило. Но и въ наше время многое остается загадочнымъ въ кометахъ. Онѣ приходятъ, въ видѣ круглой туманности съ ядромъ, откуда-то изъ глубинъ пространства и обыкновенно, обогнувъ Солнце и украсившись длиннымъ хвостомъ, удаляются обратно во мракъ межзвѣздной глубины. При этомъ онѣ постепенно теряютъ хвостъ и снова превращаются въ простое туманное пятно.

Это настоящія небесныя странницы. Милліоны лѣтъ разсѣкаютъ онѣ зеиръ, переходя отъ одной планетной орбиты къ другой, на короткое время погружаются въ жаръ огненныхъ солнцъ и, какъ бы набравшись новыхъ силъ, продолжаютъ свой путь. Сотни билліоновъ километровъ, которые даже свѣтъ пробѣгаєтъ годами, не пугаютъ кометы. Онѣ жительницы мрака и холода междупланетного пространства.

Кометы, вмѣстѣ съ хвостомъ, обладаютъ огромнымъ, прямо невѣроятнымъ объемомъ; самое гигантское Солнце, въ милліонъ триста тысячъ разъ превосходящее Землю, ничтожно сравнительно съ легкой кометой. Десятки милліоновъ такихъ, какъ Солнце, шаровъ потребовалось бы, чтобы занять пространство большой кометы съ хвостомъ въ 300 милліоновъ километровъ. И однако, эти колоссальные свѣтила имѣютъ ничтожный вѣсъ, составляющій стотысячныя доли вѣса земного шара. Кометы такъ легки, такъ прозрачны, что самые слабыя звѣздочки свѣтятъ сквозь нихъ, нисколько не теряя въ блескѣ. Это настоящія, *giens visibles*, какъ ихъ мѣтко назвалъ французскій астрономъ Бабинѣ. Вотъ, какое свѣтило видѣлъ передъ собой

Добровольский, вотъ та тайна, которую пространство хотѣло раскрыть передъ путешественниками.

Астрономъ недолго занимался кометой. Она была еще очень далеко, на разстояніи 30 милл. килом. Между тѣмъ три разновременныхъ измѣренія показали ему, что аппаратъ несется ей почти навстрѣчу и пройдетъ въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ тысячъ километровъ отъ нея. Это будетъ черезъ $1\frac{1}{2}$ дня. Тогда можно удобно изучить комету; теперь же небольшой рефракторъ „Побѣдителя“ не открывалъ никакихъ подробнѣстей ея строенія. Поэтому Добровольский навелъ трубу на Юпитера и занялся наблюденіями надъ этой огромной планетой. Рядомъ съ ней въ видѣ небольшой звѣздочки блестѣлъ Ганимедъ, на который хотѣла спуститься экспедиція, чтобы остановить свой бѣшеный полетъ въ черную глубину пространства и вернуться обратно на землю. Подъ утро астрономъ разбудилъ Имеретинскаго, и, ни слова не сказавъ ему о своемъ открытии, спокойно легъ, чтобы продолжить прерванный сонъ.

Лишь на другой день вечеромъ рассказалъ онъ остальнымъ объ ожидающемъ ихъ интересномъ зрѣлищѣ.

Путешественники собрались за чайнымъ столомъ и вспоминали всю долгую эпопею приготовленій къ экспедиціи. Неудачи и споры строительной комиссіи, волненія передъ отѣзdomъ, ужасная катастрофа съ метеоритами, второй отѣздъ и дальнѣйшія событія— все это происходило передъ ними длинной чэрдой.

Междуд прочимъ Наташа спросила:

— А помните ли вы, господа, какъ я съ вами познакомилась? Встрѣча съ Валентиномъ Александрови-чемъ была довольно оригинальной.

— Еще бы, улыбнулся изобрѣтатель, я какъ по-лоумный вломился къ вамъ въ домъ въ 12 часовъ ночи. Чего ужъ оригинальнѣе!

— Какъ это произошло? Мы не знаемъ, поинте-ресовались Добровольскій и Флигенфенгеръ.

— Это было послѣ того, какъ я увидѣлъ, что у меня украли чертежи аппарата. На слѣдующій послѣ 244-го засѣданія день.

— Какъ вы на немъ великолѣпно говорили! про-молвилъ зоологъ и даже глаза его загорѣлись при этомъ воспоминаніи; послѣ вашей рѣчи я ревѣлъ и стучалъ, какъ бѣшеный быкъ. Удивляюсь, какъ мое горло выдержало.

— Да, кричалъ ты дѣйствительно здорово, под-твердила астрономъ. Мои уши до сихъ поръ помнятъ эти пріятныя мгновенія.

— Вы, конечно, какъ всегда и вездѣ сидѣли ря-домъ и все времяссорились? сказала Наташа. Я съ самаго начала нашего знакомства могла убѣдиться что таково ваше постоянное времяпровожденіе.

Оба пріятеля промолчали.

— Мы всѣ вмѣстѣ осматривали аппаратъ, продол-жала молодая дѣвушка подтрунивать, и вы за два часа успѣли два раза поссориться.

А она еще не знала, что они только что передъ этимъ поссорились изъ-за того, какимъ образомъ Ѹхать къ Имеретинскому.

Желая перевести разговоръ на другую тему, Флинденгеръ, какъ бы не слыша Наташиныхъ словъ, сказалъ:

— Вотъ уже второй день мы летимъ безъ всякихъ встрѣчъ и приключений! Неужели такъ будетъ продолжаться до самаго Ганимеда?

— Давай-то Богъ отвѣтилъ изобрѣтатель. Довольно съ нами приключений!

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще 20 дней...

— Всего девятнадцать, поправилъ астрономъ.

— Ахъ, не все ли равно! Еще 19 дней пути въ полной пустотѣ, это неособенно весело!

— Зато безопасно.

— Пройти рядомъ съ какимъ-нибудь свѣтиломъ тоже безопасно и притомъ счень интересно.

— Вотъ избаловался-то! сказалъ Добровольскій: сегодня ему подай Марсъ, завтра Луну, а послѣ завтра еще что-нибудь. Хоть и слѣдовало бы наказать тебя за нетерпѣніе, да ужъ такъ и быть, скажусь! Завтра твое желаніе осуществится!

— Какимъ образомъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Ночью я сдѣлалъ небольшое открытие.

— И до сихъ поръ ничего намъ не сказали? это возмутительно!

— Наоборотъ, я и хотѣлъ испытывать ваше терпѣніе. Зачѣмъ вѣсѣ волнивать заранѣе?

— Да, ну вѣсѣ, промолвила Наташа, не тяните, говорите въ чемъ дѣло!

— Извольте! Видите вы тамъ, правѣе Юпитера, туманное пятно?

— Видимъ!

— Такъ это комета. Завтра, въ два часа дня, мы пройдемъ недалеко отъ нея.

— Ура! крикнулъ зоологъ радостно, но затѣмъ прибавилъ: а вѣдь ты, Борисъ, насъ обманываешь?

— Вотъ мило; почему?

— Потому, что это не комета. Гдѣ же ея хвостъ?

— Ты, какъ видно, зараженъ общимъ предразсудкомъ. Знай, что далеко не у всѣхъ кометъ бываютъ хвосты; и во всякомъ случаѣ они образуются близъ Солнца. А наша комета еще только приближается къ нему и не успѣла обзавестись этимъ украшеніемъ.

— Очень жаль! Комета безъ хвоста—ce n'est pas chic!

— Тѣмъ не менѣе это очень интересно. Завтра съ утра начинаемъ наблюденія.

6-го октября, въ два часа дня, комета не имѣла уже своего прежняго скромнаго вида. Она широко раскинулась по небу блѣдно свѣтящимся облакомъ. Внутри, ближе къ сторонѣ, обращенной къ Солнцу, находилось болѣе яркое и плотное ядро. Отъ него, тянулись лучи преимущественно впередъ, т.-е. къ Солнцу; это были потоки газовъ; вліяніе центральнаго свѣтила начинало уже сказываться. Телескопъ открывалъ нѣкоторыя подробности строенія ядра. Было ясно видно, что оно состоитъ изъ массы отдельныхъ твердыхъ тѣлъ, которыхъ находились въ энергичномъ движеніи, вращаясь другъ около друга.

— Эта картина, сказаль Добровольскій, вполнѣ подтверждаетъ предположенія астрономовъ. Мы мо-

жемъ теперь легко себѣ представить полную исторію кометы и ея связь съ метеорными потоками.

— Съ метеоритами? Это интересно! Расскажите намъ, попросили Наташа и Флигенфенгеръ.

Добровольскій охотно исполнилъ ихъ просьбу.

— Происхожденіе кометъ намъ совершенно неизвѣстно; можетъ-быть это первая стадія сгущенія первичной матеріи, а можетъ-быть и совсѣмъ не то. Хотя видъ и форма кометъ чрезвычайно варьируютъ, есть случаи наиболѣе типичные, ихъ я и буду при-

Строеніе ядра и хвоста кометы.

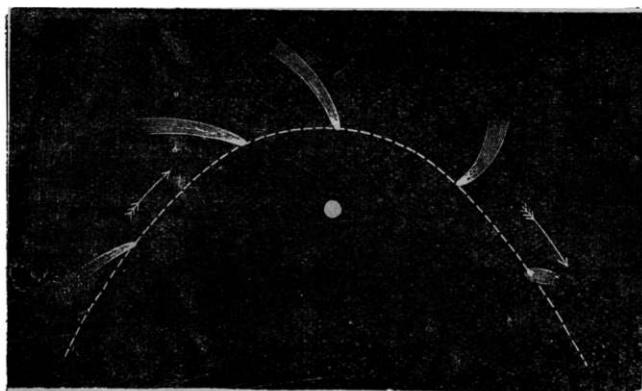
держиваться. Комета является въ солнечную систему неизвѣстно откуда въ видѣ ядра, состоящаго изъ камней разной величины и окруженного свѣтящейся, чрезвычайно разрѣженной атмосферой; послѣдняя тянется на сотни тысячъ верстъ отъ ядра. По мѣрѣ

приближенія кометы къ Солнцу, въ ней начинаютъ происходить большія измѣненія: Солнечный жаръ, а также' можетъ-быть электрическія вліянія вырываютъ изъ ядра цѣлые потоки газовъ; они сначала обращены къ Солнцу, затѣмъ загибаются и, все увеличиваясь въ размѣрѣ, образуютъ хвостъ. Послѣ огненнаго крещенія, вовремя перигелія, онъ достигаетъ наибольшаго развитія, потомъ вновь постепенно уменьшается, разсѣиваясь въ пространствѣ.

— Почему же газы изъ ядра сначала устремляются къ Солнцу, потомъ вдругъ загибаются отъ него?

— Это вопросъ, далеко не разрѣшенный. Тутъ вѣроятно, играютъ роль электрическія и тепловыя силы Солнца и лучевое давленіе. Но опредѣленно еще ничего неизвѣстно. Многіе ученые вообще отрицаютъ матеріальность хвоста, и аргументы ихъ очень вѣски. Полная прозрачность хвоста, обыкновенно имѣющаго громадную толщину, и, главное, та невѣроятная скорость, съ которой конецъ его долженъ двигаться,—заставляютъ усомниться матерія ли это? Головы нѣкоторыхъ кометъ проходили всего на 100 тысячъ килом. отъ солнечной поверхности; следовательно, до центра было 750.000 килом. Въ это время голова имѣла скорость свыше 500 килом. въ сек. Комета уже успѣла украситься хвостомъ въ 300 милл. килом. длиной. Хвостъ не только поспѣваетъ за стремительнымъ движеніемъ головы, но и остается все время обращеннымъ въ сторону, противоположную Солнцу. Что же происходитъ? Голова описываетъ дугу съ радиусомъ въ 750 тыс. килом., а

конецъ хвоста имѣеть ту же угловую скорость при радиусѣ въ 300 милл. килом. Слѣдовательно, онъ имѣеть скорость въ 400 разъ большую или $500 \times 400 = 200.000$ килом. въ сек. Это почти скорость свѣта, и мы не знаемъ другого случая, чтобы

Путь кометы сколо Солнца.

матерія имѣла такую скорость. Эти поразительные выводы и заставляютъ отрицать материальность хвоста кометъ. Слой газа или другой матеріи въ $1\frac{1}{2}$ милл. килом. толщиной (такова была атмосфера кометы 1811 года) не можетъ быть совершенно прозрачнымъ и не можетъ имѣть быстроты, близкой къ скорости свѣтовой волны.

— Я не понимаю, сказалъ Флигенфенгеръ, какъ могутъ быть хвосты не материальны, разъ мы ихъ видимъ?

— Вѣроятно, это какое-нибудь электрическое явленіе въ родѣ сѣвернаго сіянія или того, что проис-

ходитъ въ Круксовой трубкѣ, т.-е. стеклянномъ сосудѣ, изъ которого выкачанъ почти весь воздухъ. При пропусканиі сквозь него электрическаго тока, внутри получается довольно яркое свѣченіе. Оно во многомъ напоминаетъ кометные хвосты.

— Какъ жаль, что наша комета еще лишена своего лучшаго украшенія! промолвила Наташа.

— До сихъ поръ я не вижу, гдѣ связь кометъ съ падающими звѣздами, напомнилъ зоологъ Добровольскому.

— Ахъ да, я и забылъ. Если комета удаляется обратно въ межзвѣздное пространство, то исторія ея бываетъ закончена съ потерей хвоста. Но иногда притягательная сила одной изъ планетъ преобразуетъ орбиту кометы изъ параболы или гиперболы въ замкнутый эллипсисъ. Тогда она становится періодической и въ определенное число лѣтъ обѣгаетъ свою орбиту, каждый разъ подходя близко къ Солнцу. Извѣстно довольно большое число такихъ кометъ. Постепенно солнечное тепло и сила тяготѣнія разрушаютъ туманное свѣтило; атмосфера разсыпивается въ пространствѣ, а твердая тѣла, изъ которыхъ состоитъ ядро, растягиваются по орбите, образуя кольцо метеоритовъ. Тотъ потокъ ихъ, въ который мы попали 28-го юля, является остаткомъ третьей кометы 1862 года. Такимъ образомъ, мы можетъ-быть еще встрѣтимъ теперешнюю комету во время одного изъ нашихъ будущихъ путешествій.

— Не дай Богъ! Довольно одного знакомства съ метеорами!

Окончивъ свое объясненіе, Добровольскій продолжалъ наблюденія. Онъ зарисовалъ комету и отмѣтилъ въ записной книжкѣ все, наиболѣе характерное и интересное. Затѣмъ онъ направилъ на свѣтило спектроскопъ.

— Знаешь, Карлъ, обратился онъ къ зоологу, въ природѣ кометъ есть одна черта, особенно интересная для тебя, какъ біолога.

— Что такое?

— Атмосфера ихъ состоитъ преимущественно изъ углеводородовъ, т.-е. соединеній, рассматриваемыхъ органической химіей.

— Да, да я припоминаю, что это обстоятельство выставляется, какъ аргументъ, сторонниками заноса жизни на Землю изъ пространства.

Долго еще бесѣдовали путешественники о кометахъ, самыхъ фантастическихъ и таинственныхъ изъ всѣхъ небесныхъ свѣтиль. Между тѣмъ „Побѣдитель“ быстро летѣлъ въ пространствѣ и черезъ нѣсколько часовъ прошелъ мимо кометы, которая потонула въ солнечныхъ лучахъ. Впереди опять разстился безконечный эаирный океанъ, черныя глубины котораго были украшены яркими звѣздами.

ГЛАВА VIII.

Нарлики солнечной системы.

Четыре дня летѣлъ аппаратъ въ глубинѣ пространства, не встрѣчая ничего, рѣшительно ничего. Какъ гигантская серебряная птица разсѣкаль онъ эаирный океанъ и кругомъ было абсолютно пусто.

Какъ передать это оригинальное и жуткое чувство пустоты? Въ полной мѣрѣ его не испытывали ни мореплаватель, у котораго всегда остаются передъ глазами волны океана съ его рыбами и дельфинами, ни даже воздухоплаватель, который можетъ любоваться голубымъ небомъ, бѣлыми облаками и далекой, но все же видимой Землей; только въ межпланетныхъ черныхъ безднахъ вполнѣ овладѣваетъ человѣкомъ пустота.

Однообразіе ея утомило и пассажировъ быстрой серебряной птицы, такъ какъ прошло уже четыре дня послѣ встрѣчи съ кометой.

Въ вагонѣ царствовала полная тишина. Путешественники выдумывали себѣ разныя занятія, стараясь убить времени: Наташа читала увѣсистый томъ небесной механики, добросовѣстно стараясь разобраться въ многоэтажныхъ формулахъ; Имеретинскій составлялъ чертежъ какого-то фантастического и, по правдѣ сказать, ни къ чему не нужнаго оптическаго прибора; Добровольскій вычислялъ орбиту кометы, въ уме переножая трехзначныя числа. Около него промостился Флигенфенгеръ и набрасывалъ карандашомъ портретъ пріятеля.

Но вскорѣ астрономъ всталъ и со словами: „Я сейчасъ; только новый карандашъ возьму“, поднялся на верхъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Флигенфенгеръ назначалъ терять терпѣніе.

— Скоро ты? крикнулъ онъ.

Молчаніе.

— Борисъ, скоро ты? вторично позвалъ зоологъ.

— Нѣтъ, я больше не могу писать, послышалось въ отвѣтъ.

— Отчего? удивился покинутый художникъ.

— Кажется Веста!

— Какая тамъ Веста? сердито воскликнулъ Флигенфенгеръ, иди скорѣй, надо эскизъ кончить.

— Нѣтъ, позвольте, вмѣшался Имеретинскій; Веста это дѣйствительно очень интересно. Я тоже пойду наверхъ.

— Ничего не понимаю! въ отчаянны промолвилъ зоологъ. Развѣ можно съ нимъ рисовать: я только что глаза началъ и какъ разъ уловилъ любопытную черточку,—а онъ Веста какая-то!

Межу тѣмъ наверху изъ окна открывалась интересная картина измѣнившагося звѣздного неба. Оно стало необыкновенно богато яркими звѣздами. Всего существуетъ около 20 звѣздъ первой величины въ обоихъ полушаріяхъ небесной сферы. Теперь же изъ одного только верхняго окна было видно не менѣе сорока свѣтилъ такой яркости. Нѣкоторые изъ нихъ медленно перемѣщались.

Количество звѣздъ второй величины также прибавилось. Вообще небо имѣло довольно странный видъ. Казалось, что созвѣздія перепутались и перемѣщались; признать знакомыя фигуры было очень трудно.

Флигенфенгеръ, убѣдившись, что на рисованіе нѣтъ больше никакой надежды, перешелъ вслѣдъ за другими въ верхнюю комнату и здѣсь въ удивленіи остановился около окна.

— Что же это? спросилъ онъ безъ волненія, мы опять несемся въ метеорный потокъ?

Картина дѣйствительно очень походила на то грозное, но великолѣпное зрѣлище, которое открылось передъ путешественниками за нѣсколько минутъ до катастрофы 28-го іюля. Однако звѣздѣ было все-таки гораздо меньше. Астрономъ поспѣшилъ успокоить Флингенфенгера.

— Нѣть, сказалъ Добровольскій, это не потокъ метеоритовъ. Мы просто проходимъ первый поясъ астероидовъ.

— Развѣ такихъ поясовъ нѣсколько?

— Дѣло въ томъ, что малыя планеты неравномѣрно распределены между Марсомъ и Юпитеромъ. До сихъ поръ мы могли только встрѣтить отдѣльные, разбросанные на огромномъ пространствѣ астероиды. Сегодня же мы проходимъ первый поясъ, где они расположены болѣе густо. Это будетъ продолжаться до завтрашняго утра. Затѣмъ нѣсколько часовъ мы пролетимъ по области, лишенной планетокъ, и вступимъ въ главное скопленіе, которое тянется на 44 милл. килом., т.-е. составляетъ для насъ два дня пути.

— На какомъ разстояніи отъ Солнца находятся эти пояса?

— Первый на 2,39 радиуса земной орбиты = 360 милл. килом., а второй въ среднемъ на 2,70 радиусовъ = 400 милл. килом. Это соотвѣтствуетъ серединѣ всего пояса астероидовъ. Еще одно скопленіе ихъ мы встрѣтимъ на разстояніи 3,15 радиусовъ. Послѣ этого до самаго Юпитера малыя планеты разсѣяны очень рѣдко.

— Какова полная ширина пояса малыхъ планетъ?

— Обыкновенно ее считаютъ въ 300 милл. килом.,

Но это не вѣрно, ибо, съ одной стороны, нѣкоторыя изъ нихъ, напр., Этра или встрѣченный нами Эросъ заходятъ за орбиту Марса, а другія (Гекторъ, Патроклъ и проч.) имѣютъ среднее разстояніе отъ Солнца, такое же, какъ Юпитеръ. Поэтому ширина пояса достигаетъ 600 милл. килом.

— И сколько астероидовъ разсѣяно на этомъ огромномъ пространствѣ?

— Не знаю! Вѣроятно много тысячъ. Нѣкоторые астрономы предполагали, что ихъ всего около тысячи, но доказательство противнаго у насъ на лицо. Ихъ нѣсколько сотенъ въ небольшой области, которая насъ окружаетъ.

Звѣздное небо принимало все болѣе необычайный и богатый видъ. Нѣкоторыя свѣтила, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, быстро увеличивались въ яркости, образуя замѣтный для глаза дискъ, затѣмъ онъ также быстро уменьшались и терялись въ роѣ остальныхъ звѣздъ. Одинъ маленький астероидъ пролетѣлъ совсѣмъ близко отъ бокового окна, на минуту освѣтивъ вагонъ блѣдно-розовымъ свѣтомъ.

— Гдѣ же Веста? спросилъ Имеретинскій.

— Ахъ да, я забылъ про нее. Видите тамъ впереди чрезвычайно яркую звѣзду бѣлаго цвѣта. Это, вѣроятно, и есть Веста.

— Что васъ заставляетъ думать такъ?

— Наблюдая ея очень медленное перемѣщеніе, я разсчиталъ, что планета находится на разстояніи не менѣе 3 милл. килом., отъ насъ. Между тѣмъ въ телескопъ ясно виденъ ея поперечникъ: это доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ четырехъ самыхъ

большихъ астероидовъ, а изъ нихъ только Веста находится на данномъ разстояніи отъ Солнца. Черезъ 2 или 3 часа мы подойдемъ гораздо ближе и тогда я надѣюсь подробно изучить ее.

Аппаратъ продолжалъ свой быстрый полетъ, окруженный астероидами. Иногда число ихъ уменьшалось, но затѣмъ опять со всѣхъ сторонъ зажигались яркія звѣзды.

— Мы не рискуемъ налетѣть на одну изъ планетокъ? спросила Наташа.

— О, нѣтъ, отвѣтилъ изобрѣтатель. Это только такъ кажется, что онѣ близко отъ насъ. Большинство изъ нихъ удалено отъ насъ на десятки и сотни тысячъ километровъ. Въ дѣйствительности даже въ мѣстахъ наибольшаго скопленія астероиды крайне рѣлко разсѣяны въ пространствѣ.

— Слава Богу, а то мы легко могли бы разбиться объ одинъ изъ нихъ.

— Однако, побывать на одномъ изъ этихъ микроскопическихъ міровъ тоже очень любопытно, замѣтилъ Флигенфенгеръ.

— Врядъ ли мы нашли бы тамъ много интереснаго; кромѣ того, они всѣ, за исключеніемъ Весты, лишены атмосферы и намъ нечѣмъ было бы дышать.

— Отчего же природа такъ обидѣла ихъ?

— Просто потому, что сила тяготѣнія на нихъ слишкомъ слаба, чтобы удержать частицы газа отъ разсѣянія.

— Въ такомъ случаѣ Богъ съ ними; лучше летимъ на Ганимеда.

Любаясь астероидами, Наташа не забывала своихъ хозяйственныхъ обязанностей. Она накрыла столъ, такъ какъ было четыре часа, время, когда путешественники всегда пили чай. 200 милл. килом. отдѣляли ихъ отъ родной планеты и все-таки они оставались связанными съ ней своими потребностями. Время бодрствованія и сна, часы ъды и вообще распределеніе дня сообразовалось съ вращеніемъ земного шара вокругъ оси, съ положеніемъ Солнца надъ улицами Петрограда. Затерянные въ дебряхъ пространства, гдѣ не бываетъ ни лѣта, ни зимы, ни дня, ни ночи, пассажиры аппарата оставались сынами Земли. Въ семь часовъ утра они вставали и пили чай, въ двѣнадцать обѣдали, въ 4 пили второй чай, въ половинѣ девятаго подавался легкій ужинъ; въ полночь въ вагонѣ водворялась тишина, и только одинъ дежурный бодрствовалъ, оберегая всеобщій покой и безопасность. Таковъ былъ режимъ, установленный съ самаго начала экспедиціи, и Имеретинскій твердо настаивалъ, чтобы всѣ ему слѣдовали. Благодаря правильному образу жизни, ничье здоровье не пострадало, несмотря на отсутствіе дкиженія и вообще ненормальная условія. Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ допускались отступленія отъ принятаго порядка; такова, напр., была ночь, когда путешественники ожидали паденія на Марсъ.

За чайнымъ столомъ разговоръ сначала не клеился и только, когда первый аппетитъ былъ удовлетворенъ, вернулись къ вопросу, въ данную минуту для всѣхъ самому интересному, къ астероидамъ.

— Когда открыты малыя планеты? спросилъ зоологъ.

— Ихъ открытие, отвѣчалъ Добровольскій, одна изъ очень любопытныхъ страницъ въ исторіи астрономіи.

— Разскажите, Борисъ Геннадіевичъ, попросила Наташа; вы вѣдь, кажется, кончили чай?

— Астрономы давно уже замѣтили, началъ Добровольскій, пробѣлъ, который существовалъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Въ концѣ 18 го вѣка образовался даже цѣлый научный кружокъ, для отыскиванія предполагаемой планеты. Но видно, судьба берегла открытие астероидовъ, какъ и послѣдней большой планеты, Нептуна, для 19-го вѣка. 1-го января 1801 года, т.-е. въ первый день новаго столѣтія, сицилійскій астрономъ Піацци, принадлежавшій къ названному кружку, замѣтилъ звѣзду, которой раньше не было въ данной точкѣ неба. Наблюденія слѣдующей ночи показали, что звѣзда движется. Піацци сначала принялъ ее за комету, но дальнѣйшее изученіе ея движенія показало, что онъ открылъ новую планету, которой не доставало между Марсомъ и Юпитеромъ. Свѣтило окрестили Церерой. Пробѣлъ былъ заполненъ, и астрономы успокоились. Представьте себѣ ихъ удивленіе, когда Ольберсъ, въ 1802 г., нашелъ еще одну планетку, совершившую свой путь вокругъ Солнца, недалеко отъ Цереры. Ей дали имя Паллады. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гардингъ открылъ Юнону, а въ 1807 г. тотъ же Ольберсъ—Весту, которую мы скоро увидимъ недалеко отъ насъ. Послѣ этихъ четырехъ, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ открытий,

семья астероидовъ не увеличивалась цѣлыхъ 38 лѣтъ. Лишь въ 1845 году Гекке открылъ пятую планету, и послѣ того число ихъ стало быстро возрастать. Къ началу XX-го вѣка въ каталоги было занесено уже больше 500 малыхъ планетъ.

— Это дѣйствительно интересно! Но каково же происхожденіе этихъ оригинальныхъ крошечныхъ свѣтиль? Каковы условія, господствующія на нихъ?

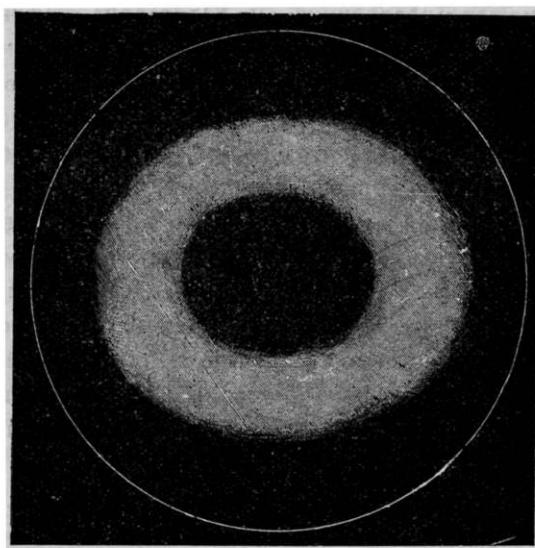
— Относительно происхожденія астероидовъ предложено двѣ гипотезы. Авторомъ первой является Ольберсъ; онъ думалъ, что астероиды—это осколки одной большой планеты; впрочемъ, послѣдняя не была бы особенно велика; масса ея, несомнѣнно, не достигала бы массы Меркурія, самой маленькой изъ „настоящихъ“ планетъ. Противъ гипотезы Ольберса обыкновенно возражаютъ, что, если она вѣрна, орбиты всѣхъ астероидовъ должны пересѣкаться въ одной точкѣ. По моему, это неправильно: возмущающее дѣйствіе могучаго Юпитера могло съ теченіемъ времени совершенно измѣнить пути астероидовъ.

— Но развѣ самый фактъ, что планета разбилась на куски, возможенъ?

— Отчего же нѣть? Представьте себѣ, что Земля столкнулась съ громаднымъ метеоромъ. Твердая кора ея можетъ не выдержать удара, и внезапно освобожденные пары и газы внутренняго ядра взорвутъ Землю, которая распадется на куски. Для этого можетъ-быть даже достаточно собственныхъ вулканическихъ силъ молодой планеты.

— Какая же вторая гипотеза?

— Второе объяснение болѣе вѣроятно. Вы помните, я вамъ говорилъ, что планеты образовались изъ туманности, распавшейся на концентрическія кольца. Весьма возможно, что вліяніе Юпитера не дало мате-

Кольцеобразная туманность Лиры.

ріи сосьдняго съ нимъ кольца собраться въ одну массу, и оно разбилось на множество мелкихъ комковъ. Вы спрашивали еще, каковы физическія условія на малыхъ планетахъ? Объ этомъ почти ничего неизвѣстно. Слѣды атмосферы открыты только у Весты; у другихъ какъ будто замѣчены какія-то измѣненія окраски; но все это очень неопределенно и гадательно. Вѣроятно, огромное большинство астероидовъ — это просто каменные глыбы, не болѣе нѣсколькихъ десят-

ковъ километровъ въ поперечникѣ, лишенныя воды, воздуха и какой бы то ни было жизни. Самой крупной планетой является Церера: она имѣеть около тысячи килом. въ діаметрѣ. Это уже цѣлый міръ, и различіе въ размѣрахъ между ней и Марсомъ меньше, чѣмъ между послѣднимъ и Юпитеромъ. Только у двухъ планетокъ еще удалось измѣрить діаметры: Паллада—около 800 килом. и Веста—381; Юнона не болѣе 200 килом., а остальные астероиды еще гораздо меньше. Вотъ, приблизительно все, что мы знаемъ объ этихъ карликахъ солнечной системы.

На слѣдующій день рано утромъ аппаратъ вышелъ изъ первого сгущенія малыхъ планетъ, которое онъ пересѣкъ въ теченіе 17-ти часовъ. Онъ вступилъ въ область, сравнительно бѣдную астероидами. Небо приняло свой обычный видъ. Только изрѣдка яркой звѣздой появлялся на немъ астероидъ; но аппаратъ быстро проносился мимо и все опять было темно по-прежнему.

Лишь къ часу ночи 12-го октября достигъ „Побѣдитель Пространства“ главнаго кольца малыхъ планетъ, и пассажиры его двое сутокъ могли любоваться ихъ великолѣпіемъ. Картина была еще прекраснѣе, чѣмъ за два дня передъ тѣмъ. Чаще встрѣчались цвѣтные астероиды, да и числомъ ихъ стало гораздо больше. Нѣкоторые очень близко подходили къ окнамъ вагона, но это были крошечныя планетки въ видѣ простыхъ каменныхъ глыбъ. Добровольскому удалось измѣрить нѣсколько десятковъ діаметровъ; они колебались отъ 3 килом. до 37; больше всего попадалось астероидовъ съ поперечникомъ около

10 килом. Впослѣдствіи, обрабатывая свои наблюденія, астрономъ высчиталъ, что масса всѣхъ малыхъ планетъ составляетъ $\frac{1}{2}$ массы Меркурия. Эта величина значительно больше общегринятой, которая равняется сотымъ долямъ массы той же планеты.

Да, можно смѣло сказать, что экспедиція не теряла даромъ времени: за двадцать два дня пути она собрала огромное количество матеріала по астрономії и физикѣ межпланетнаго пространства. Несмотря на трудности и опасности, въ самые тяжелые моменты пути, когда у многихъ другихъ людей страхъ за себя, за свою жизнь поглотилъ бы всѣ силы и вниманіе — даже тогда путешественники помнили объ интересахъ науки и ставили ихъ на первый планъ. И это было справедливо: развѣ не благодаря наукѣ совершили они свое чудное путешествіе? развѣ не ея плодами пользовались, наслаждаясь великотѣпіемъ вселенной и понимая ея тайны? Только труды цѣлыхъ поколѣній сдѣлали возможной самую мысль о путешествіи за предѣлы Земли, показавъ, что послѣдняя только песчинка въ бесконечномъ океанѣ зеира, гдѣ плаваютъ другіе, гораздо болѣе значительные міры. Точно также устройство аппарата основывалось на выводахъ чистой науки, на электро-магнитной теоріи свѣта, которая вызвала мысль о лучевомъ давленіи. Сознавая все это, пассажиры „Побѣдителя Пространства“, не жалѣя силъ, наблюдали и изучали окружающія чудеса планетной системы.

Лавироватъ между астероидами оказалось не такъ легко, какъ сначала думалъ Имеретинскій. Въ общемъ

они дѣйствительно были далеко разсѣяны на огромномъ пространствѣ, но иногда аппаратъ попадалъ въ затруднительное и даже опасное положеніе, благодаря чрезвычайной быстротѣ движенія своего и самихъ малыхъ планетъ. Многіе астрономы давно предполагали, что существуютъ двойные астероиды; они находятся такъ близко одинъ отъ другого, что не только обращаются вокругъ Солнца, но еще и другъ около друга. Члены экспедиціи на опытѣ убѣдились въ существованіи такихъ паръ. Огиная довольно крупный астероидъ, около 30 килом. въ діаметрѣ, изобрѣтатель не успѣлъ во время повернуть зеркало и попалъ между двумя астероидами, которыхъ отдѣляли всего около 300 километровъ!

Тутъ уже сдѣлать ничего нельзя было; судьба экспедиціи находилась во власти случая. Путешественники пережили жуткій моментъ; однако, кончилось благополучно. Пройдя на порядочномъ разстояніи отъ первого астероида, аппаратъ, какъ молния, промелькнулъ мимо второго, едва не зацѣпивъ за его поверхность. Всѣ облегченно вздохнули, избавившись отъ неожиданной опасности, а Флигенфенгэръ даже пошутилъ со своимъ всегдашимъ юморомъ.

Плаваніе продолжалось безъ приключений. 13-го октября поздно вечеромъ аппаратъ вышелъ изъ главнаго кольца малыхъ планетъ и вступилъ въ широкую полосу, лишенную ихъ. Всѣ астероиды быстро потонули въ лучахъ Солнца и только одна лишняя яркая звѣзда осталась на небѣ. Это крайне удивило астронома; однако, вскорѣ онъ увидѣлъ, что имѣеть дѣло

съ очень большими астероидами, около которого аппаратъ пролетить на другой день утромъ.

— Намъ рѣшительно везетъ, господа, сказалъ Добровольскій, справившись въ нѣкоторыхъ книгахъ; недавно мы проходили мимо Весты, единственной изъ малыхъ планетъ, имѣющихъ атмосферу; теперь судьба намъ посыпаетъ навстрѣчу самую крупную изъ нихъ и раньше всѣхъ открытую, Цереру.

Встрѣча съ Церерой была послѣднимъ важнымъ событиемъ при пересѣченіи кольца астероидовъ. 16-го октября аппаратъ прошелъ послѣднее значительное скопленіе ихъ. Тутъ попадались только мелкие астероиды, устроенные по общему типу каменной глыбы съ трещинами и неровностями, но почти всегда правильной, шарообразной формы; отклоненія отъ нея были крайне рѣдки и неясно выражены.

Начиная съ 17-го путь передъ „Побѣдителемъ Пространства“ лежалъ совершенно свободнымъ. Самое большое, если разъ въ сутки вдали пролетать небольшой метеоритъ, не представлявшій особаго интереса. Однако, еще цѣлыхъ пять дней несся аппаратъ по области пространства, которую обыкновенно включаютъ въ поясъ астероидовъ. Лишь 21-го октября онъ вышелъ за его границу на разстояніи 600 милл. килом. отъ Солнца. До Юпитера оставалось 177 милл. килм. среди холода и пустоты мірового пространства. За 21 день аппаратъ пролетѣлъ утроенное разстояніе отъ Земли до Солнца. Черезъ 8 дней онъ долженъ былъ спуститься на почву спутника самой величественной изъ планетъ. Если только ничто не помѣшаетъ... Но ничто не могло помѣшать въ свободномъ пространствѣ. Впр-

чемъ, какъ знать? неудачный поворотъ зеркала могъ отклонить путь аппарата отъ Ганимеда и второй разъ оттолкнуть его въ безконочность: и притомъ оттолкнуть окончательно: дальше, за предѣлами Юпитера, не было планеты, на которую можно было бы спуститься такъ, какъ Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ находились съ другой стороны Солнца. Ганимѣдъ былъ послѣдней надеждой.

И все-таки, повторимъ и на этотъ разъ, какъ знать? Тайны пространства еще далеко не раскрыты. Можетъ-быть, оно хранить въ себѣ силу, которая опрокинетъ всѣ расчеты путешественниковъ. Можетъ-быть невѣдомымъ путемъ въ положеніи экспедиціи произойдетъ полная перемѣна, принеся съ собой гибель или спасеніе.

Завѣса будущаго непроницаема!

ГЛАВА IX.

Въ глубинѣ солнечной системы.

Дни медленно проходили однообразной чередой.

Каждыя сутки на 22 милл. килом. приближали аппаратъ къ цѣли долгаго полета. На Землѣ это составило бы 550 кругосвѣтныхъ путешествій, но въ небесномъ пространствѣ—одинъ только шагъ. Пружина вѣсовъ Гольцова разогнулась и показывала, что сила солнечнаго тяготѣнія стала въ 25 разъ меньше, чѣмъ на разстояніи, равномъ земному, и въ 45.000 разъ меньше силы тяжести на поверхности Земли. Въ этихъ отдаленныхъ областяхъ пространства 1 килограммъ сгибалъ пружину настолько, на сколько 1,45

грамма на Землѣ. Аппаратъ вмѣстѣ съ пассажирами вѣсилъ всего 60 грамм., т.-е. 1/6 фунта. Не удивительно, что путешественники не замѣчали своего вѣса.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ силы тяготѣнія Солнца, ослабѣвали его свѣтъ и теплота. Видимый поперечникъ дневного свѣтила уменьшился въ 5 разъ; оно грѣло и освѣщало въ 25 разъ слабѣе. Холодъ и мракъ мірового пространства одерживали верхъ надъ солнечными лучами. И чѣмъ дольше аппаратъ продолжалъ бы свой полетъ, тѣмъ побѣда мрака становилась бы очевиднѣй. На границѣ планетной системы, гдѣ медленно плыветъ далекій Нептунъ, Солнце въ 900 разъ слабѣе, чѣмъ на Землѣ; а еще дальше, въ межзвѣздной безднѣ, пересѣчь которую осмѣливаются однѣ кометы, Солнца больше нѣтъ совсѣмъ, оно становится простой звѣздой и теряется въ ихъ многочисленномъ сонмѣ.

Но умы нашихъ путешественниковъ не были настроены такъ мрачно; они не заглядывали въ бездонную глубину звѣирнаго океана, пронизаннаго слабыми лучами далекихъ звѣздочекъ,—наоборотъ, все ихъ вниманіе, всѣ помыслы были направлены на Юпитера и его многочисленныхъ спутниковъ.

Юпитеръ! какъ много это слово говоритъ каждому астроному. Величайшая изъ планетъ, младшій братъ Солнца, звѣзда, вполнѣ достойная царя боговъ! Этотъ міръ всегда приковывалъ къ себѣ вниманіе людей и въ предсказаніяхъ средневѣковыхъ астрологовъ игралъ руководящую роль.

Тѣмъ болѣе понятенъ интересъ, который онъ возбуждалъ у пассажировъ „Побѣдителя“. Имъ, вѣроятно,

предстояло прожить много дней въ ближайшемъ со-
сѣствѣ съ Юпитеромъ, на почвѣ спутника, находя-
щагося въ непосредственной зависимости отъ него.
Цѣлые дни проводили они у верхняго окна, наблюдая
гигантскую планету и слушая объясненія Доброволь-
ского. Даже за обѣдомъ или чаемъ не прекращались
разговоры о Юпитерѣ. Не менѣе послѣдняго интересо-
валъ путешественниковъ Ганимедъ,—міръ, съ кото-
рымъ земные наблюдатели очень мало знакомы.

Страницы дневника Наташи были полны свѣдѣнія-
ми о системѣ Юпитера, а альбомъ тропическихъ де-
ревьевъ Флигенфенгера совершенно не двигался впе-
редъ. Зато зоологъ нарисовалъ нѣсколько великолѣп-
ныхъ изображеній Юпитера въ краскахъ. Они послу-
жили настоящимъ украшеніемъ астрономическихъ со-
чиненій Добровольского.

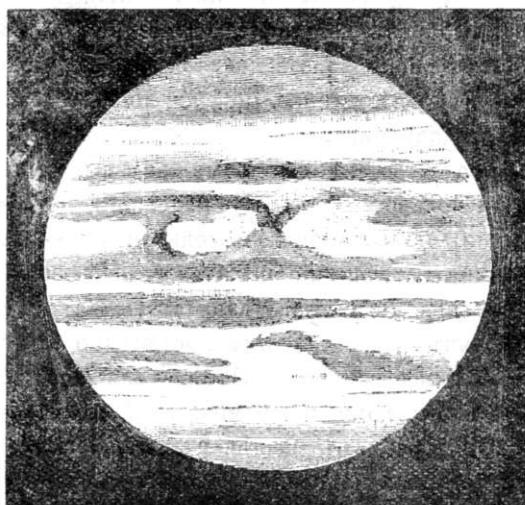
Отдѣленный отъ Солнца 777 милл. килом. Юпи-
теръ въ 11,86 лѣтъ обѣгаєтъ свою длинную орбиту.
Зато вокругъ оси планета вращается очень быстро,
именно въ 9 час. 55 мин. Благодаря этому годъ Юпи-
тера заключаетъ цѣлыхъ 10.455 своихъ дней. Юпитеру
принадлежитъ первенство среди планетъ; онъ въ
1279 разъ больше Земли и всего въ 1000 разъ мень-
ше самаго Солнца. Земля заняла бы ничтожную часть
его поверхности. Гигантская планета является цент-
ромъ ссобой системы, такъ какъ 8 спутниковъ окру-
жаютъ ее. Четыре изъ нихъ довольно яркія звѣзды,
среди которыхъ первенство принадлежитъ Ганимedu.
Они были открыты Галлилеемъ, какъ только онъ на-
правилъ на Юпитера первую астрономическую трубу.
Остальные четыре спутника очень маленькия и слабыя

свѣтила, открытая при помощи могучихъ оптическихъ инструментовъ конца 19-го и начала 20-го вѣка. Особенno интереснымъ представляется послѣдній, 8-ой спутникъ, найденный въ январѣ 1908 года, какъ звѣзда 16-ой величины, и сначала принятый за малую планету. Онъ отстоитъ на 36 милл. килом. отъ Юпитера, т.-е. въ 100 разъ дальше, чѣмъ Луна отъ Земли, и совершаetъ свой оборотъ въ 4 года. Можетъ-быть, это комета, задержанная могучей планетой и превращенная въ спутника.

Къ несчастію, такія слабыя звѣзды не были доступны небольшимъ трубамъ экспедиціи, даже на томъ разстояніи, на которомъ находился аппаратъ. Путешественники могли наблюдать только четыре главныхъ спутника и самого Юпитера. Зато послѣдній представлялъ чудную картину, постепенно мѣнявшуюся на глазахъ пассажировъ „Побѣдителя Пространства“, благодаря быстрому вращенію планеты вокругъ оси. Дискъ Юпитера былъ раздѣленъ параллельными свѣтлыми и темными полосами, которые мѣстами распадались на отдѣльные, продолговатые пятна, расположенные въ рядъ. Особенно хорошо замѣтными являлись свѣтло-желтая экваторіальная полоса и прилегающія къ ней темная и опять свѣтлая полосы въ тропическомъ поясѣ обоихъ полушарій. Путешественники, заинтересованные оригинальнымъ расположениемъ свѣтлыхъ и темныхъ областей, попросили у Добровольского объясненій.

— Васъ, вѣроятно, поразило, господа, охотно отвѣтилъ астрономъ, что поверхность Юпитера представ-

совершенно другую картину, чѣмъ то, что мы до сихъ поръ. На Марсѣ, Лунѣ и Землѣ свѣтлые темныя области имѣютъ неправильныя очертанія материковъ и морей, здѣсь же это просто прямолинейныя полосы. Этотъ фактъ, вмѣстѣ съ нѣкото-

Юпитеръ.

рыми данными спектрального анализа, доказываетъ что свѣтлые полосы—это широкіе ряды облаковъ увлекаемые сильными вѣтрами, параллельными экватору. Темныя полосы—это болѣе глубокія части планеты, можетъ-быть, самая поверхность ея.

— Такъ, значитъ, на Юпитерѣ есть воздухъ и облака? спросилъ Флигенфенгеръ.

— Безусловно; и при томъ атмосфера его очень густа и высока.

— Отчего же въ такомъ случаѣ мы рѣшили спуститься на Ганимеда, а не на самаго Юпитера?

— О послѣднемъ не можетъ быть и рѣчи. Юпитеръ еще не вполнѣ остывшій міръ, покрытый, вѣроятно, очень тонкой и горячей корой. Мы тамъ моментально задохнемся или даже сгоримъ. На огромной планетѣ совершаються очень бурные и энергичные процессы. Гигантскія изверженія и землетрясенія, дожди горячей воды, сильнѣйшіе вихри и ураганы—вотъ приблизительная картина этого необъятнаго міра. Иллюстраціей къ моимъ словамъ можетъ послужить то, что мы сейчасъ увидимъ. Смотрите!

На западномъ краю планеты, благодаря ея вращенію, появилось громадное красноватое пятно. Облачные полосы огибли его и оно, какъ огромный кровавый шаръ, смотрѣло въ пространство черезъ толщу свободной отъ облаковъ атмосферы.

— Это знаменитое красное пятно, появившееся около 1870 года и теперь постепенно исчезающее. Относительно его, по моему мнѣнію, возможно только одно объясненіе; всѣ остальные толкованія не выдерживаютъ критики. Это огненное море расплавленной лавы въ 40000 килом. длиной. Земной шаръ могъ бы свободно плавать въ немъ. Нѣчто подобное есть въ миниатюрѣ и на Землѣ, на Гавайскихъ островахъ. Кратеръ вулкана Килауеа представляетъ постоянное озеро расплавленной лавы. Но какъ ничтожна эта диковинка земной природы сравнительно съ необъятнымъ пылающимъ океаномъ на Юпитерѣ!

Путешественники съ увлеченіемъ слушали разска-

зы астронома объ огромной планетѣ и ея бурной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забывали настоящей цѣли своего полета, Ганимеда; ему также посвящалось много часовъ наблюденій.

Ганимѣдъ третій изъ большихъ спутниковъ Юпитера; онъ отстоитъ на миллионы слишкомъ килом. отъ центральной планеты. Однако, чтобы не упасть на нее, подчиняясь могучему притяженію, онъ долженъ двигаться очень быстро, обѣгая свою орбиту въ 7 дней 3 часа 42 мин. Этотъ спутникъ является цѣлымъ самостоятельнымъ міромъ, имѣющимъ болѣе 5000 кlm. въ діаметрѣ (Марсъ 6700 кlm.; Меркурій 4750 кlm.).

Земные астрономы очень мало знаютъ о его физическихъ условіяхъ и путешественники должны были пополнить этотъ пробѣль. Ихъ наблюденія вполнѣ подтвердили давно высказанное предположеніе, что Ганимѣдъ всегда обращенъ къ Юпитеру одной и той же стороной, какъ Луна къ Землѣ. Далѣе они зас记овали на немъ пятна неправильной формы, вѣроятно соотвѣтствующія морямъ. Около сѣвернаго полюса находилось очень яркое и отчетливое пятно, напоминающее таковыя же на Марсѣ. Это пятно также давно было замѣчено земными астрономами. Ганимѣда окружала довольно высокая и ясная атмосфера; однако она была не вполнѣ свободна отъ облаковъ.

— Наши наблюденія, сказалъ по этому поводу Добровольскій, подтверждаютъ мои лучшія надежды и расчеты. На Ганимѣдѣ мы найдемъ условія очень подходящія, чтобы прожить тамъ недолгое время, необходимое для основательной починки аппарата. Я

надѣюсь также, что намъ удастся найти тамъ недостающіе запасы. Ясная атмосфера позволить намъ безъ затрудненій подняться съ планеты и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ возможность изучить Юпитеръ, который представляетъ великолѣпную картину съ поверхности Ганимеда.

Научныя занятія и наблюденія сокращали время; безъ нихъ путешественники очень скучали бы въ послѣдніе дни долгаго пути.

26-го октября утромъ аппаратъ находился на разстояніи 70 милл. килом. отъ Юпитера. Огромное свѣтило заливало своими лучами верхнюю комнату вагона. Хотя дискъ былъ еще значительно меньше полной Луны, но зато онъ сіялъ гораздо ярче нея и сила освѣщенія не уступала самой свѣтлой зимней ночи, когда лучи земного спутника, отражаясь въ миллионахъ снѣжныхъ кристалловъ, позволяютъ свободно читать безъ лампы.

Съ самаго утра этого дня путешественниками овладѣла какая-то тревога. Они не могли уяснить себѣ, въ чемъ дѣло, но каждый чувствовалъ себя ненормально возбужденнымъ. Это настроеніе вовсе не являлось результатомъ нетерпѣливаго ожиданія того момента, когда экспедиція спустится на Ганимеда; до этого оставалось еще болѣе трехъ дней. Нѣтъ, причина общей тревоги была въ иномъ. Но въ чемъ же? Этого не знали сами путешественники.

Въ окружающемъ пространствѣ ничто не перемѣнилось. Попрежнему ярко сіяло горячее Солнце, а съ другой стороны лились волны свѣта отъ Юпитера. На немъ не замѣчалось никакихъ особыхъ перемѣнъ.

Звѣзды между этими двумя свѣтилами померкли и поблѣднѣли, но не погасли совсѣмъ. Астероидовъ нигдѣ не было видно. Венера, Земля и Марсъ давно потонули въ лучахъ Солнца и розыскать ихъ было очень трудно. Небо не давало никакого объясненія страннаго настроенія пассажировъ аппарата. Нервный и беспокойный Флигенфенгеръ особенно сильно чувствовалъ общее возбужденіе. Онъ ни минуты не могъ посидѣть на мѣстѣ и все время бѣгалъ взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ по вагону.

— Что съ нами случилось, господа? спрашивалъ онъ въ недоумѣніи. Кажется, вокругъ все тихо и мирно, а между тѣмъ я чувствую себя ниже всякой критики.

— Причина нашего возбужденія, отвѣтилъ Имеретинскій, вѣроятно, въ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ процессахъ, протекающихъ въ пространствѣ. Ни глазъ, ни другіе органы чувствъ не открываютъ намъ ихъ сущности, но нервная система, этотъ нѣжный и тонкій аппаратъ, тѣмъ не менѣе реагируетъ на происходящее.

— Вы, я думаю, правы, согласился астрономъ.

— Интересно бы знать, что это еще за невиданные процессы? не унимался зоологъ; на Землѣ я никогда не испытывалъ такихъ странныхъ ощущеній.

— А я испытывала, возразила Наташа.

— Вы? Когда? удивились остальные.

— Когда я еще училась въ пятомъ классѣ гимназии, меня лѣчили электричествомъ; и вотъ въ началѣ каждого сеанса, пока токъ былъ еще слабъ, я переживала такія ощущенія, какъ сегодня.

— Это очень любопытно! Отсюда можно предположить, что въ окружающемъ пространствѣ проходятъ слабые электрическіе токи. Жаль, что у насъ нѣть соответствующихъ приборовъ для наблюденія, замѣтилъ Имеретинскій.

Къ полудню путешественники почувствовали себя спокойнѣе; вѣроятно, электрическая волна, если такова дѣйствительно была причина непонятныхъ явлений, прошла мимо. Однако въ четыре часа явленіе повторилось вновь съ еще большей силой. Но теперь возбужденіе путешественниковъ смѣнилось странной апатіей и утомленіемъ. Организмъ какъ будто усталъ отъ борьбы съ неизвѣстными внѣшними вліяніями. Часы медленно проходили; пассажиры «Побѣдителя» скучали, но не имѣли ни энергіи, ни желанія приняться за какое-либо дѣло. Между тѣмъ, если бы они подошли къ телескопу и взглянули на Юпитеръ, то увидѣли бы, что его атмосфера сильно волнуется, а красное пятно, съ утра совершившее полный оборотъ и опять вернувшееся на видимое полушаріе, стало ярче и даже нѣсколько больше.

Уже въ десятомъ часу вечера, задолго до обычного времени путешественники начали зѣвать и втайне подумывать о постеляхъ.

— Который теперь часъ, промолвилъ Добровольский, вынимая свой карманный хронометръ. Восемь? странно! Валентинъ Александровичъ, у васъ который?

— Тоже восемь; но я помню, что давно уже смотрѣль и было безъ четверти восемь.

— Да не стоять ли ваши часы? спросила Наташа.

— Оказалось, что действительно все безъ исключенья хронометры и часы остановились на восьми часахъ вечера. Пришлось высчитывать время по пройденному разстоянію, что было неособенно удобно. Попробовали вновь завести часы; это не помогло: стрѣлки оставались неподвижными.

— Это что еще за чудеса? удивился Флигенфенгеръ. Вѣдь толчковъ въ родѣ нашего паденія на Землю не было.

Изобрѣтатель и астрономъ ничего не отвѣтили, сами недоумѣвая.

Вскорѣ Наташа, больше другихъ сохранившая бодрость и энергию, замѣтила еще одно необычайное явление: все металлические предметы оказались слегка намагниченными. Она обратила на это общее вниманіе

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Имеретинский, все ясно!

— Что ясно? Почему?

— Несомнѣнно, въ пространствѣ и черезъ самыи аппаратъ проходитъ слабый электрическій токъ, при томъ, вѣроятно, большого напряженія. Онъ и намагнитиль все металлическое; онъ же вызвалъ у насъ сначала возбужденіе, а затѣмъ упадокъ энергіи.

— Но откуда же взялся этотъ токъ?

— Гдѣ его возбудитель?

— Почему мы его раньше не замѣчали? посыпались на изобрѣтателя вопросы.

— Этого, господа, я не знаю. Можетъ-быть на Солнцѣ или на Юпитерѣ происходятъ какія-нибудь большія электро-магнитныя пертурбациіи, вызвавшія токъ между ними.

Однако, какъ разъ въ эту минуту на Юпитерѣ все было спокойно; казалось, поднявшееся тамъ волненіе совсѣмъ улеглось.

— Какъ бы тамъ ни было, заявилъ зоологъ, электрическій ли это токъ или что другое, но онъ меня совершенно усыпляетъ и я иду спать. Сейчасъ вѣдь ваше дежурство, Валентинъ Александровичъ?

— Да, до двухъ часовъ. Ложитесь и спите спокойно. Ваша очередь послѣднія.

Путешественники какъ-то медленно и нерѣшительно разошлись. Наташа спустилась внизъ и долго возилась, приготвляя себѣ постель. Но лишь только она легла, какъ моментально заснула. То же самое произошло съ Флигенфенгеромъ и Добровольскимъ. Сонъ такъ быстро ~~евладѣлъ~~ ими, какъ будто они приняли снотворное лѣкарство. Въ вагонѣ все затихло; только слышалось ровное дыханіе спящихъ.

Имеретинскій попробовалъ заняться астрономическими наблюденіями, но мысли его не могли останавливаться долго на одномъ предметѣ, и изъ работы ничего не выходило. Тогда изобрѣтатель взялъ свои замѣтки и записки и началъ приводить ихъ въ порядокъ. Черезъ минуту онъ опять уже думалъ о совершенно другомъ, а листки бумаги медленно разсыпались по полу. Видя, что онъ сейчасъ не способенъ ни на какую работу, Имеретинскій подобралъ бумаги и, безнадежно махнувъ рукой, сталь ходить по вагону отъ окна къ окну, стараясь не тревожить спящихъ. Мысли беспорядочной толпой тѣснились въ его головѣ: то это были воспоминанія ранняго дѣтства, то слож-

ная математическая формула, то событія послѣдняго времени.

Но невидимые токи дѣлали свое дѣло, и борьба со сномъ или вѣрнѣе съ забытьемъ становилась все труднѣе. Имеретинскій ускорялъ шагъ, пиль воду, даже мочилъ голову, несмотря на то, что путешественники были очень экономны въ расходованіи своихъ припасовъ,—ничего не помогало... ноги подгибались, а глаза сами собой слипались.

ГЛАВА X.

700 миллионовъ километровъ.

Имеретинскій проснулся и открылъ глаза.

Комната была залита яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ: все въ нейискрилось и горѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ вагонѣ было такъ жарко, что изобрѣгатель задыхался, и крупные капли пота выступили у него на лбу. Когда глаза его привыкли къ свѣту, онъ увидѣлъ, что лучи проникаютъ черезъ верхнее окно.

— Что случилось? пробормоталъ Имеретинскій удивленно, откуда это освѣщеніе?

Онъ взглянулъ наружу: прямо надъ головой сіяло Солнце.

„Значитъ, аппаратъ перевернулся, подумалъ онъ; но по какой причинѣ?“

Изобрѣгатель немедленно разбудилъ Добровольскаго и Флигенфенгера и показалъ имъ, въ чемъ дѣло. Всѣ обливались потомъ въ тропической жарѣ.

Надо освѣжить вагонъ; съ этими словами изо-

брътателъ открылъ кранъ отъ жидкаго кислорода. Температура сразу упала, и путешественники облегченно вздохнули. Наташа услыхала шумъ и также поднялась наверхъ.

— Что случилось? спросила она испуганно.

— Меня душилъ какой-то кошмаръ, отвѣтилъ Имеретинский; во снѣ я закричалъ и отъ этого проснулся. Въ комнатѣ было страшно жарко и въ верхнемъ окнѣ сіяло Солнце. Смотрите: вотъ оно!

Огненное свѣтило горѣло на черномъ небѣ, обливая вагонъ своими жгучими лучами.

— Аппаратъ, очевидно, повернулся по неизвѣстной причинѣ.

— Можетъ-быть, мы вошли въ сферу притяженія Юпитера?

— Пойдемте внизъ, взглянуть на него, предложилъ Флигенфенгеръ.

Путешественники перешли въ нижнюю комнату. Наташа отдернула занавѣску окна. У всѣхъ вырвался крикъ крайняго удивленія: внизу тоже сіяло Солнце!

Лучи обоихъ свѣтиль перекрецивались и смѣшивались, играя на блестящемъ зеркалѣ и на стѣнахъ вагона.

Нѣкоторое время всѣ молчали, не будучи въ состояніи собраться съ мыслями. Два солнца!—это дѣйствительно могло сбить съ толку,

— А гдѣ же Юпитеръ? промолвила Наташа.

Этотъ вопросъ сразу уяснилъ все для Имеретинскаго и Добровольскаго. Они поняли, что видятъ передъ собой именно Юпитера. На такомъ близкомъ разстояніи, котораго достигъ «Побѣдитель Простран-

ства», эта планета приняла совершенно иной видъ. Она казалась настоящимъ солнцемъ.

— Теперь также вполнѣ понятны тѣ электрическія явленія, которыя нась поражали и мучили вчера, сказалъ астрономъ. Электричество на Юпитерѣ, очевидно, высокаго напряженія, и окружающее пространство представляетъ собою сильное электромагнитное поле.

Вскорѣ тревожная ночь принесла путешественникамъ еще одинъ сюрпризъ.

— Который часъ? спросилъ Флигенфенгеръ; я окончательно потерялъ счетъ времени.

Остановившися наканунѣ вечеромъ хронометры теперь опять шли, но конечно успѣли теперь сильно отстать. Желая узнать часъ по пройденному разстоянію, Имеретинскій подошелъ къ вѣсамъ и велосиметру.

— Господа, воскликнулъ онъ, мы почти остановились: аппаратъ движается со скоростью всего одного километра въ секунду!

У пассажировъ сжалось сердце: неужели они такъ и останутся въ межпланетномъ пространствѣ, навѣки неподвижно повиснувъ между двумя солнцами? Но никто не высказалъ вслухъ этой тревожной мысли.

— Не испортился ли велосиметръ? спросилъ Добровольскій.

Изобрѣтатель поднялся наверхъ; второй велосиметръ показывалъ тоже самое. Между тѣмъ движеніе аппарата замѣтно замедлялось; черезъ десять минутъ онъ совершенно остановился. Дѣло принимало плохой оборотъ.

-- Отчего мы стоимъ? спросилъ Добровольскій.

Да, отчего? поддержали его зоологъ и Наташа.
Изобрѣтатель улыбнулся ихъ недогадливости.

— Неужели вы не понимаете? Для меня все ясно:
лучевое давленіе Солнца и Юпитера уравновѣшива-
ются взаимно. Побѣдитель Пространства“ находится
подъ дѣйствіемъ двухъ равныхъ противоположныхъ
силъ; онъ уничтожаютъ другъ друга.

— Что нась въ такомъ случаѣ ожидаетъ? спро-
сили остальные встревоженно.

— Не знаю, отвѣтилъ Имеретинскій; наше положеніе надо обсудить.

Постепенно выяснилось сдѣдующее:

Аппаратъ остановился въ 2 часа 55 минутъ ночи
на разстояніи 66 миллионовъ километровъ отъ Юпи-
тера и 711 миллионовъ килом. отъ Солнца.

Какіе можно было отсюда сдѣлать выводы? Что
могли предпринять путешественники, чтобы выйти изъ
опаснаго положенія? Наташа предложила слѣдующій
планъ: повернуть зеркало ребромъ къ Солнцу и Юпи-
теру. Когда прекратится вліяніе лучевого давленія
обоихъ свѣтиль, и аппаратъ начнетъ падать на Юпи-
теръ. Тогда онъ достаточно приблизится къ планетѣ,
его не трудно будетъ направить на Ганимеда.

Но этотъ проектъ былъ непріемлемъ по двумъ
причинамъ: во-первыхъ, на Ганимедѣ, въ разстояніи
всего миллиона километровъ отъ Юпитера, пассажиры
неизбѣжно погибли бы, благодаря сильной теплотѣ,
излучаемой планетой; во-вторыхъ, вычисленія показы-
ваютъ, что точка равновѣсія для силы тяготѣнія между
Солнцемъ и Юпитеромъ находится на разстояніи $23\frac{1}{2}$

милл. килом. отъ послѣдняго. Поэтому аппаратъ ста-
нетъ падать не на Юпитеръ, а на Солнце.

— Чего же лучше, воскликнулъ Флигенфенгеръ;
мы, такимъ образомъ, достигнемъ Земли!

— Да, приблизительно черезъ два года: ибо Юпи-
теръ, остановившись на своей орбите, упалъ бы на
Солнце лишь черезъ 765 дней! возразилъ Доброволь-
скій. А запасовъ у насъ осталось на 40 дней.

Было предложено еще нѣсколько плановъ, но всѣ
послѣ критики оказывались несостоятельными. Въ
концѣ концовъ рѣшили пока что оставить аппаратъ
неподвижнымъ между двумя главными свѣтилами сол-
нечной системы,

Такъ прошло 27-е октября.

Путешественники тщетно ломали себѣ головы надъ
вопросомъ, какъ выйти изъ затрудненія, какъ заста-
вить аппаратъ летѣть къ Солнцу съ достаточной бы-
стротой? Всѣмъ было ясно, что долго оставаться въ
такомъ неопределенному положеніи нельзя, ибо про-
віанта и кислорода осталось уже не надолго.

Больше всѣхъ мучился Имеретинскій. Онъ счи-
талъ себя отвѣтственнымъ за судьбу экспедиціи, такъ
какъ это именно онъ вовлекъ своихъ спутниковъ въ
рискованное путешествіе. Поэтому онъ прилагалъ всѣ
усилія своего изобрѣтательного ума, чтобы найти ка-
кой-нибудь выходъ ихъ создавшагося положенія. Цѣлые
часы сидѣлъ онъ неподвижно и строилъ тысячи про-
ектовъ, но не могъ остановиться ни на одномъ, какъ
на дѣйствительно подходящемъ. Остальные пассажиры
въ большей или меньшей степени переживали то же
самое,

Прошелъ еще одинъ день и настала ночь на 29-е октября.

Путешественники не спали, тревожные мысли гнали сонъ отъ ихъ глазъ; но всѣ лежали неподвижно и въ вагонѣ было тихо, какъ въ гробу. Вдругъ радостный крикъ изобрѣтателя переполошилъ всѣхъ.

— Ура, я нашелъ, нашелъ! воскликнулъ Имеретинскій.

У спутниковъ его мелькнула мысль, что голова ученаго не выдержала напряженой работы, и онъ помъгался. Дѣйствительно на то было похоже. Куда дѣвались его обычнаѧ сдержанность и хладнокровіе! Оня отчаянно тормошилъ астронома и кричалъ:

— Борисъ Геннадіевичъ, вставайте; я нашелъ, мы спасены!

— Успокойтесь, ради Бога, и объясните, въ чёмъ дѣло, отозвался Добровольскій.

— Да, да; въ двухъ словахъ: Юпитеръ и Солнце дѣйствуютъ на аппаратъ съ одинаковой силой; но вѣдь лучи отъ планеты падаютъ не на отраженную поверхность, а на раму зеркала, которая слабѣе отражаетъ свѣтъ. Слѣдовательно, если мы повернемъ зеркало полированными листами къ Юпитеру, то его влияніе увеличится и давленіе лучей его быстро понесеть насъ къ Солнцу.

Говоря это изобрѣтатель подошелъ къ рычагамъ и, повернувъ зеркало, сталъ слѣдить за показаніями велосиметра. Черезъ нѣсколько минутъ аппаратъ летѣлъ отъ Юпитера съ полной скоростью по 250 килом. въ сек. Тогда Имеретинскій поставилъ рефлекторъ ребромъ къ обоимъ свѣтиламъ, и предоставилъ

инерціи и силъ солнечнаго тяготѣнія нести „Побѣдителя“.

Экспедиція была спасена. Геній ея молодого вождя еще разъ нашелъ выходъ изъ, казалось, безвыходнаго положенія. Уныніе смѣнилось радостью, и путешественники горячо поздравляли и благодарили Имеретинскаго.

Когда всѣ немного успокоились, изобрѣтатель задалъ одинъ вопросъ, весьма естественный, но о которомъ забыли въ первую минуту.

— Куда же мы направимъ свой полетъ?

Конечно на Землю, сказалъ благоразумный астрономъ.

— А почему бы не на Марсъ? онъ ближе; возразила Наташа.

Или на Венеру, предложилъ зоологъ.

— Объ Марсъ не можетъ быть и рѣчи, справедливо указалъ Имеретинскій. Клубъ послалъ нась на Венеру, и мы должны или Ѹхать туда или предварительно вернуться на Землю, чтобы починить аппаратъ и запастись вновь провіантомъ.

— Сколько времени потребуется на путь до Венеры? спросилъ Флигенфенгеръ.

Добровольскій быстро сосчиталъ.

До нея сейчасъ около 650 милл. килом.; мы пройдемъ это разстояніе въ тридцать дней.

А припасовъ у нась?

— На 40 дней, если соблюдать крайнюю экономію.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало; не будемъ еще разъ откладывать и летимъ прямо на Венеру.

Несмотря на то, что спуститься сначала на Землю было, очевидно, благоразумнѣе, предложеніе зоолога приняли единогласно. Слишкомъ сильно было желаніе путешественниковъ попасть наконецъ на другую планету; они уже довольно ждали этой счастливой минуты.

Имеретинскій, соотвѣтственны такому рѣшенію, нѣсколько измѣнилъ путь аппарата и направилъ его правѣ Солнца туда, гдѣ Венера будетъ черезъ 30 дней.

Путешествіе продолжалось безъ особыхъ приключеній. Экспедиція въ обратномъ порядкѣ проходила области солнечной системы. Благодаря тому, что путь аппарата лежалъ правѣ (относительно направленія движения къ Солнцу, предыдущаго полета онъ опять проходилъ мимо планетъ, которыхъ путешественники уже видѣли раньше.

10-го ноября миновали орбиту Цереры; однако этотъ крупный астероидъ остался вправо на разстояніи 25 милл. килом. и найти его среди другихъ планетокъ оказалось невозможнымъ. 11-го и 12-го аппаратъ проходилъ главное скопленіе и пассажиры имѣли возможность вторично любоваться прекрасной картиной этой части солнечной системы. 14-го прошли первое скученіе и орбиту Весты; послѣдняя была въ 20 милл. килом. и конечно на ней не удалось различить никакихъ подробностей.

Черезъ 3 дня „Побѣдитель“ вышелъ изъ колыца астероидовъ, а 1-го путешественники вновь вступили въ область Марса. Но ближе всего планета была на

другой день; ее отдѣляло 5 милл. килом., и астрономіческія трубы экспедиціи давали хорошую картину общаго строенія поверхности.

Странно, что Добровольскій не обратилъ вниманія на чрезмѣрную близость Марса. Если бы астрономъ произвелъ точное вычисленіе, то увидѣлъ, что экспедиція, держась прежняго направленія къ Венерѣ, должна была пересѣчь орбиту Марса на разстояніи 15, а не 5 милл. килом. Но Добровольскій этого не замѣтилъ и, забывъ про всякие расчеты, съ увлечениемъ вторично наблюдалъ интересную планету.

„Побѣдитель Пространства“ пролетѣлъ уже три четверти своего пути. До Венеры оставалось не болѣе 150 милл. килом. Все это время небо представляло болѣе оригинальную картину, чѣмъ когда-либо. На немъ господствовали два солнца, хотя Юпитеръ, благодаря огромному разстоянію, сталъ во много разъ слабѣе; изъ звѣздъ выдѣлялись своей яркостью Марсъ. Венера и Земля. Блескъ послѣднихъ все возрасталъ, и онѣ скоро затмили своего краснаго соперника.

23-го ноября аппаратъ долженъ былъ пересѣкать орбиту Земли, но къ этому времени неправильность его пути совершенно выяснилась и путешественники замѣтили, что летятъ вовсе не на Венеру. „Побѣдитель“ находился отъ Солнца гораздо дальше земной орбиты, и, главное, онъ направлялся не къ Венерѣ, а прямо къ Землѣ. Это открытие произвело полный переполохъ между пассажирами. Они не знали, радоваться имъ или жалѣть о неожиданномъ измѣненіи маршрута.

Чѣмъ было вызвано искривленіе пути, сказать

трудно. Въроятно тутъ дѣйствовало много причинъ. во первыхъ, по странной случайности большинство самыхъ крупныхъ астероидовъ осталось съ правой стороны аппарата, Марсъ также былъ справа; наконецъ, солнечные лучи падали слѣва—всѣ эти причины могли вызвать искривленіе пути вправо, что и произошло въ дѣйствительности. Могли, конечно, повліять еще и другія неизвѣстныя причины.

Какъ бы то ни было путешественники вполнѣ приимились съ мыслью, что имъ опять не удастся попасть на Венеру; въ глубинѣ души они даже радовались скорому свиданію съ друзьями и родственниками.

24го и 25го аппаратъ продолжалъ нестись прямо къ Землѣ, а 26-го въ 5 часовъ вечера онъ долженъ былъ нагнать ее. Пассажиры съ утра стали готовиться къ опасному моменту. Земля быстро увеличивалась въ размѣрахъ и на ея дискѣ развертывалась знакомая картина материковъ и морей. Луна приближалась къ послѣдней четверти и осталась далеко вправо.

Въ 4 часа дня сдѣлали послѣднія приготовленія: повернувъ зеркало косо къ Солнцу, замедлили полетъ аппарата и завинтили всѣ окна, кроме нижняго; такъ какъ вагончикъ постепенно поворачивался нижней стороной къ Землѣ и изъ этого окна было удобнѣе всего слѣдить за положеніемъ „Побѣдителя“; однако безъ трехъ минутъ пять закрыли и послѣднее окно; въ это время уже видны были клубящіяся облака земной атмосферы. Въ пять часовъ двѣ минуты аппаратъ вступилъ въ верхніе слои атмосферы; движеніе моментально затормозилось, а вагонъ нагрѣлся отъ тренія о воздухъ. Пассажиры отъ толчка упали на

поль и Имеретинскій еле-еле успѣлъ открыть кранъ отъ жидкаго кислорода. Безъ этой предосторожности путешественники легко могли бы задохнуться отъ сильнаго жара.

Прошло еще около минуты. Всѣ ждали толчка при паденіи на Землю. Но ничего подобнаго не произошло; вагонъ, казалось, повисъ въ воздухѣ. Подождали еще немного: все оставалось спокойнымъ. Крайне удивленные пассажиры осторожно открыли окно: аппаратъ опять летѣлъ въ эаирномъ пространствѣ, а Земля лежала далеко внизу,—гораздо дальше, чѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Аппаратъ, очевидно, только зацѣпилъ верхніе слои атмосферы и продолжалъ путь въ прежнемъ направлениі.

Въ первую минуту всѣ растерялись, но потомъ, когда справились по вѣсамъ и велосиметру, то увидѣли, что положеніе вовсе не опасно: „Побѣдитель пространства“, задѣвъ атмосферу, описалъ дугу и теперь мчался со скоростью 150 килом. въ секунду прямо къ Венерѣ.

— Передъ нами опять стоитъ вопросъ, куда лѣтѣть? сказалъ Имеретинскій. Мы можемъ при помощи лучевого давленія остановить аппаратъ и вернуться на Землю или продолжать путь на Венеру, которой мы достигнемъ черезъ $3\frac{1}{2}$ дня.

Рѣшеніе было очевидно заранѣе; члены первой небесной экспедиціи не любили откладывать дѣло въ долгій ящикъ: путешествіе продолжалось.

Нельзя было не удивляться мужеству и энергіи этихъ пионеровъ науки; усталые отъ борьбы и, казалось, разбитые врагами, они переносили тысячи

опасностей и не разъ смотрѣли въ глаза смерти. И вотъ, желая честно исполнить возложенное на нихъ порученіе, жертвуя всѣмъ ради интересовъ науки, они добровольно лишаютъ себя заслуженного отдыха и идутъ навстрѣчу новымъ трудамъ и лишеніямъ, быть-можетъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ уже перенесенные.

Черезъ $3\frac{1}{2}$ дня они спустятся на Венеру. Что ихъ ждетъ въ этомъ таинственномъ мѣстѣ? Какія чудеса и красоты, но также какія опасности таитъ оно въ себѣ? На этомъ сосредоточились всѣ мысли путешественниковъ послѣ того, какъ они миновали предѣлы Земли. Прежде всего имъ необходимо было рѣшить, съ которой стороны планеты, на какую часть ея поверхности направить аппаратъ? Вопросъ обсудили и пришли къ заключенію, что для его разрѣшенія надо вполнѣ достовѣрно опредѣлить періодъ обращенія Венеры вокругъ оси.

Благодаря близости къ ней, а также другимъ благопріятнымъ условіямъ, это удалось сравнительно легко. Имеретинскій производилъ измѣренія при помощи спектроскопа. Добровольскій непосредственно слѣдилъ за движениемъ пятна, которое онъ замѣтилъ на поверхности планеты. Результаты оказались вполнѣ однородными: Венера совершила оборотъ вокругъ оси (въ 23 часа, 57 минутъ, 36 секундъ, т.-е. почти тожественный съ Землей и именно такой, какой былъ установленъ для нея астрономомъ Филлигеромъ.

Вѣковой споръ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ, наиболѣе благопріятномъ для экспедиціи.

Если бы сутки на Венерѣ сильно отличались отъ

земныхъ, это, по всей вѣроятности, такъ измѣнило бы ея условія, что она явилась бы безусловно необитаемой для человѣка. Наоборотъ, при суткахъ въ 24 часа, путешественники имѣли полное право разсчитывать на подходящія для нашей организаціи условія.

Принимая во вниманіе полученный результатъ, Имеретинскій рѣшилъ спуститься въ западномъ полушаріи, т.-е. какъ разъ съ той стороны, съ которой аппаратъ нагонялъ планету. Благодаря этому относительная скорость паденія будетъ не такъ велика, и это ослабить ударъ.

— Въ атмосфѣрѣ, заключилъ изобрѣтатель, зеркало послужить намъ парашютомъ, и я надѣюсь, что мы вполнѣ благополучно достигнемъ поверхности Венеры.

— Вы еще не сказали, спросила Наташа, подъ какой широтой мы постараемся высадиться?

— Я думаю, что осторожнѣе всего выбрать 50 ѿили 60 ѿ градусъ широты сѣвернаго полушарія, такъ какъ тамъ сейчасъ должна быть осень или уже зима; но зима на Венерѣ вѣроятно мало отличается отъ нашего лѣта, наоборотъ лѣто Венеры было бы для насъ пожалуй слишкомъ жаркимъ.

29-го ноября путешественники съ самаго утра были въ сильномъ волненіи. По расчетамъ Добровольскаго, аппаратъ 30-го, въ 4 часа 20 мин. утра, долженъ нагнать Венеру. Слѣдовательно, до этого момента оставалось меньше сутокъ. Уже 70 дней, какъ они покинули Землю и съ космической скоростью носились въ межпланетномъ пространствѣ: за это время они пролетѣли свыше 1200 милл. килом., что соста-

вляетъ въ 30 разъ больше, чѣмъ между Венерой и Землей.

Прочитывая свои замѣтки, Наташа сказала:

— Вотъ ужъ, дѣйствительно, нѣть худа безъ добра: если бы мы не подверглись нападенію, то не совершили бы нашего замѣчательнаго путешествія и не видѣли бы всѣхъ чудесъ солнечной системы. И однако это удлинило нашу экспедицію всего на 21 день; мы должны были пріѣхать 9-го, а пріѣдемъ 30-го ноября.

— Да, поддержалъ ее Добровольскій, это произошло благодаря тому, что мы пользовались не медленнымъ дѣйствіемъ силы тяготѣнія, а быстрой, свѣтовой волной. Она дала намъ возможность наглядно изучить почти всю астрономію. Мы видѣли Луну, Марсъ, комету, малыя планеты, Юпитера и, наконецъ, Венеру; мы наблюдали ихъ такъ близко, какъ это до сихъ поръ никому не удавалось.

— Я твердо вѣрю, сказалъ Флигенфенгеръ, что мы вскорѣ побываемъ и въ болѣе отдаленныхъ областяхъ солнечной системы, тамъ, гдѣ совершаютъ свой долгій путь Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ.

29-го ноября былъ день итоговъ. Путешественники спѣшно заканчивали свои дневники и приводили ихъ въ порядокъ. Они осмотрѣли также всѣ предметы, которые могли понадобиться на Венерѣ: оружіе, научные инструменты и прочее.

Между тѣмъ съ правой стороны Солнца постепенно вырастало новое свѣтило; оно уже не походило на обыкновенную звѣзду и сияло на небѣ небольшимъ яркимъ полудискомъ. Венера была такъ прекрасна, что имѣла полное право называться лучезарной. Къ

вечеру до нее оставалось всего 3 милл. килом. Вѣсы Гольцева свидѣтельствовали, что аппаратъ гораздо ближе къ Солнцу, чѣмъ Земля. Велосиметръ показывалъ скорость 160 килом. въ сек.; приращеніе ея объяснялось солнечнымъ тяготѣніемъ.

Настала послѣдняя ночь, которую путешественникамъ предстояло провести въ небесномъ пространствѣ. Завтра, 30-го ноября, рано утромъ по земному счету, они ступятъ въ почву новаго міра.

— Мы спускаемся на западное полушаріе, сказалъ изобрѣтатель, поэому мы увидимъ вечеръ, первый настоящій вечеръ съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Землю.

Несмотря на протесты Наташи и зоолога, онъ настоялъ, чтобы всѣ немного отдохнули. Это было безусловно необходимо: мало ли что могло ждать ихъ на поверхности Венеры. Какія опасности таила эта молодая планета, гдѣ жизнь должна быть такой бурной и интенсивной; какія стихійныя катастрофы или невѣдомыя чудовища подстерегали тамъ путешественниковъ? Но они думали не о томъ; воображеніе ихъ не останавливалось на опасностяхъ; забыли они также, что еще раньше ихъ, вѣроятно, прилетѣли на Венеру тѣ невѣдомые враги, которые преслѣдовали ихъ на Землѣ и даже въ глубинѣ пространства. Пассажиры мечтали о чудныхъ красотахъ юнаго, полнаго жизни міра, о его могучихъ рѣкахъ и водопадахъ, о синихъ бурныхъ моряхъ, о безконечныхъ зеленыхъ лѣсахъ, о прекрасныхъ птицахъ, о граціозныхъ насѣкомыхъ и безчисленныхъ стадахъ животныхъ; наконецъ они на-

дѣялись и тамъ найти какое-нибудь разумное, мыслящее существо.

Въ 2 часа утра всѣ были на ногахъ. Уложили послѣднія вещи, такъ чтобы онъ не разбились при паденіи; закрыли окна верхней комнаты, бросивъ прощальный взглядъ на пламенного Юпитера, это уменьшенное подобіе Солнца, и на красную звѣзду Марса, и затѣмъ перешли внизъ. Въ нижнее окно виденья былъ быстро выраставшій дискъ Венеры, на который съ волненіемъ смотрѣли пассажиры вагона. Въ 3 часа Имеретинскій повернуль зеркало и замедлиль ходъ аппарата. Теперь онъ несся прямо вдоль орбиты Венеры, постепенно нагоняя ее. Въ 4 часа планета закрывала почти полъ неба. Въ атмосферѣ ея клубилась сплошная пелена облаковъ, скрывая поверхность отъ глазъ путешественниковъ. Изобрѣтатель еще разъ замедлиль движеніе аппарата, и вотъ онъ тихо и плавно вступилъ въ атмосферу сѣвернаго полушарія на границѣ освѣщенаго полудиска.

Густой туманъ окуталъ вагончикъ. Пассажиры его поспѣшно завинтили рамы оконъ и легли на полъ на тюфяки.

Паденіе аппарата постепенно ускорялось, несмотря на задерживающее вліяніе зеркала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря тренію о воздухъ, повышалась температура.

Черезъ нѣсколько секундъ вагонъ вздрогнулъ отъ сильного толчка. „Побѣдитель пространства“ достигъ Венеры.

ГЛАВА XI.

Первые шаги въ невѣдомомъ мірѣ.

„Побѣдитель Пространства“ уже стоялъ на почвѣ Венеры, но у нашихъ путешественниковъ не сразу явилась увѣренность въ томъ, что путь ихъ благополучно законченъ. Какъ-то не вѣрилось, что все обошлось хорошо. Въ глубинѣ души Имеретинскій не былъ такъ спокоенъ, какъ говорилъ его наружный видъ, и боялся рокового толчка. Первый подалъ признаки жизни неугомонный Карлъ Карловичъ Флигенфенгеръ:

— Однако, чего же мы будемъ ждать еще, господа? Кажется, вѣдь мы уже на Венерѣ?

— Да, на Венерѣ и безъ всякаго ущерба, отвѣчалъ Имеретинскій, отвинчивая болты входной двери. Дверь раскрылась и свѣжій воздухъ пахнулъ въ катюту «Побѣдителя Пространства», смѣшавшись съ послѣдними слѣдами земной «атмосферы», частички которой были принесены сюда первой небесной экспедиціей.

Картина, представившаяся глазамъ путешественниковъ, не была особенно привлекательной. Сѣрая, мѣстами свинцовая, тяжелая пелена облачности нависала надъ поверхностью планеты, уходя безконечнымъ покровомъ во всѣ края горизонта. Унылый, гористый ландшафтъ, безъ признака растительности, съ высинвшимися гдѣ-то вдали, на краю горизонта, острононечными пиками горъ, простирался вокругъ нихъ. Съ

Горы Венеры при солнечномъ закатѣ.

противоположной стороны плоскогоріе уступами спускалось внизъ и тамъ, далеко внизу, сливалось съ густымъ покровомъ тумана, заволакивавшаго горизонтъ сърой пеленой. Воздухъ былъ влажный, но теплый; дулъ легкій вѣтерокъ.

Путешественники смотрѣли на разстилавшійся передъ ними унылый ландшафтъ смотрѣли другъ на друга и долго не говорили ни одного слова. Но взгляды ихъ показывали разочарованіе. Не такимъ представлялся имъ міръ Венеры въ ихъ пылкихъ мечтахъ!

— Однако, сказала Наташа, я воображала себѣ почву Венеры чуточку гостепріимнѣе и наряднѣе.

— Не спѣшите разочаровывать себя, сказалъ Добровольскій. Вѣдь мы видимъ пока ничтожную часть нового міра и кто знаетъ, что онъ еще таитъ въ себѣ.

— Да, господа, подхватилъ ободряюще Имеретинскій, Борисъ Геннадіевичъ правъ. Не будемъ поспѣшны въ своихъ заключеніяхъ, а лучше постараемся теперь же дать себѣ отчетъ, гдѣ мы и что намъ предпринимать. Мнѣ кажется, что „Побѣдитель Пространства“ высадилъ насъ на большой высотѣ надъ уровнемъ океана, судя по характеру ландшафта. Наши астрономы были правы, когда говорили о высокихъ горахъ и густой облачности на Венерѣ. Посмотрите вонъ на тотъ остроконечный пикъ,—вѣдь верхушка его, кажущаяся срѣзанной точно по линейкѣ, врядъ ли на самомъ дѣлѣ такова. Она, повидимому, уходитъ далеко въ заоблачную высь и бываетъ видна нашимъ астрономамъ, какъ одно изъ бѣлыхъ пятнышекъ, вы-

ступающихъ на поверхности планеты. Меня беспокоитъ только эта проклятая облачность! Неужели же мы, въ самомъ дѣлѣ, такъ и не увидимъ отсюда ни Солнца, ни звѣзднаго неба?

— Однако, я вижу, и вы Валентинъ Александрovichъ, впадаете въ пессимизмъ, замѣтилъ Добровольскій. А развѣ вы забыли о пятнахъ Венеры, которыми любовались не только мы, подлетая къ планетѣ, но и наши астрономы еще со временъ Кассини?

— Нисколько не забылъ я о нихъ, но, вѣдь, пятна могутъ быть объяснены неоднородными слоями облачности различной окраски.

— Вотъ такъ исторія! вставила свое замѣченіе Наташа. Мы уже на Венерѣ и все-таки еще почти ничего не знаемъ о ней.

Позвольте, а гдѣ же Карль Карловичъ? забезпокоился его закадычный другъ.

Дѣйствительно, Карль Карловичъ куда-то исчезъ. Но черезъ минуту Наташа первая замѣтила его и со смѣхомъ указала остальнымъ. Флигенфенгеръ, съ не свойственной его фигурѣ кошачьей ловкостью, съ сачкомъ въ рукахъ уже охотился по части своей специальности, подкрадываясь, повидимому, къ какому-то насѣкомому.

— Господа, *Libelula aetereo!* вскричалъ онъ, накрывая сачкомъ стрекозу.

Предоставляемъ судить читателямъ, какова была его радость, когда онъ увидѣлъ тотъ самый видъ стрекозы, который былъ встрѣченъ экспедиціей въ междупланетномъ пространствѣ. Не меныше обрадовались и остальные члены экспедиціи. Эта стрекоза была

несомнѣннымъ свидѣтельствомъ присутствія жизни на Венерѣ!

— Судя по всему, сказалъ Имеретинскій, мы дѣйствительно находимся очень высоко на планетѣ. Этотъ видъ стрекозы, очевидно, обитаетъ наверху высокихъ горъ. Вихри иногда уносятъ ее въ верхніе слои воздуха, гдѣ подъ вліяніемъ лучевого давленія она выбрасывается изъ предѣловъ атмосферы планеты и становится „межпланетнымъ“ насѣкомымъ. Теперь вполнѣ понятно, почему мы встрѣтили ее въ то время, когда направлялись съ Земли на Венеру.

Между тѣмъ сумерки, въ полосу которыхъ попали наши путешественники, постепенно сгущались и небо принимало еще болѣе суровый и негостепріимный видъ. Въ воздухѣ становилось душно и вдругъ сверху закапали сначала рѣдкія, но потомъ все сильнѣе и сильнѣе капли дождя, который ровно ни чѣмъ не отличался отъ земного. Путешественники поспѣшили въ каюту „Побѣдителя Пространства“, который стоялъ на песчаной равнинѣ нѣсколько косо, врѣзавшись угломъ въ почву.

Здѣсь продолжалась прерванная бесѣда, въ которой не принималъ участія только Флигенфенгеръ. заботливо возившійся со своей *Libellula aetero* и по этому случаю раскрывшій всѣ свои банки и принадлежности энтомологической хирургіи. Онъ, казалось, за-былъ все на свѣтѣ и даже, вѣроятно, то, что находился на Венерѣ. а не въ зоологическомъ кабинетѣ Академіи Наукъ въ Петроградѣ.

Имеретинскій и Добровольскій пришли къ заключенію, что необходимо завтра же отправиться на раз-

вѣдки и главное—достать пищу, такъ какъ запасы, даже при ихъ экономіи, подходили къ концу, и скоро вопросъ о хлѣбѣ насущномъ долженъ былъ стать для нихъ вопросомъ жизни или смерти. Находка стрекозы ободряла ихъ и вселяла надежды. Подниматься еще выше въ горы, конечно, было бы безсмысленно. Жизнь, очевидно, должна кипѣть въ долинахъ, расположенныхъ много ниже той выстои, на которую, волею судебъ, спустился ихъ „Побѣдитель Пространства“. Уступы спускавшагося куда-то внизъ плоскогорія, гдѣ висѣла полоса тумана, несомнѣнно вели въ ту страну, куда надо было отправиться на развѣдки. Но нельзя было терять также изъ виду ихъ жилища—„Побѣдителя Пространства“. Прежде всего нужно было конечно ориентироваться. Небо было въ облакахъ и на звѣзды пока разсчитывать, очевидно, не было никакой возможности. Когда дождь пересталъ, Имеретинскіи сказалъ Добровольскому, что необходимо какъ нибудь опредѣлить страны свѣта.

Вы думаете, Валентинъ Александровичъ, сказала Наташа, воспользоваться для этой цѣли компасомъ? По аналогіи съ Землей вѣдь нужно думать, что магнитная стрѣлка будетъ здѣсь вести себя такъ же, какъ и на Землѣ?

— Нѣтъ, видите ли, это не совсѣмъ такъ...

— Почему же?

Къ сожалѣнію, стрѣлка компаса указываетъ не точку сѣвера, а только то мѣсто, по направленію котораго находится магнитный полюсъ Земли. Въ довершеніе всего, этотъ полюсъ мѣняетъ свое мѣсто съ теченіемъ времени. Поэтому, для разныхъ мѣстно-

стей на Землѣ и въ разное время, отклоненіе ея различно. Въ настоящее время въ Россіи, во многихъ мѣстахъ, магнитная стрѣлка смотрить прямо на сѣверъ приблизительно на линіи, идущей отъ Рижскаго Залива къ Азовскому морю, но въ Польшѣ, нарим., или за Ураломъ, уклоненіе ея къ востоку или западу достигаетъ многихъ градусовъ. Въ Парижѣ въ 1910 г. отклоненіе ея къ востоку достигало 15° . Въ какомъ мѣстѣ сѣверный магнитный полюсъ находится на Венерѣ по отношенію къ географическому ея полюсу — намъ совершенно неизвѣстно.

— Какъ же мы выйдемъ изъ этого затрудненія?

— Мы съ Борисомъ Геннадіевичемъ предвидѣли это и потому запаслись особымъ жироскопическимъ компасомъ, на стрѣлку котораго не вліяетъ магнитный полюсъ планеты. Однако, чтобы можно было примѣнить къ дѣлу этотъ компасъ, необходимо одно, очень важное условіе, а именно, чтобы планета, на которой мы будемъ производить опредѣленіе, вращалась вокругъ оси, подобно Землѣ. Наблюденія Бориса Геннадіевича вполнѣ подтвердили мнѣніе тѣхъ астрономовъ, которые находили вращеніе Венеры вокругъ своей оси близкимъ къ земному. Но если бы оказался правъ Скіапарелли, жироскопической компасъ не даль бы намъ ничего.

— На какомъ принципѣ основано устройство жироскопического компаса и при чёмъ тутъ движеніе Венеры вокругъ оси? спросилъ Карль Карловичъ, также заинтересовавшись разговоромъ Имеретинскаго съ Наташой.

— Вращеніе Земли вліяетъ на всякое вращающееся

тъло такимъ образомъ, что ось этого тѣла постоянно стремится установиться параллельно оси вращенія Земли. Вращающійся волчокъ-жироскопъ такимъ образомъ постоянно будетъ стремиться указывать на Полярную звѣзду, т.-е. въ точности на съверъ. Если его ось вывести изъ этого положенія, то послѣ нѣсколькихъ колебаній въ ту или иную сторону, она вернется на прежнее положеніе. Маховики паровыхъ машинъ также стремятся встать въ такое положеніе, чтобы ихъ ось совпала съ меридіанальной плоскостью, но подшипники, конечно, препятствуютъ такому стремленію маховиковъ. Это свойство всякаго вращающагося тѣла обнаруживается, конечно, лишь при весьма большомъ числѣ оборотовъ и при возможномъ сведеніи на нѣть всякаго тренія. Сейчасъ вы увидите этотъ инструментъ

Имеретинскій открылъ ящикъ, въ которомъ бережно были уложены разнообразные инструменты, и досталъ оттуда жироскопической компасъ и нѣсколько буссолей. Компасъ этотъ имѣлъ маленький маховичокъ, который дѣлалъ до 200.000 оборотовъ въ минуту отъ электромотора. Онъ помѣщался въ коробкѣ, которая на особой оси, соединенной съ маховичкомъ, плавала на поплавкѣ въ сосудѣ съ ртутью. Такимъ образомъ въ этомъ компасѣ не стрѣлка вращалась въ приборѣ, а самъ приборъ вращался вокругъ оси маховичка, при чемъ дѣленія, нанесенные на верхней розеткѣ коробки, позволяли опредѣлять показаніе этого компаса.

Когда жироскопический компасъ установили и пу-

стили въ ходъ его электромоторъ, то скоро убѣдились въ его примѣнимости на Венерѣ. Опытъ повторили нѣсколо разъ въ разныхъ мѣстахъ. Ось компаса принимала довольно скоро надлежащее положеніе, такъ какъ путешественники спустились въ среднихъ широтахъ Венеры. Если бы они спустились гдѣ-нибудь у экватора планеты, то ось вслѣдствіе большой быстроты движенія поверхности планеты, въ этомъ мѣстѣ не такъ бы легко устанавливалась въ надлежащемъ положеніи, если же они попали бы прямо на полюсъ, то жирокопъ вовсе не даль бы никакихъ опредѣленныхъ указаний. Установивши, кроме жирокопического компаса, еще нѣсколько обыкновенныхъ буссолей, путешественники увидѣли, что съверный магнитный полюсъ Венеры находится всего въ нѣсколькихъ градусахъ къ западу отъ истинной точки съвера.

Послѣ этихъ опредѣленій Имеретинскій записалъ также показанія вѣсовъ Гольцева, которая подтверждала вычисленія земныхъ астрономовъ, что масса Венеры равняется 0,79 массы Земли. Но вѣсы Гольцева давали болѣе вѣрный результатъ, съ точностью до пятаго десятичнаго знака. Особенной разницы въ вѣсѣ, впрочемъ, наши путешественники не чувствовали. Правда, имъ было какъ-то особенно легко и свободно двигаться на поверхности Венеры, но во всякомъ случаѣ они находились въ болѣе нормальныхъ условіяхъ, чѣмъ герои Жюля-Верна на Лунѣ.

Путешественники хотя и знали, что въ съверномъ полушаріи, куда они спустились, въ настоящее время стоять конецъ осени или начало зимы, но не имѣли

вѣрнаго представлениѣ о наклонѣ оси Венеры. Правда, подлетая уже къ планетѣ, они убѣдились, что мнѣнія тѣхъ астрономовъ (напримѣръ Скіапарелли), которые полагали, что наклонъ оси Венеры достигаетъ 55° , были ошибочны. Даже на Землѣ у астрономовъ за послѣднее время этотъ взглядъ постепенно былъ оставленъ, и наклонъ оси Венеры считали близкимъ къ земному. Но чего-либо опредѣленнаго по этому поводу нельзѧ было еще сказать. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе продолжительности ночи, достигавшей 15 часовъ, показало нашимъ путникамъ, что допускаемая наклонъ оси на Венерѣ тожественнымъ съ земнымъ и принимая во вниманіе время года, надо было думать, что расчетъ ихъ оправдался, и они дѣйствительно спустились гдѣ-то въ 50 — 60° сѣверной широты планеты.

ГЛАВА XIII.

Флора Венеры.

Опредѣленіе странъ свѣта показало, что группа горъ, которая скучились на горизонтѣ, была расположена къ югу отъ того мѣста, гдѣ спустился „Побѣдитель Пространства“, долина же, надъ которой разстипался туманъ, лежала къ сѣверу и манила къ себѣ путешественниковъ, увѣренныхъ въ томъ, что именно въ этой сторонѣ надо искать флору и фауну Венеры.

Къ утру дождь совсѣмъ пересталъ; влажность

увеличилась еще больше, но въ воздухѣ было по-прежнему тепло, какъ на Землѣ лѣтомъ. Термометръ показывалъ почти 20° С. Зеркало „Побѣдителя Пространства“ было тщательно обтянуто брезентомъ и двери накрѣпко закрыты. Захвативши съ собою необходимые инструменты и послѣдніе запасы консервовъ, всѣ члены экспедиціи двинулись на развѣдки.

Вскорѣ „Побѣдитель Пространства“ скрылся за уступами скалъ. Нѣсколько километровъ путешественники прошли, не замѣтивъ существенныхъ перемѣнъ. Скалы, похожія на наши граниты и гнейсы, спускаясь уступами, дѣлали путешествіе очень легкимъ и не утомляли путниковъ. Вскорѣ стало замѣтно, что къ основнымъ горнымъ породамъ примѣшиваются мергели и, наконецъ, известняки. Въ расщелинѣ одной скалы Наташа замѣтила зеленѣвшій кустикъ и тотчасъ же сообщила о своемъ открытии Флигенфенгеру. Этотъ кустикъ оказался для Карла Карловича совершенно новымъ растеніемъ, но онъ, не сомнѣваясь, отнесъ его къ хвошамъ.

— Собственно говоря, сказалъ Имеретинскій, уже этихъ двухъ находокъ — стрекозы и хвоща, — достаточно, чтобы притти къ твердому заключенію о единствѣ жизни въ мірозданії. Сходныя съ земными условія порождаютъ и тожественную земной фауну и флору. Мы на другомъ мірѣ, но пока, въ сущности, почти этого не замѣчаемъ.

Хвошовые, а также и плауновые стали попадаться все чаще и чаще и вскорѣ путешественники почти не замѣтили, какъ оказались окружеными со всѣхъ

сторонъ щетинисто-зеленымъ ковромъ этихъ споровыхъ растеній.

— Однако, что за исторія, сказалъ глубокомысленно Карлъ Карловичъ, я насчиталъ уже до 20 видовъ споровыхъ, но еще ни одного явнобрачнаго!

— Погодите, Карлъ Карловичъ, вскричала Наташа, убѣжавшая нѣсколько впередъ. Я нашла кажется и явнобрачное. По крайней мѣрѣ вотъ какой-то кустикъ съ большими красными ягодами. Быть-можетъ, ихъ даже и есть можно?

Карлъ Карловичъ поспѣшилъ къ Наташѣ. Догадка ея подтвердилась только отчасти. Это было растеніе изъ хвойниковыхъ, очень похожее на нашу Кузьми-чеву траву (*Ephedra vulgaris*) или „степную малину“, какъ называютъ ее калмыки. Хвойниковые, какъ известно, являются переходной ступенью отъ тайнобрачныхъ (какими являются хвощи, плауны, папортники, т.-е. растенія, размножающіяся спорами безъ опыленія), къ явнобрачнымъ или цвѣтковымъ растеніямъ. Такъ какъ калмыки употребляютъ ягоды эфедры въ видѣ лакомства, то Карлъ Карловичъ, а за нимъ и Наташа не замедлили попробовать этотъ первый для нихъ даръ природы Венеры и нашли его очень вкуснымъ. Имеретинскій и Добровольскій поспѣшили послѣдовать ихъ примѣру и вскорѣ вся компания превратилась въ беззаботныхъ собирателей ягодъ.

— А какъ мы назовемъ это растеніе? обратилась Наташа къ Флигенфенгеру. Я думаю, что такъ какъ это первый даръ природы Венеры, то дадимъ ему имя этой же планеты—*Ephedra Veneris*.

Но Карлъ Карловичъ самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ запротестовалъ противъ этого и предложилъ запечатлѣть въ названіи растенія имя того, кто первый его открылъ, какъ это дѣлается иногда въ ботаникѣ, находя вполнѣ справедливымъ наименовать кустикъ—*Ephedra Natalis*.

Полакомившись ягодами, путешественники отправились дальше. Вскорѣ на горизонтѣ они ясно увидѣли группу деревьевъ и поспѣшили къ ней. Каково же было ихъ радостное изумленіе, когда они увидѣли, что это были хвойныя деревья, очень похожія на ель, сосну и пихту, а одно ихъ нихъ очень напоминало кедръ, имѣя въ своихъ шишкахъ орѣшки, вкусъ которыхъ оказался ни чѣмъ не хуже настоящихъ кедровыхъ! Находкой этого дерева вопросъ о пищѣ для нихъ былъ отчасти уже решенъ. Оставалось только потрудиться надъ добываніемъ орѣховъ, массивный запасъ которыхъ давалъ хотя и скучное питание, но все же избавилъ бы ихъ отъ голодной смерти.

— И все-таки удивительная исторія, продолжалъ изумляться благодушный Карлъ Карловичъ, нѣтъ ни одного настоящаго цвѣтковаго растенія! Неужели же ихъ вовсе нѣтъ на Венерѣ? Мой гербарій растеній Венеры обогатился уже болѣе, чѣмъ сотней видовъ, но тутъ все хвощи, плауны, хвойники и подобные имъ. Вѣдь этакъ, если дѣло и дальше пойдетъ такъ же, будетъ совсѣмъ похоже на каменноугольный періодъ въ исторіи Земли, когда и тамъ преобладали подобныя растенія.

— А въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ мысль Карла Карловича Имеретинскій. Почему бы и не быть этому? Вѣдь Венера гораздо моложе Земли съ точки зреенія

исторії розвитія сонечної системи. Она ще не остила настолько, какъ наша матушка-Земля. Вспомните полемику по вопросу, кудѣ летѣть лучше — на Марсъ или Венеру? Вѣдь многими приводились именно такого рода соображенія, которымъ, повидимому, и суждено сбыться. А если Венера моложе Земли, то очевидно и флора и фауна ея моложе нашихъ. Каменноугольный періодъ предшествовалъ на Землѣ современному багатству и разнообразію ея жизни. Въ такомъ случаѣ, мы не только не встрѣтимъ здѣсь человѣкоподобныхъ существъ, но даже и большихъ животныхъ, такъ какъ въ каменноугольный періодъ большими развитіемъ отличался, главнымъ образомъ, классъ насѣкомыхъ.

— Ну и великолѣпно! вскричалъ польщенный по-слѣднимъ замѣчаніемъ, Карль Карловичъ, намъ, слѣдовательно, не придется сражаться съ ихтиозаврами, мезозаврами, игуанодонтами, диплодонами и прочей нечистью.

— Только, знаешь что, Карль, сказалъ ему на это Добровольскій: и надоѣшь же ты намъ со своими банками и насѣкомыми!

— Неужели же ты отрицаешь значеніе энтомології? задорно возразилъ на это своему старому приятелю Флигенфенгеръ, и тутъ едва не произошла первая людская скора на Венерѣ, если бы не вмѣшалась во время Наташа, которой Карль Карловичъ безпрекословно повиновался.

Чѣмъ дальше шли наши путешественники, тѣмъ все привѣтливѣе и привѣтливѣе становился „негостепріимный“ ландшфтъ планеты. Группы хвойныхъ деревьевъ чередовались съ лужайками, покрытыми пол-

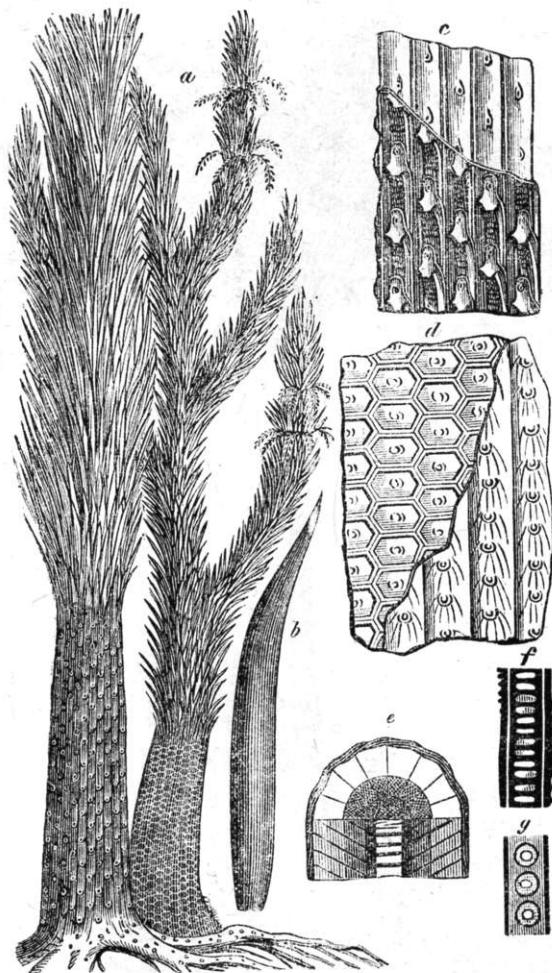
зучими плауновыми и хвойными кустарникомъ. Къ нимъ начали присоединяться не только травянистые папоротники, но и настоящіе древовидные. Догадка ученыхъ все болѣе и болѣе подтверждалась. Но сом нѣнія окончательно разсъялись, когда въ однѣй группѣ хвойныхъ и папоротниковыхъ, Добровольскій обнаружилъ на сыромъ мѣстѣ настоящихъ сигиллярій, именно такихъ, какія и теперь сохранились на Земль въ толщѣ Донецкихъ каменноугольныхъ отложений. Издали эти деревья имѣли довольно странный видъ: точно гигантскія метлы или ламповые щетки стояли они, обративъ свои игольчатыя верхушки къ небу, достигая высоты 20—25 метровъ.

— Почему, Борисъ Геннадіевичъ, этимъ деревьямъ дано такое странное название—сигилляріи? спросила Наташа.

— Посмотрите на ихъ кору. Видите — вся она имѣетъ видъ продольныхъ бороздокъ, раздѣленныхъ на шестигранныя ячейки. Каждая такая ячейка напоминаетъ своимъ замысловатымъ рисункомъ какъ бы отпечатавшуюся здѣсь печать, по-латыни *sigillum*, откуда и возникло и название самого дерева у нашихъ палеоботаниковъ. Эти ячейки являются слѣдами прикрѣпленія опавшихъ жесткихъ шиловидныхъ листвьевъ, прижатыхъ къ стволу и сохраняющихся только на самой макушкѣ. Кора сигиллярій очень тверда, но древесина ихъ слаба, и въ качествѣ строевого дерева они пожалуй никуда не годятся. А вѣдь нѣкоторыя деревья достигаютъ полутора метровъ въ діаметрѣ и болѣе двухъ обхватовъ въ окружности. Тѣшишки, что вы видите у насъ на верхушкахъ, явля-

Древовидный папоротникъ.

Сигиллярія.

ются плодами этихъ деревьевъ; они наполнены микроспорами и носятъ название стробилусовъ. Въ пищу онъ, вѣроятно, непригодны.

Добровольскій вдавался все въ большія и большія подробности, перечисляя разновидности и особенности сигиллярій.

— Однако, откуда же у васъ, Борисъ Геннадіевичъ, столько свѣдѣній изъ палеоботаники? Вѣдь вы же астрономъ? удивилась Наташа.

— О, да! вскричалъ восхищенный своимъ другомъ Флигенфенгеръ, когда Добровольскій заговорилъ на болѣе понятномъ ему, чѣмъ астрономія языкѣ, вѣдь Борисъ астрономъ по недоразумѣнію. Въ университетѣ онъ увлекался палеонтологіей и былъ настоящимъ палеоботаникомъ; онъ изъѣздилъ весь Донецкій каменноугольный бассейнъ и побывалъ чуть не въ каждой шахтѣ; было время, когда его даже звали на конгрессъ палеоботаниковъ, но потомъ онъ вдругъ, ни съ того ни сего, пристрастился къ астрономіи и забросилъ то, чему поклонялся раньше.

— Зато видите, какъ пріятно сдѣлать теперь такое открытие! Палеоботаникъ очень кстати въ нашемъ составѣ экспедиціи и пока, пожалуй, будетъ поважнѣе астронома, замѣтилъ Имеретинскій.

Короткій девятивасовой осенній день склонялся къ вечеру. Экспедиція развела костеръ изъ сухихъ хвойныхъ вѣтвей и расположилась вокругъ него на ночлегъ. Костеръ нуженъ былъ главнымъ образомъ для приготовленія пищи. Температура же и ночью не спускалась ниже $+15^{\circ}$ С. Разговоръ за костромъ тянулся далеко за полночь. Спорили и дѣлали предположенія

на основаніі впечатлѣній первого дня о поверхности Венеры, объ ея климатѣ и атмосферѣ. Пришли въ общемъ къ благопріятному заключенію.

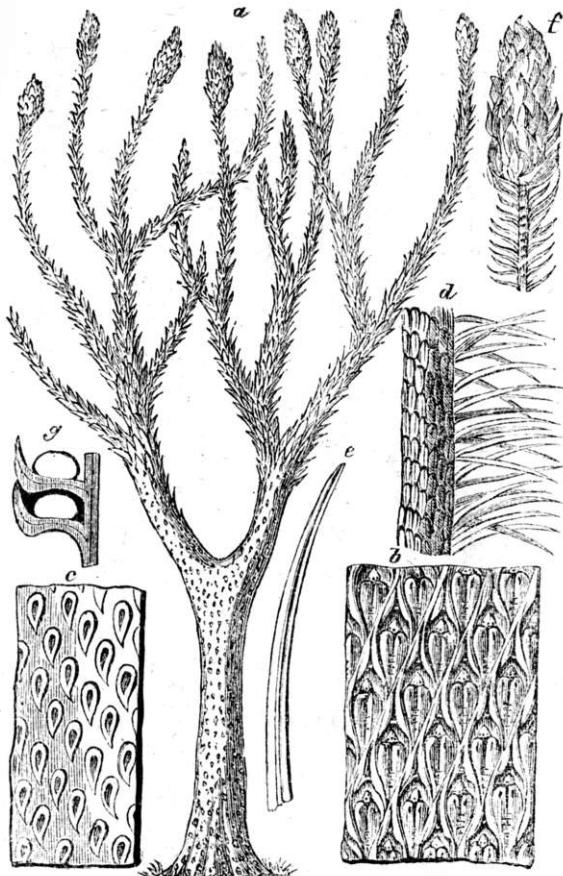
ГЛАВА XIV.

Незримая опасность.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, посвященныхъ ознакомленію съ природой Венеры, наши путешественники окончательно убѣдились въ большомъ сходствѣ растительности ея съ каменноугольной флорой Земли. Не было сомнѣнія, что они попали на планету въ то время, когда этотъ міръ переживалъ еще одну изъ раннихъ эпохъ своей жизни, являющейся глубокой стариною на земномъ шарѣ. Легко разбираясь въ геологическихъ отложеніяхъ Земли и возстановливая по остаткамъ картины давно прошедшаго, земные ученые никогда не отваживались думать, что настанетъ моментъ, когда при другихъ условіяхъ это отжившее воскреснетъ и станетъ настоящимъ. Имеретинскій, Наташа, Добровольскій и Флигенфенгеръ были первыми счастливцами, на долю которыхъ выпало не только изучать, но и переживать каменноугольную эпоху въ исторіи развитія солнечной системы.

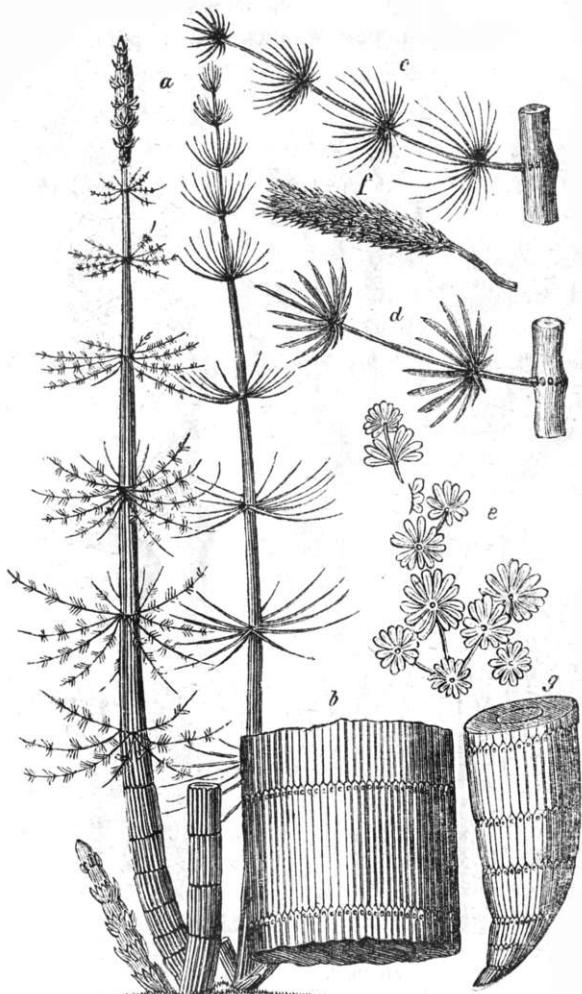
Вслѣдъ за сигилляріями наша экспедиція, какъ и слѣдовало ожидать, обнаружила лепидоденроны,—деревья, близкія по родству къ плауновымъ и достигающія до 30 метровъ высоты, а также многочисленные виды мощныхъ древовидныхъ папоротниковъ превышавшихъ величину общеизвестныхъ видовъ на Землѣ

чуть не въ четыре раза. Лѣса Венеры, состоящіе изъ этихъ деревьевъ, перемежались съ зарослями кала-

Лепидодендронъ.

митовъ, въ видѣ мощныхъ членистыхъ и полыхъ стебелей, покрытыхъ мутовками продольныхъ ребри-

Каламитъ,

стыхъ листьевъ. Эти растенія были увеличеннымъ подобіемъ земныхъ хвоцей, къ классу которыхъ они и относятся палеоботаниками. «Вѣроятно и у насъ на Землѣ наши хвоци ползающимъ наѣкомымъ кажутся такими же большими», подумала Наташа. Одинъ громадный кустъ каламита живо напомнилъ ей отпечатокъ растенія, который она видѣла въ музѣ Горнаго Института въ Петроградѣ.

Но особеннымъ торжествомъ для нашихъ путешественниковъ была находка саговой пальмы, обитавшей и въ каменноугольномъ періодѣ Земли. Эти растенія, носящія название цикадовыхъ деревьевъ, ближе изъ класса всѣхъ цветковыхъ относятся къ споровымъ. Сердцевина ихъ богата крахмаломъ и потому пригодна въ пищу. Изъ современной цикадовой пальмы добывается саго—продуктъ, хорошо известный всѣмъ нашимъ хозяйствамъ, впрочемъ не столько въ своемъ натуральномъ видѣ, сколько въ подражаніи, добываемомъ изъ крахмальныхъ зеренъ обыкновенного картофеля.

Первая же найденная цикадовая пальма была срублена, расколота вдоль, а богатый запасъ саго былъ собранъ и приготовленъ въ пищу. Для этого пришлось вынутую сердцевину дерева обильно промыть водою и потомъ протереть сквозь рѣшето, сооруженное изъ мочалистой древесины сигиллярій. Въ сыромъ видѣ саго для пищи не пригодно.

Чѣмъ чаще и разнообразнѣе становится лѣсъ, тѣмъ сырье и сырье дѣлалась подъ нимъ почва. Голые скалы встрѣчались все рѣже и рѣже и только расщелины въ склонахъ, образующія извилистыя и узкія

пещеры, кое-гдѣ еще попадались. Было ясно, что да-
лѣе спускаться внизъ было нельзя изъ-за сплошныхъ
болотъ, и потому путники подумывали уже возвра-

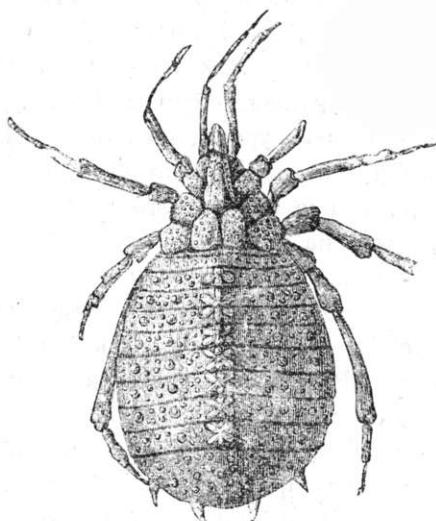
Саговая пальма.

титься къ оставленному ими „Побѣдителю Простран-
ства“. Но, увлеченный своими энтомологическими
изысканіями Карль Карловичъ Флигенфенгеръ готовъ
былъ итти все дальше и дальше, несмотря на обиліе
открытыхъ имъ новыхъ видовъ. Казалось, жаждѣ его

любознательности не предвидѣлось конца. Своеобразный міръ насѣкомыхъ и ихъ разнохарактерный видъ, особенно многоножекъ, прямокрылыхъ—стрекозъ, куз-нечиковъ и сверчковъ окружалъ нашихъ пугающими-никовъ, заинтересовывая ихъ своимъ разнообразіемъ. Особенно были обильны и прелестны стрекозы, которыхъ, какъ извѣстно, очень много найдено и на Землѣ въ каменноугольныхъ отложеніяхъ. Однажды всѣ были страшно перепуганы появленіемъ стрекозы, достигавшей величины нашей курицы, но потомъ такие крупные экземпляры стали попадаться чаще и чаще и кромѣ одного, весьма ревностнаго собирателя, Карла Карловича, никто на нихъ уже не обращалъ вниманія. Его банки буквально были набиты добычей; приходилось брать немногое, наиболѣе замѣчательное; съ крупныхъ же экземпляровъ дѣлались фотографические снимки и рисунки. Встрѣчались также скорпіоны и пауки, пострашнѣе нашихъ земныхъ, хотя и очень похожіе на нихъ; они наводили страхъ на экспедицію во время ночевокъ у костра. Принимались всѣ предосторожности, но все-таки однажды бѣдняга Карлъ Карловичъ едва не былъ ужаленъ весьма крупнымъ скорпіономъ, если бы во время не замѣтилъ непрошенного гостя другъ его, Добровольскій.

Послѣ одной изъ ночевокъ, боясь, что большинство наконецъ рѣшилъ вернуться обратно, Карлъ Карловичъ употребилъ маленькую хитрость и ушелъ впередъ незамѣтно для остальныхъ, засидѣвшихся за утреннимъ завтракомъ изъ саговыхъ лепешекъ на маслѣ кедровыхъ орѣховъ. Скоро однако уловка Флигенфенгера была открыта и всѣ волей-неволей потянулись

по разъ уже принятому направлению, подъ уклонъ. Но на этотъ разъ путники сразу почувствовали себя почему-то усталыми, разбитыми, всѣмъ отчего-то нездоровилось. Особенно худо чувствовала себя Наташа; однако она упорно скрывала это отъ мужчинъ, ста-

Паукообразное каменноугольного периода.

раясь не отставать и бодро итти впередъ. Вдругъ она сразу почувствовала, какъ въ глазахъ ея пошли зеленые круги, и то, знакомое ей состояніе, въ которомъ она оказалась разъ въ вагончикѣ „Побѣдителя Пространства“, казалось, вновь охватывало ее. Имеретинскій увидѣлъ внезапно измѣнившееся лицо Наташи и бросился ей на помощь. Въ то же время Добровольскій, случайно взглянувъ впередъ, увидѣлъ вдали фи-

гуро Карла Карловича, лежащую навзничъ на землѣ. Замѣтивъ впадающую въ обморокъ Наташу и мгновенно вспомнивъ ея обморокъ во время путешествія, Добровольскій понялъ, что происходитъ нѣчто ужасное — они лишаются притока воздуха и дышать почти одной углекислотой. Объ этомъ онъ сообщилъ Имеретинскому, чувствуя какъ въ глазахъ его тоже начинаетъ темнѣть и мелькаютъ зеленые круги.

. — Да, это такъ, творится что-то неладное, но только отчего же? Вѣдь тамъ это было понятно, а тутъ... Онъ не могъ договорить фразы.

Вдругъ счастливая мысль озарила Добровольскаго. „Назадъ, назадъ, наверхъ!“ хотѣлъ онъ крикнуть, но скрѣе простоналъ, склоняясь къ Имеретинскому. Послѣдній очевидно уже самъ сообразилъ, что они попали въ какую-то ложбину съ негоднымъ для дыханія газомъ и, схвативъ Наташу на руки, опрометью бросился назадъ, наверхъ, цѣпляясь за прутья каламитовъ и мелкой хвойной поросли. Добровольскій слѣдоваль за нимъ. Пробѣжалъ нѣкоторое разстояніе, всѣ упали на землю, обезсиленные и измученные. Но и этого, къ счастью, было достаточно, чтобы получить притокъ свѣжаго воздуха и очнуться. Предположенія обоихъ оправдались — ниже былъ газъ, негодный для дыханія. Поднявшись на ноги, Добровольскій почувствовалъ еще большее облегченіе и сообщилъ объ этомъ Имеретинскому. Было ясно, что слои удушливаго газа стелятся у самой поверхности почвы. Имеретинскій помогъ Наташѣ влѣзть на стоящее вблизи невысокое дерево, гдѣ она вскорѣ совершенно оправилась. Но бѣдный Карлъ Карловичъ! Онъ становился жертвой

своего увлеченія! Не замѣтивъ такъ скоро перемѣны состава воздуха, какъ его друзья, или вѣриѣ, не обративъ на это вниманія, онъ спускался со своимъ сачкомъ за насѣкомыми до тѣхъ поръ, пока не упалъ въ полномъ изнеможеніи...

Едва пришли въ себя спасшіеся отъ удушливаго газа, какъ надо было подумать и о спасеніи ихъ общаго любимца. Къ счастью, совершенно случайно въ корзинахъ съ вещами оказался одинъ респираторъ, тотъ самый, въ которомъ Имеретинскій чинилъ въ междупланетномъ пространствѣ порваннія цѣпи „Побѣдителя Пространства“. Его забыли положить къ другимъ респираторамъ и, благодаря этому, онъ сыгралъ большую роль въ спасеніи Флигенфенгера. Лихорадочно надѣвъ его на себя, Добровольскій вдохнулъ кислородъ, придавшій ему необходимую бодрость, бросился на помощь къ своему другу.

Прошло полчаса томительного ожиданія и наконецъ Добровольскій показался съ тяжелой ношей; вслѣдствіе большой тяжести Карла Карловича, бѣдному другу пришлось не столько нести, сколько тащить его по землѣ. Общими усилиями Карла Карловича вытащили на болѣе высокое мѣсто. Его слабый пульсъ еще чувствовался, но онъ не приходилъ въ себя. Пришлось прибѣгнуть къ искусственному дыханію, которое только и спасло ему жизнь. Но обмороchnы состоянія вскорѣ у нашихъ путешественниковъ снова возобновились, голова мучительно болѣла, и потому весь этотъ и слѣдующій день экспедиціяостояла на мѣстѣ; затѣмъ решено было, на этотъ разъ уже единогласно, возвратиться обратно къ „Побѣдителю Пространства“.

Карлъ Карловичъ, едва оправившись отъ случившагося съ нимъ несчастія, снова принялъ за стрекозъ и жуковъ. Повѣряя свои изслѣдованія и наблюденія, онъ старался не упускать ни малѣйшей подробности.

Имеретинскій, Добровольскій и Наташа пытались объяснить себѣ происхожденіе и составъ встрѣченного ими газа. Судя по всему, это была углекислота; за это говорили тождественные ощущенія, испытанныя Наташой при отравленіи ею въ вагончикѣ „Побѣдителя Пространства“. Газъ этотъ вслѣдствіе большой плотности, сравнительно съ воздухомъ, очевидно стлался у самой поверхности почвы и заполнялъ со бою низменную ложбину, въ которую попалъ Карлъ Карловичъ, а затѣмъ и остальные. Но такимъ именно свойствомъ обладаетъ только углекислота—безцвѣтный газъ, состоящій изъ углерода и кислорода (CO_2), который, какъ извѣстно, можно даже „переливать“ изъ одного сосуда въ другой, вслѣдствіе его плотности; въ нижнихъ слояхъ земной атмосферы онъ находится въ незначительномъ количествѣ, измѣряемомъ 0,04%. На Венерѣ же онъ, очевидно, мѣстами находился гораздо въ большемъ количествѣ, но къ счастью не вездѣ, иначе наши путешественники были бы обречены на вѣрную гибель.

— Собственно говоря, Валентинъ Александровичъ, мы должны были предвидѣть эту опасность уже съ того момента, когда окончательно пришли къ убѣждѣнію о тождествѣ флоры Венеры съ флорой каменноугольного периода Земли. Вспомните, вѣдь палеоботаника, чтобы объяснить мощное развитіе флоры камен-

ноугольного периода, допускала присутствие въ тогдышней земной атмосфераѣ большого процента углекислоты, необходимой растеніямъ. Я полагаю, что на болѣе низкихъ пространствахъ Венеры пелена углекислоты виситъ сплошнымъ покровомъ и проникнуть туда совершенно невозможно.

— Откуда же берется такое большое количество углекислоты? спросила Наташа.

— Производителями, обильными источниками углекислоты оказываются на Землѣ очень часто вулканы и вулканическія мѣстности, отвѣчалъ Имеретинскій. На экваторѣ есть мѣстность Тунгуравилла, расположенная близъ вулкана, гдѣ почва бываетъ часто усыпана мертвыми птицами, задохшимися пресмыкающимися, бабочками, вслѣдствіе большого процента углекислоты, выдѣляющейся въ этомъ мѣстѣ. Въ Пуццуоли близъ Неаполя существуетъ знаменитая «Собачья Пещера», которую осматриваютъ путешественники. Собака въ такой пещерѣ теряетъ сознаніе и можетъ умереть черезъ три минуты, человѣкъ же можетъ погибнуть черезъ 10 мин., если ляжетъ въ ней на полѣ. Но стоя, онъ совершенно не чувствуетъ ничего особенного въ то время, какъ собака у его ногъ бьется и задыхается; все это происходитъ отъ того, что дно пещеры покрываетъ слой углекислоты отъ 20 до 60 сантиметровъ толщиною. Греческія пиѳіи, садившіяся надъ разщелинами скалъ, одурялись именно этимъ газомъ и впадали въ бредовое состояніе, считавшееся прорицаніемъ будущаго.

— Да вѣдь пещеры и расщелины въ скалахъ встрѣ-

чались и намъ, сказала Наташа; помните Валентинъ Александровичъ, когда мы спускались внизъ?!

— Совершенно вѣрно. Надо думать поэтому, что вулканическая дѣятельность на Венерѣ вѣдь всякихъ сомнѣній и притомъ она болѣе интенсивна, чѣмъ у насъ на Землѣ.

ГЛАВА XV.

Миръ заключенъ.

„Долина Смерти“, какъ окрестили наши путешес-
твенники едва не погубившую ихъ мѣстность, остав-
алась уже далеко позади ихъ, путь былъ хорошо
знакомъ и если бы не подняtie вверхъ, они давно при-
шли бы къ покинутому ими „Побѣдителю Простран-
ства“. Но на полдорогѣ Имеретинскому пришла мысль
пройти еще немного въ сторону, къ западу. Любозна-
тельность ученаго все еще не была удовлетворена той
массой разнообразнѣйшихъ впечатлѣній, которыми по-
дарила ихъ природа Венеры за эти дни. Собственно
говоря, лѣса Венеры при всей ихъ оригинальности для
земнаго изслѣдователя, съ эстетической точки зрѣнія,
совсѣмъ не вызывали того чувства красоты, которое
пробуждаетъ у насъ на Землѣ чернолѣсье. Ихъ одно-
образіе и угрюмость скорѣе напоминали безотрадное
краснолѣсье съ высокими соснами и елями и почти
полнымъ отсутствіемъ травяного покрова. Правда, ве-
ликолѣпныя украшенія коры сигиллярій и лепидоден-
дроновъ возбуждали удивленіе, но лѣса, состоящіе изъ

этихъ гигантскихъ деревьевъ, представляли угрюмое и безотрадное зрѣлище. Прямые стволы сигиллярій, покрытые прижатыми наверху жесткими листьями, дѣйствительно скорѣе были похожи на ламповые щетки, чѣмъ на деревья въ нашемъ, земномъ смыслѣ этого слова. Пепидодендроны, хотя и имѣли мощныя развѣтленія наверху, широко разбрасывающія ихъ корону въ стороны, но зато вѣтви ихъ, покрытыя вмѣсто листьевъ маленькими чешуйчатыми придатками, подобно современнымъ плаунамъ, издали казались оголенными, какъ бы послѣ осенняго листопада, и нисколько не соотвѣтствовали ходячemu представлению о каменно-угольной флорѣ, какъ о роскошномъ, дѣвственномъ тропическомъ лѣсѣ. Въ довершеніе всего, эти лѣса не оглашались веселымъ щебетаніемъ и пѣніемъ птицъ, какъ у насъ на Землѣ. Бродя среди этихъ сказочныхъ деревьевъ, нельзя было замѣтить ни одной бабочки, не было пчель, мухъ и даже совсѣмъ почти отсутствовали жуки. Только безчисленныя стрекозы и денки рѣяли въ воздухѣ, да въ мелкой поросли хвощей и папоротниковъ прыгали и стрекотали кузнички, а по ночамъ устраивали свои унылые, однобразные концерты маленькие сверчки; по дупламъ сигиллярій и лепидодендроновъ цѣлыми кучами бродили черные тараканы, отыскивая себѣ пищу. Этотъ странный міръ прямокрылыхъ и сѣтчатокрылыхъ стоялъ въ прямой зависимости отъ своеобразной, безцвѣтковой флоры каменноугольного периода Венеры. Размноженіе растеній спорами происходитъ безъ цвѣтовъ; только у послѣднихъ вырабатывается лакомый нектаръ для бабочекъ, мухъ, пчелъ и многихъ жуковъ—источникъ ихъ

существованія, въ благодарность за который эти насѣкомыя разносятъ на своихъ тѣлахъ пыльцу съ цвѣтка на цвѣтокъ, производя опыленіе и оплодотвореніе цвѣтковыхъ растеній. Отсутствіе цвѣтовъ, такъ услаждающихъ наше эстетическое чувство на Землѣ, влекло за собой и отсутствіе цѣлаго рида насѣкомыхъ. Но Карль Карловичъ, несмотря на это, не унывалъ. Онъ уже успѣлъ специализироваться на стрекозахъ и кузнечикахъ, а полная классификація хотя бы только этихъ родовъ, обитающихъ въ лѣсахъ Венеры, потребовала бы не мало времени.

Когда путники направились къ западу, рельефъ мѣстности измѣнился, и они, то спускались въ долину, то поднимались; черезъ нѣсколько дней горы стали видны не только къ югу, но и къ сѣверу отъ нихъ. Лѣсь стала рѣдѣть. До сихъ поръ они встрѣчали только небольшіе ручейки и источники, изъ которыхъ утоляли жажду и запасались водой для своего хозяйства; большой рѣки имъ не попадалось. Направившись же въ другую сторону, они прошли мимо красивой излучины многоводной рѣки, берега которой были густо покрыты высокой порослью различныхъ хвощев. Желая улучшить свой невольно вегетаріанскій столъ, путники рѣшили попытать счастья въ рыбной ловлѣ и, расположившись на ночлегъ среди скалъ возвышенного берега рѣки, смастерили изъ крѣпкихъ растительныхъ волоконъ грубое подобіе рыболовной сѣти. Предъ наступленіемъ вечера сѣть была закинута въ воду. Рыбная ловля доставила всѣмъ большое удовольствіе. Въ ней не принималъ участія только Карль Карловичъ, по обыкновенію от-

правившійся въ горы охотиться на насѣкомыхъ. Уловъ оказался не особенно богатымъ, если не считать всевозможныхъ двустворчатокъ, напоминавшихъ нашихъ беззубокъ (*Anodonta*) и другихъ раковинокъ, которыхъ тутъ же бережно отложили для Карла Карловича. Вниманіе нашихъ рыболововъ привлекли также десятиногіе раки (*Decapoda*), очень напоминавшіе собою нашихъ обыкновенныхъ раковъ и омаровъ. Это, очевидно, были такіе же раки, какъ и находимые нашими палеонтологами въ каменноугольныхъ отложеніяхъ Сѣверной Америки и называемые ими Антракопалемонами (*Anthracopalaemon*). Императорскій полагалъ, что они пригодны и для пищи, въ чёмъ наши путешественники убѣдились въ тотъ же вечеръ. Изъ рыбъ же попалось лишь нѣсколько экземпляровъ какого-то своеобразнаго вида, у которыхъ голова незамѣтно перехѣдila въ туловище, покрытое плотными чешуйками, и также постепенно превращавшееся въ хвостъ. Это были какія-то неуклюжія рыбы, безъ обычной округлости формъ, какая присуща лишь земнымъ ихъ собратіямъ. Издали онъ скорѣе походили на серебряные прямые пластинки. Жарить ихъ на ужинъ не рѣшились безъ совѣщанія съ Карломъ Карловичемъ и оставили на лужайкѣ, возлѣ мѣста своей остановки, подъ развесистымъ папоротникомъ.

Вечеромъ всѣ собравшіеся у костра дѣлились открытиями этого дня. Карлъ Карловичъ присутствовалъ тутъ же, но былъ очень не въ духѣ, такъ какъ его экскурсія въ горы не дала почти ничего нового.

— Карлъ Карловичъ, вы много потеряли, не оставшись съ нами, обратилась къ нему Наташа. Вѣдь мы затѣяли рыбную ловлю и не безрезультатно. Прежде всего—вотъ эти вкусные раки.

— Да, они ни чѣмъ не хуже нашихъ омаровъ, согласился Флигенфенгеръ. Въ каменноугольный періодъ на Землѣ они также водились во множествѣ.

— А вотъ это специально для васъ, продолжала Наташа, подавая ему коробку отъ консервовъ, наполненную всевозможнѣйшими раковинками.

— Посмотрите-ка, Карлъ Карловичъ! Глаза Флигенфенгера разгорѣлись, досада на неудачу въ теченіе дня тотчасъ же пропала, и онъ сейчасъ же принялъ ихъ систематизировать.

— Карлъ Карловичъ, погодите! Успѣете еще съ этимъ-то. Вотъ, пойдете-ка лучше, я вамъ покажу Венериныхъ рыбъ. Ахъ, если бы вы знали, какія это странныя рыбы! Совсѣмъ не похожи на нашихъ земныхъ: какія-то прямые пластинки, въ родѣ древнерусскихъ серебряныхъ гравенъ, которыхъ я когда-то видѣла въ музѣ.

Карлъ Карловичъ отправился съ Наташой къ мѣсту, гдѣ ихъ оставили, съ электрическимъ фонарикомъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда рыбъ не только на мѣстѣ, но даже и поблизости не оказалось: онъ куда-то безслѣдно исчезли, хотя никто къ нимъ не подходилъ! Карлъ Карловичъ даже обидѣлся на Наташу, подумавъ, что она просто-на-просто шутитъ надъ нимъ. И только искреннее недоумѣніе дѣвушки передъ случившимся непонятнымъ исчезнovenіемъ

рыбъ, заставило его повѣрить, что это не было шуткой. Загадка осталась неразгаданной до слѣдующаго утра.

При наступлениі ночи Добровольскій обратилъ вниманіе на то, что облачность, все время покрывавшая небо, на западномъ горизонтѣ, кажется не столь плотной, какъ въ остальныхъ частяхъ неба. Это вызвало большую радость у нашихъ путниковъ, такъ какъ это явленіе предвѣщало ясное небо на Венерѣ, которое до сихъ поръ не было видно. Имеретинскій сдѣлалъ другое интересное наблюденіе: одна изъ отдаленнѣйшихъ горъ, по направленію къ сѣверо-западу, оказалась ярко освѣщенной на своей верхушкѣ. Не оставалось сомнѣній въ томъ, что это дѣйствующій вулканъ, о чемъ, впрочемъ, можно было уже догадаться послѣ несчастнаго случая въ „Долинѣ Смерти“.

Въ этотъ вечеръ почему-то всѣ вспомнили о покинутой ими Землѣ, стали дѣлиться послѣдними впечатлѣніями, вынесеннымыи оттуда, долго говорили о Петроградѣ, который весь сейчасъ окутанъ сырыми туманами, вспомнили о вѣчно погруженныхъ въ свои повседневныя заботы, дѣловыхъ петроградцахъ, которые давно уже, вѣроятно, забыли о попавшихъ на Венеру, считая ихъ погибшими. Наташѣ стало очень грустно: она вспомнила отца и брата, родныхъ и близкихъ... Имеретинскій также живо представилъ себѣ образъ Аракчеева и предложилъ замѣченный имъ вулканъ назвать въ честь предсѣдателя клуба „Наука и Прогрессъ“. Всѣ одобрили предложеніе и вулканъ былъ окрещенъ именемъ Аракчеева.

Утромъ слѣдующаго дня Наташа и Карлъ Карло-

вичъ опять не могли разыскать загадочныхъ рыбъ. Рѣшено было сновь закинуть сѣть и выловить ихъ для опредѣленія; дѣйствительно, среди пойманныхъ разныхъ рыбокъ оказалось и нѣсколько подобныхъ вчерашнимъ. При одномъ взгляде на нихъ, Карлъ Карловичъ убѣдился, что это былъ родъ рыбъ, очень похожій на существующій и понынѣ, земного цератодуса, открытаго впервые въ 1870 г. въ Австраліи (*Ceratodus Forsteri*). Цератодусъ—двойкодышащая рыба. Кромѣ жаберъ ея плавательный пузырь замѣняетъ легкое при дыханіи въѣ воды атмосфернымъ воздухомъ. Карлъ Карловичъ сообщилъ, что на Землѣ цератодусы обитаютъ въ такихъ рѣчныхъ бассейнахъ, которые въ жаркое время года пересыхаютъ, и тогда эти рыбы дышать однимъ легкимъ, спасающимъ ихъ отъ смерти. Это приспособленіе выработалось еще у ихъ предковъ, жившихъ въ каменноугольный періодъ и обитавшихъ, несомнѣнно, въ прѣсноводныхъ бассейнахъ. Оставаясь часто безъ воды, эти рыбы пріобрѣли способность передвигаться съ мѣста на мѣсто, благодаря упругости своего тѣла. Вотъ этимъ-то и объяснялось ихъ таинственное исчезновеніе изъ-подъ папоротника; по-просту говоря, онѣ „ушли“ туда гдѣ чувствуютъ себя, во всякомъ случаѣ, привольнѣе чѣмъ на сушѣ.

— Такимъ образомъ, замѣтилъ Добровольскій, надо думать, что въ лѣтнее время температура на Венерѣ столь высока, что даже такой водный бассейнъ, какъ этотъ, подверженъ значительному высыханію, разъ въ немъ мы обнаружили цератодусовъ.

— Да, поэтому мы и должны благодарить судьбу

что попали на Венеру осенью, иначе намъ было бы, пожалуй, очень жарко, сказалъ Имеретинскій. Я даже не знаю—способны ли мы были вынести здѣшнюю лѣтнюю температуру, если, какъ показываютъ наблюденія, средняя температура зимы, по крайней мѣрѣ, той области на Венерѣ, на которую мы спустились, гораздо выше средней температуры лѣта Европы.

Однажды наши путешественники были озадачены однимъ, очень страннымъ наблюденіемъ, сдѣланнымъ Наташой. Разсматривая далекія окрестности въ бинокль, она вдругъ ясно на склонѣ одного холма замѣтила маленькую фигурку, по движеніямъ сильно походившую на отдаленного пѣшехода, взирающагося на гору. Когда Наташа передала бинокль Имеретинскому, сказавши о томъ, что она видитъ,—было уже поздно, такъ какъ фигурка исчезла за склономъ холма и болѣе не появлялась.

— Что же это такое? Вѣдь невозможно же допустить существованіе здѣсь человѣкоподныхъ существъ при той фазѣ развитія животнаго міра, какую мы констатировали на планетѣ! говорилъ Имеретинскій.

— Остается одно изъ двухъ, Валентинъ Александровичъ: или это кто-либо изъ состава экспедиціі «Patriae», удачно спустившейся на поверхность Венеры, или же это какое-нибудь животное, издали показавшееся похожимъ на человѣка.

Но Наташа энергично запротестовала противъ послѣдняго предположенія: она увѣряла, что ясно видѣла пѣшехода, поднимавшагося въ гору.

Черезъ два дня догадка ея оправдалась. Выдя на склонъ того самого холма, который былъ виденъ

издали, наши путешественники замѣтили на лужайкѣ, около скалистой пещеры, выходившей въ нее со стороны холма, двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ на срубленныхъ деревьяхъ и углубившихся въ какое-то занятіе. Надъ пещерой развѣвался національный флагъ «Со-сѣдней Страны». Замѣтивъ нашихъ путниковъ, они встали и, сначала простоявъ нѣсколько мгновеній въ полномъ изумленіи, быстро направились къ нимъ. Очевидно, они сообразили, какихъ гостей посыаетъ имъ судьба! Будучи не въ силахъ сдерживаться отъ нахлынувшаго на нихъ чувства радости и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая свою вину передъ появившимися, эти два, совершенно незнакомыхъ экспедиції Имеретинскаго человѣка, разразились рыданіями и долго не могли проговорить ни одного слова. Картина была тяжелая, потрясающая! Наташа, сама вся въ слезахъ, бросилась къ нимъ первая и начала ихъ успокаивать.

Когда первыя минуты всеобщаго замѣшательства прошли, Имеретинскій, подавляя чувство непріязни, стараясь быть возможно хладнокровнѣе, въ короткихъ словахъ объяснилъ имъ, какъ, благодаря только случайности—взрыву на Юпитерѣ, они спаслись и попали все-таки на Венеру, вопреки желанію противниковъ.

Одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ Штейнъ, слывшій знаменитымъ геологомъ въ «Со-сѣдней Странѣ», прия въ себя, началъ говорить. Увѣряя Имеретинскаго, что онъ и его спутникъ совершенно не пытаютъ къ нимъ вражескихъ чувствъ, онъ въ краткихъ выраженіяхъ объяснилъ, какъ они согласились летѣть на Венеру, какъ имъ непріятенъ былъ мили-

тадистической оттѣнокъ, который нѣкоторые вліятельные организаторы экспедиціи старались ей придать...

Его спутникъ, молодой біологъ, Блауменбергъ, заключиль объясненія своего товарища слѣдующимъ искреннимъ заявленіемъ:

— Я никогда во всю свою жизнь не прошу себѣ, что согласился на такія позорныя условія въ этой экспедиціи!..

— Да, господа, сказалъ Добровольскій, не дѣло ученыхъ вносить духъ войны въ святую область науки, не знающей никакихъ политическихъ и международныхъ перегородокъ. Наука космополитична и интернациональна по своему существу.

— Но я не сказалъ вамъ ничего о третьемъ участнику экспедиціи, замѣтилъ Штейнъ. Онъ погибъ при паденіи, *Patræs* на Венеру. Аппаратъ сильно пострадалъ и мы едва остались въ живыхъ.

— А кто же этотъ третій участникъ? спросила Наташа.

— Густавъ Ивановичъ Штернцеллеръ...

Наташа и Добровольскій были поражены. Штернцеллеръ — членъ клуба «Наука и Прогрессъ», игравшій видную роль въ кампаніи по поводу снаряженія Русской небесной экспедиціи, — вдругъ оказывался въ станѣ враговъ!

— Теперь для меня все ясно, сказалъ Имеретинскій. Очевидно, Штернцеллеръ былъ главой вашей экспедиціи и ея главнымъ вдохновителемъ и организаторомъ?

— Да, это такъ, отвѣчалъ Штейнъ. Но не бу-

демъ судить уже мертваго. Вотъ тамъ—онъ указалъ рукой,— вы видите его могилу...

Вдали, подъ деревомъ саговой пальмы, виднѣлся крестъ, связанный изъ двухъ стволовъ лепидондендрона, и какъ-то странно было видѣть эту первую человѣческую могилу на Венерѣ.. А на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, на скалистыхъ уступахъ холма лежали изуродованные остатки „*Patrigia*“. Зеркало было сплющено въ безформенную массу, одинъ уголъ аппарата глубоко вошелъ въ скалы, другой былъ измятъ и оплавленъ отъ теплоты, развившейся при паденіи.

Спутники Штернцеллера, оставшись безъ аппарата, были обречены на пожизненное пребываніе на планетѣ, такъ какъ возвратиться имъ не было никакой возможности. Какъ обреченные, они долго не могли взяться ни за какое дѣло. Постепенно, однако, они свыкались со своимъ положеніемъ; въ поискахъ пищи они незамѣтно втянулись въ научныя занятія, каждый по своей специальности. Штейнъ изслѣдоваль горы, Блауменбергъ изучалъ флору и фауну планеты. За научными занятіями время пошло незамѣтно. Ихъ удручила только мысль, что всѣ работы, сдѣланныя ими, были напрасны, такъ какъ должны были навсегда остаться неизвѣстными земнымъ ученымъ и ни одинъ изъ ихъ соотечественниковъ не узналъ бы, что пionерами по непосредственному изслѣдованію Венеры были ученые ихъ могущественной Страны! Всѣ будутъ ихъ считать погибшими при паденіи на Венеру. Мало того, если экспедиція Имеретинскаго какимъ-нибудь чудомъ возвратится на Землю, ея участники, конечно,

раскроютъ тайну, подъ покровомъ которой „Patria“ улетѣла съ Земли. И подозрѣніе, конечно, падетъ на «Сосѣднюю Страну», въ особенности, когда станетъ замѣтно безвѣстное отсутствіе Штернцеллера. Можно себѣ поэтому представить, какъ велико было изумленіе и радость отчаявшихся злополучныхъ ученыхъ, когда они увидѣли „враговъ“, къ которымъ въ сущности они не питали никакой непріязни.

Когда все выяснилось, натянутость въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ сразу исчезла. Всѣ заговорили дружественно о вопросахъ, одинаково волновавшихъ ту и другую сторону и относившихся, конечно, всецѣло къ Венерѣ. Оказалось, что Штейнъ и Блауменбергъ, въ общемъ, также пришли къ заключенію о переживающимъ планетой каменноугольномъ періодѣ и сдѣлали не мало открытій въ области геологии и біологии, при чемъ Штейнъ могъ гордиться тѣмъ, что онъ первый выяснилъ общее стратиграфическое и орографическое строеніе Венеры. Въ составѣ экспедиціи Имеретинскаго на эту сторону обращали меныше вниманія. Блауменбергъ, однако, былъ въ худшемъ положеніи, такъ какъ оказалось, что Карль Карловичъ успѣлъ сдѣлать гораздо больше него. Но это отчасти объяснялось тѣмъ, что Блауменбергъ изъ всѣхъ отраслей біологии болѣе интересовался растительнымъ, чѣмъ животнымъ міромъ. Но и въ этомъ отношеніи, оказалось, Добровольскій сдѣлалъ важныя открытія, которые какъ-то ускользнули отъ Блауменберга, собравшаго, впрочемъ много материала, который Добровольскимъ не былъ замѣченъ. Что же касается астрономіи, то она была недоступна для экспедиціи Имере-

тинского, по причинѣ вѣчно облачнаго неба. Зато ученые „Сосѣдней Страны“ могли нѣсколько разъ любоваться звѣзднымъ небомъ Венеры, такъ какъ у нихъ небо, хотя и изрѣдка, но все же прояснялось. На бѣду никто изъ нихъ ничего не понималъ въ этой наукѣ и они не умѣли различать даже созвѣздій. Во всемъ этомъ они попожились было на Штернцеллера, который еще дорогей производилъ изъ окна „Patria“ очень важныя наблюденія, но вѣдь онъ такъ трагически погибъ при спускѣ на планету!..

Итакъ незамѣтно, почти само собою какъ-то вышло, что «враждующія стороны» заключили миръ и, надо сознаться, послѣдній былъ заключенъ на очень почетныхъ условіяхъ для побѣжденныхъ судьбой представителей Сосѣдней Страны: они были приняты въ составъ Русской Экспедиціи на правахъ самоятельныхъ изслѣдователей, сохранявшихъ всю полноту инициативы и свободы въ ихъ научныхъ изысканіяхъ.

ГЛАВА XVI.

Небо Венеры.

Прошло нѣсколько дней. Однажды съ самого утра стало замѣтно, что западный небосклонъ нѣсколько просвѣтлѣлъ. Штейнъ обратилъ на это вниманіе Добровольского и сказалъ, что всякий разъ передъ наступленіемъ ясной и солнечной погоды облачный покровъ начиналъ исчезать съ этой именно стороны,

при чёмъ небо никогда не прояснялось все. Облачный покровъ продолжаль висѣть на востокѣ. Изъ этого нужно было сдѣлать выводъ, что область совершенно яснаго неба лежить гдѣ-то западнѣе отъ этого мѣста. Въ движениіи облаковъ Венеры вообще и раньше Имеретинскій замѣтилъ что-то особенное, не наблюдающееся у насъ на Землѣ: облака почти не двигались, а если и двигались, то направленіе ихъ движенія мѣнялось изъ одной стороны въ другую и казалось, что все тѣ же самыя облачныя массы, въ теченіе цѣлаго ряда дней, держатся надъ одной и той же мѣстностью: онъ никуда не уходять и къ нимъ не приходятъ на смѣну другія. Это постоянство облачности было въ высшей степени характернымъ явленіемъ для Венеры.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней просвѣтленіе западнаго небосклона колебалось, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Наташа, Имеретинскій и Добровольскій буквально не сводили глазъ съ этого мѣста неба. Они были похожи въ это время на тѣхъ астрономовъ, которые съ тревогой въ сердцѣ слѣдятъ за облачностью передъ началомъ полнаго солнечнаго затменія. На этотъ разъ наши друзья просто-на-просто ждали момента взглянуть на звѣздное небо Венеры. Но и созерцаніе только звѣзднаго неба съ поверхности со-сѣдней планеты обѣщало зрѣлище по важности и занимательности своей, пожалуй, не меньшее, чѣмъ полное солнечное затменіе, вызывающее всегда лихорадочные приготовленія у земныхъ астрономовъ. Кроме того, имъ хотѣлось увидѣть, какимъ выглядитъ Солнце отсюда. Штейнъ и Блауменбергъ увѣряли, что оно

кажется только немногимъ больше, чѣмъ съ Земли, но печетъ настолько сильно, что они вынуждены были проводить дни въ пещерѣ изъ-за жары.

Черезъ день, къ вечеру, слой уменьшился настолько, что проглянуло синее-синее небо Венеры, какимъ оно видно на Землѣ только подъ тропиками. Всѣ повеселѣли, а Добровольскій началъ приводить въ порядокъ одинъ изъ складныхъ телескоповъ, захваченныхыхъ ими въ дорогу. Телескопъ Штернцеллера настолько пострадалъ, что уже не былъ годенъ къ употребленію: объективъ разбился и труба измялась при паденіи. Всѣ принимали участіе въ приготовленіяхъ къ наблюденіямъ и только Карлъ Карловичъ не обращалъ ровно никакого вниманія на это и продолжалъ возиться со своими насѣкомыми. Въ глубинѣ души онъ думалъ, что міръ насѣкомыхъ гораздо интереснѣе и ближе далекихъ звѣздъ, но Добровольскому объ этомъ, однако, ничего не сказалъ. .

Передъ своимъ заходомъ, Солнце выглянуло изъ-за облаковъ въ видѣ громаднаго шара, вдвое большаго, по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно кажется при заходѣ на Землѣ. Оно не бросало уже лучей и свѣтило мѣдно-краснымъ цвѣтомъ. На поверхности его простымъ глазомъ можно было видѣть большія пятна. Этотъ годъ былъ временемъ максимума солнечныхъ пятенъ, обычно достигающихъ большого развитія на Солнцѣ. Но Земля находится въ среднемъ разстояніи отъ него 149 миллионовъ килом., Венера же вращается на значительно болѣе близкомъ разстояніи 100 миллион. кил. Это и позволяло нашимъ путешественникамъ отчетливѣе видѣть солнечную поверхность. Въ телескопъ

были великолѣпно видны всѣ детали строенія пятенъ, солнечные факелы и грануляціи его поверхности.

Опредѣливъ азимутальный уголъ точки захода Солнца въ этотъ день, Добровольскій, однако, не могъ пока использовать этого наблюденія для точнаго определенія своего мѣстоположенія на планетѣ, такъ какъ имъ совершенно ничего не было известно о наклонѣ оси Венеры. Наблюденія же земныхъ астрономовъ на этотъ счетъ сильно расходились. Наблюдать хотя бы кусочекъ звѣздного неба въ эту ночь также не удалось. Весь сегментъ неба у горизонта, не покрытый облаками, долго былъ залитъ алымъ свѣтомъ вечерней зари, причудливо освѣщавшей верхушки сигиллярій и папоротниковъ ближайшаго лѣса. Заря, несмотря на зимнее время года, горѣла очень долго.

На слѣдующій день небо стало проясняться быстрѣе и къ вечеру очистилось почти все отъ облаковъ, за исключениемъ небольшого участка на западѣ, какъ разъ тамъ, где говорилъ Штейнъ. Вечерняя заря на этотъ разъ почти всю ночь окрашивала своимъ розовымъ сіяніемъ отдаленные верхушки остроконечныхъ горъ. Наступившіе сумерки не давали полной темноты ночи. Была настоящая петроградская бѣлая ночь, но только въ январѣ и на Венерѣ!

Къ большому разочарованію нашихъ путешественниковъ, звѣздное небо Венеры не дало той величественной картины, которая рисовалась въ ихъ воображеніи. Сумерки не позволяли долго видѣть многихъ звѣздъ, только когда достаточно стемнѣло, въ сумракѣ небесъ стали выдѣляться звѣзды 1 и 2 величины. Зоркое зрѣніе Наташи различало вдали отъ сумереч-

Земля, видимая съ Венеры.
Марсъ, который въ данное время въ противостояніи

наго сегмента даже звѣзды
3 величины. На востокѣ вы-
соко стояли знакомыя семь
звѣздъ Большой Медвѣдицы,
а на юго-западѣ низко надъ
горизонтомъ видѣлись Три
волхва созвѣздія Ориона, а
его Ригель уже былъ подъ
горизонтомъ. Надъ Ориономъ
бросались въ глаза три яр-
кихъ звѣзды, изъ которыхъ
двѣ, послабѣе, краснаго цвѣ-
та и одна необычайно яркая
нѣжно-голубого. Всѣ онъ
составляли правильный тре-
гольникъ.

— Господа, сказалъ Доб-
ровольскій, указывая на го-
лубую звѣзду, вотъ наша
родная Земля!

Всѣ устремили взоры на
далекую яркую планету, лив-
шую съ высоты голубой свѣтъ
и въ мысляхъ каждого закру-
жился рой воспоминаній,
связанныхъ съ ихъ родинои.

— Даѣ красныя звѣзды
около Земли—одна, менѣе
яркая, Альдебаранъ въ соз-
вѣздіи Тельца, другая —

относительно Венеры. Земля была въ противостояніи немнога раньше. Теперь, какъ видите, она уже значительно западнѣе меридіана. Дискъ Земли виденъ съ Венеры подъ угломъ въ 65°, а вотъ, смотрите, рядомъ съ Землей слабая желтенькая звѣздочка—это ея спутникъ, та самая Луна, которую воспѣли наши поэты и которая дала нашимъ астрономамъ самую подробнѣйшую изъ небесныхъ географій. Она видна отсюда подъ угломъ 18°, какъ слабая звѣздочка 3-й величины.

Когда на Землю навели телескопъ, то она обрисовалась въ немъ въ видѣ круглого диска, залитаго нѣжнымъ голубымъ свѣтомъ съ причудливыми зелеными и сѣрыми пятнами и шапкою снѣговъ у сѣвернаго полюса.

— Зеленые пятна, продолжалъ Добровольскій, это, очевидно, какіе-нибудь материки—вѣроятно тропической области земли; сѣрыя пятна—мѣста, окутанныя облачностью; снѣга, преобладающіе въ сѣверномъ полушаріи, указываютъ на зиму, царящую теперь въ Петроградѣ.

Наташѣ живо вспомнился при этомъ уютный кабинетъ отца, въ которомъ онъ сидитъ, углубленный въ чтеніе послѣдней книжки ежемѣсячнаго астрономическаго журнала; промелькнулъ образъ Сережи, снѣгъ за окномъ, лунная ночь, скрипъ полозьевъ саней, костры на перекресткахъ улицъ, морозный воздухъ, огни подъѣзда Маріинскаго театра... Ей вдругъ стало грустно и страшно захотѣлось, хоть на единую минутку, уйти изъ этого чужого міра, съ какими-то уродливыми растеніями, вѣчной безотрадной облач-

ностю или раздражающимъ сумракомъ ночей. Мысли вдругъ приняли другой оборотъ.. Ей вспомнились бѣлые ночи Петрограда, алая заря за силуэтомъ Петропавловской крѣпости, сумрачный отблескъ гранита набережной Невы, ея глубокія синія воды, даже почувствовался холодный, стеклянный перезвонъ крѣпостныхъ курантовъ, пронзительный свистокъ парохода, рожки автомобилей, Елагинъ островъ, Стрѣлка, трели соловья и букетъ розъ, который когда-то поднесъ ей Имеретинскій, катаясь на Стрѣлкѣ. Ахъ, эти розы! Какъ приятно было вдыхать ихъ ароматъ! Не то, что въ этомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ии единаго цвѣточка, не слышно щебетанія птички!..

Наташа такъ замечталась, что не замѣтила, какъ мужчины перешли уже отъ Земли къ другимъ свѣтиламъ. Она увидѣла, что Добровольскій досталъ углommрный приборъ и опредѣляетъ высоту надъ горизонтомъ какой-то звѣзды. Имеретинскій подошелъ къ ней и участливо освѣдомился о ея самочувствіи.

Наташа, сожалѣ, не хотѣла выдавать себя и старалась казаться веселой.

Добровольскій опредѣлялъ высоту полюса надъ горизонтомъ, чтобы узнать географическую широту того мѣста Венеры, на которомъ судьба свела ихъ съ участниками экспедиціи Штернцеллера. Наблюдая перемѣщеніе звѣздъ около полюса, онъ замѣтилъ, что полярной звѣздой здѣсь оказывается, не наша, земная—альфа Малой Медвѣдицы, а красивая и яркая Вега. Уже бѣглого взгляда на съверъ достаточно было, чтобы опредѣлить приблизительное ихъ мѣстоположеніе въ съверномъ полушаріи Венеры. Вега блес-

тѣла на полувысотѣ надъ горизонтомъ, слѣдовательно они должны были находиться на какой-нибудь средней параллели между полюсомъ и экваторомъ планеты, такъ какъ известно, что географическая широта данного мѣста равна высотѣ полюса надъ горизонтомъ. Точное измѣреніе высоты полюса дало $52^{\circ}9'$, слѣдовательно, они находились на 52° параллели Венеры. Сама Вега не была въ точности полярной звѣздой и отстояла отъ полюса на нѣсколько градусовъ, потому-то Добровольскій не сразу могъ найти точку полюса; ему нужно было сначала опредѣлить высоту Веги во время нижней ея кульминації, т.-е. прохожденія черезъ меридіанъ А, потомъ верхней кульминаціи В и только послѣ этого, раздѣливши разницу между этими двумя опредѣленіями пополамъ и придавши половину къ высотѣ звѣзды при нижней кульминації, можно было найти высоту полюса и, слѣдовательно географическую широту S, по формулѣ:

$$S = A + \frac{B - A}{2}$$

— Почему же однако полярная звѣзда здѣсь иная, чѣмъ на Землѣ, спросилъ Флигенфенгеръ Добровольскаго. Вѣдь мы все время допускали, что наклонъ оси Венеры приблизительно тотъ же, что у Земли. Стало-быть мы ошиблись?

— Нѣть, Карль, это еще не опровергаетъ нашего предположенія и вотъ почему. Для Земли полюсъ эклиптики находится въ самой серединѣ Дракона, близъ звѣзды δ этого созвѣздія, и полюсъ неба, отстоящій отъ полюса эклиптики на $23\frac{1}{2}^{\circ}$, находится

близъ альфы Малой Медвѣдицы. Вслѣдствіе предваренія равноденствій, т.-е. волчкообразнаго колебанія земной оси, полюсъ неба въ теченіе 25.765 лѣтъ передвигается, описывая кругъ около полюса эклиптики съ радиусомъ въ $23\frac{1}{2}^{\circ}$, и полярными поочередно бывають звѣзды Малой Медвѣдицы, Цефея, Лиры и Дракона. Вега принадлежитъ къ созвѣздію Лиры и потому и у насъ на Землѣ 14.000 лѣтъ тому назадъ она была полночной звѣздой и ею же будетъ черезъ 12.000 лѣтъ. А такъ какъ сейчасъ мы видимъ въ качествѣ полночной звѣзды Венеры все ту же Вегу, то отсюда слѣдуетъ прямой выводъ, что и ось Венеры имѣеть тотъ же наклонъ, что и у Земли, но только не въ ту сторону, въ которую она наклонена сейчасъ у Земли, а совершенно въ противоположномъ направленіи. Если мы пустимъ на поль два волчка такъ, что каждый изъ нихъ, вращаясь вокругъ собственной оси, будетъ въ тоже время описывать конусъ, слегка покачиваясь во время вращенія, но наклоны ихъ будутъ разными, то вотъ и получимъ наглядное представленіе о двухъ сосѣднихъ планетахъ, Землѣ и Венерѣ, одинаково наклоненныхъ, но въ разныя стороны.

— Это все такъ, Борисъ Геннадіевичъ, сказалъ Имеретинскій, но вотъ вопросъ, въ томъ ли мѣстѣ находится полюсъ эклиптики на Венерѣ, въ какомъ мы видимъ его съ Земли?

— Я не упускалъ этого изъ вниманія, Валентинъ Александровичъ, отвѣтилъ Добровольскій. Наклонъ орбиты Венеры къ земной составляетъ всего $3^{\circ}23'$, по опредѣленію нашихъ астрономовъ, и стало-быть,

только на эту величину наклонение оси Венеры можетъ разниться отъ нашей, но эта величина не такъ значительна и потому не можетъ существенно измѣнить положеніе вещей. Конечно, нужно произвести еще цѣлый рядъ наблюденій въ теченіе нѣсколькихъ ночей, чтобы получить болѣе точные результаты. Пока это лишь грубое опредѣленіе.

— Однако, почему же мы видимъ только знакомыя намъ съверныя созвѣздія? спросила Добровольского Наташа. Вѣдь я помню, что нашъ преподаватель космографіи въ гимназіи обращалъ вниманіе всѣхъ на то обстоятельство, что, благодаря предваренію равноденствій, видъ неба черезъ тысячуелѣтія менится: одни созвѣздія становятся невидимыми, другія приходятъ имъ на смѣну изъ южнаго полушиарія.

— Это совершенно вѣрно. Мы видимъ сейчасъ съ Венерой картину неба такой, какою она была для нашей средней Россіи 13.000 лѣтъ тому на задъ Вы видите Ориона, но скажите — где же Сириусъ?

Наташа посмотрѣла на Ориона, мысленно продолжила линію Трехъ Волхвовъ влѣво, но Сириуса не нашла — онъ былъ подъ горизонтомъ.

— Ахъ, теперь понимаю. Сириусъ не можетъ быть виденъ здѣсь! сказала она.

— Да. Эта великолѣпная звѣзда, украшающая зимнія ночи въ Россіи, въ съверномъ полушаріи Венеры принадлежитъ къ числу невидимыхъ звѣздъ и можетъ быть наблюдана только въ южномъ ея полушиаріи.

Но въ такомъ случаѣ, земныя южныя созвѣздія должны быть видимы здѣсь?

— Совершенно вѣрно. Но сейчасъ мы наблюдаемъ зимнее небо, часть созвѣздій котораго, видимыхъ въ это время на Землѣ, здѣсь скрывается подъ горизонтомъ. Зато лѣтомъ въ это время мы увидѣли бы южный небосклонъ, украшенный Центавромъ и Южнымъ Крестомъ.

— Однако, Борисъ Геннадіевичъ, я полагаю, сказалъ Имеретинскій, мы увидимъ эти красоты и не дожидаясь лѣта, если пожертвуемъ сегодня сномъ и посидимъ до разсвѣта, потому что къ этому времени видъ неба измѣнится и передъ самымъ восходомъ Солнца появятся „Тайники юга“.

Всъ съ радостью ухватились за предложеніе Имеретинскаго. Ясная зимняя ночь на Венерѣ незамѣтно прошла въ наблюденіяхъ и спорахъ. Видъ неба постепенно мѣнялся, южный небосклонъ почти всю ночь былъ занятъ тянущимся длиннымъ созвѣздіемъ Гидры съ мистической Чашей на спинѣ и Ворономъ; ея красное сердце — Альфардъ еще не погасло на западѣ, какъ на югъ-востокѣ появилось великолѣпное созвѣздіе Центавра съ двумя яркими звѣздами первой величины, а за нимъ и южный Крестъ тоже съ яркой звѣздой, блестѣвшей у самаго горизонта.

— Эти созвѣздія мы видимъ, сказалъ Добровольскій, находясь подъ 52° сѣверной широты Венеры. На Землѣ же съ этой широты и даже болѣе южной мы ихъ не можемъ видѣть, но 13.000 лѣтъ тому назадъ надъ равнинами какой-нибудь Курской или Орловской губ. эти созвѣздія дѣйствительно всходили на небо

точно также, какъ мы видимъ ихъ здѣсь, въ то время какъ путеводной звѣздой съвера для моряка Балтійскаго моря горѣла именно великолѣпная Вега...

— Борисъ Геннадіевичъ, вдругъ перебила его Наташа, посмотрите, что это тамъ такое черное, какъ бы клочокъ облачка? Она показала по направлѣнію къ самому горизонту, гдѣ въ созвѣздіи Южнаго Креста дѣйствительно чернѣлся точно обрывокъ тучки грушевидной формы.

— Это знаменитый «Угольный мѣшокъ», какъ называли его португальскіе мореплаватели еще въ XV вѣкѣ, впервые обратившіе вниманіе на него и на сосѣднія съ нимъ черныя пятна въ области Млечнаго Пути, въ предѣлахъ которыхъ буквально нѣтъ ни одной звѣзды. Гумбольдтъ полагалъ, что въ этихъ мѣстахъ слои звѣздъ могутъ быть не столь плотными и что эти пустыя пространства суть настоящія скважины, двери, черезъ которыя нашъ взоръ можетъ погружаться въ самыя глубочайшія бездны Вселенной.

— Однако существуетъ вѣдь и другое объясненіе, сказалъ Имеретинскій. Нѣкоторые считаютъ эти „Угольные мѣшки“ наиболѣе свѣтящимися мѣстами неба, представляющими собою дѣйствительно облака, остатки первоначальной туманности, изъ которой образовались звѣзды. Только температура этихъ «облаковъ» должна быть такъ велика и молекулы такъ мелки, что лучи, испускаемые ими, должны характеризоваться необыкновенной частотой своихъ колебаній. Эти колебанія должны быть такъ быстры, что соответствующихъ имъ лучей мы не въ состояніи ви-

дѣть, и потому и сами эти скопленія должны представляться намъ темными массами огромныхъ размѣровъ, проектирующимися на свѣтломъ фонѣ Млечнаго Пути.

Добровольский однако не соглашался съ этимъ воззрѣніемъ и потому возникъ споръ, который продолжался бы безконечно, если бы не свѣжестъ наступающаго утра, заставившая нашихъ друзей подумать о снѣ.

ГЛАВА XVII.

На волосокъ отъ гибели.

Изученіе Венеры быстро подвигалось впередъ. Распредѣливъ работы между собою по совмѣстному соглашенію и сообразно своимъ специальностямъ, наши ученые ревностно собирали матеріалы и почти на каждомъ шагу дѣлали важныя наблюденія и открытія. Впослѣдствіи всѣ эти матеріалы составили многотомный трудъ, вышедший подъ редакціей Имеретинскаго на всѣхъ почти существующихъ на Землѣ языкахъ, выдержавшій цѣлый рядъ изданій и ставшій своего рода „Новой библіей“, естественнымъ откровеніемъ, истиннымъ даромъ неба—„Голубиной Книгой“, ниспавшій изъ мірового пространства на Землю.

Освоившись на новомъ мѣстѣ жительства, наши друзья прежде всего подумали о составленіи календаря Венеры. Добровольский сдѣлалъ это еще въ то

время, когда не было никакой надежды на то, что облачный покровъ, висѣвшій надъ планетой, когда-нибудь исчезнетъ. Извѣстно, что Венера обращается вокругъ солнца въ 224,7 сутокъ. Для большаго удобства и примѣнительно къ длинѣ земныхъ мѣсяцевъ нашъ астрономъ раздѣлилъ годъ Венеры на 8 мѣсяцевъ, по 28 дней въ каждомъ, за исключениемъ послѣдняго, въ которомъ лишнихъ 0,7 сутокъ сосчитывались за 29-й день, черезъ три же года на четвертый онъ предложилъ учредить високосный годъ, который долженъ былъ отличаться отъ земного тѣмъ, что былъ на одни сутки не длиннѣе, а короче обыкновенного. Наташа шутила надъ календаремъ Доброльского и говорила, что Борисъ Геннадіевичъ «всѣ мѣсяцы сдѣлалъ февралями». А заботы о високосномъ годѣ она называла „напрасными хлопотами“, такъ какъ не питала особенного желанія дожидаться этого торжественнаго случая и была увѣрена, что экспедиція возвратится на Землю гораздо раньше.

Короткія времена года Венеры заключали каждое по два мѣсяца и время бѣжало гораздо быстрѣ, чѣмъ на Землѣ. Но климатъ ея былъ ровный и особенно рѣзкихъ перемѣнъ совсѣмъ не было замѣтно.

. 30 ноября 19... года, когда „Побѣтиль Пространства“ спустился на Венеру, было первымъ числомъ первого мѣсяца, первого года, первыхъ ея обитателей; для большаго удобства параллельно стилю Венеры велось земное счислениe. Очень много путаницы было въ переводѣ земного времени на время Венеры, такъ какъ обращеніе Ве-

неры вокругъ оси происходило въ 23 ч. 57 м. 36 с., т.е. на 2 минуты и 24 секунды скорѣе Земли, что по истеченіи года Венеры давало разницу почти въ 9 часовъ. Поэтому параллельный календарь Добровольского былъ незамѣнимъ въ ихъ повседневной жизни и безъ справки по нему никогда нельзя было въ точности сказать, какое число и какой часъ въ данное время считается на Землѣ.

Всѣ же астрономическія наблюденія велись по земному календарю и по Пулковскому времени.

Добровольскому было много работы. Днемъ, а въ періодъ облачности и вечеромъ, онъ сидѣлъ надъ своими безконечными вычисленіями, покрывая длинными колонками красивыхъ цифръ клѣтчатые листки бумаги, а въ ясные вечера работаль у телескопа. Наташа была дѣятельной помощницей, какъ прекрасная рисовальщица. Альбомъ астрономическихъ наблюденій былъ заполненъ ея великолѣпными рисунками. Добровольский дѣлалъ не только визуальные наблюденія, но и фотографировалъ небесные объекты, а также изслѣдовалъ ихъ спектроскопическимъ путемъ. Днемъ онъ особенное вниманіе удѣлялъ изученію Солнца. Благодаря большей близости къ нему и темно-синему небу Венеры, ему удалось изъ глубины пещеръ, расположенныхъ на высотѣ горъ, изо-дня въ день наблюдать солнечную корону, которую земные астрономы могутъ видѣть только въ короткіе моменты солнечного затменія... Правда, Добровольский видѣлъ корону еще въ то время, когда они носились въ междупланетномъ пространствѣ, но тогда

они летѣли далеко отъ Солнца и потому подробности строенія короны были имъ недоступны, теперь же выступали въ большомъ количествѣ. Наташа охотно зарисовывала ихъ.

По ночамъ объектами, сосредоточившими на себѣ наибольшее вниманіе астронома, были планеты Земля и Меркурій. Добровольскій пытался также разыскать планету Вулканъ, существованіе которой предполагали между Меркуриемъ и Солнцемъ, и одно время нѣкоторые астрономы даже будто бы наблюдали ее во время солнечныхъ затмений. Но всѣ попытки Добровольского не привели ни къ чему. Очевидно, это была простая ошибка наблюдателей, принявшихъ какую-нибудь звѣзду за невѣдомую планету. Зато наблюденія надъ Землей и Меркуриемъ были очень плодотворны. Землю онъ изслѣдоваль, главнымъ образомъ, спектроскопическимъ путемъ, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, какія линіи въ полученному спектрѣ дѣйствительно принадлежать атмосферѣ Земли. Атмосфера Венеры была по своему химическому составу почти однородна съ земной и только въ низкихъ слояхъ ея былъ значительный процентъ углекислоты, едва не погубившей его друга, Карла Карловича Флигенфенгера. Спектроскопическое изслѣдованіе Земли, между прочимъ, едва не послужило поводомъ къ раздору между друзьями, которые, кстати сказать, въ общемъ жили дружно на Венерѣ. Карль Карловичъ рѣшительно не могъ понять, зачѣмъ понадобилось изслѣдововать Землю спектроскопически, когда и безъ того тамъ съ помощью химіи известно все то, что берется «открывать» его другъ съ Венеры.

Добровольскому стоило большихъ усилій втолковать ему, что онъ стремится вовсе не къ этому. Изучая Марсъ спектроскопически, земные астрономы до сихъ поръ не пришли къ окончательному разрѣшенію вопроса о присутствіи паровъ воды на этой планетѣ, именно потому, что трудно было выяснить, что въ наблюдаемомъ спектрѣ принадлежить дѣйствительно Марсу и что земной атмосферѣ. Усиленіе въ спектрѣ такъ называемыхъ теплурическихъ линій, происходя щихъ отъ кислорода и водяныхъ паровъ, повидимому указывало на то, что въ спектрѣ Марса имѣются водяные пары. Такое же усиленіе теплурическихъ линій обнаруживалось и тогда, когда Добровольскій наводилъ спектрографъ на Землю; отсюда онъ сдѣлалъ заключеніе о вѣрности метода примѣненного къ Марсу.

Меркурій— это планета-невидимка для земныхъ астрономовъ. Во времена Коперника существовала даже пословица «*Felix astronomus, quod vidit Mercurium*» *) и самъ Коперникъ умеръ, ни разу не видавши этой планеты по причинѣ близости ея къ Солнцу. Еще рѣже удавалось изслѣдовывать ее въ телескопъ. На небѣ же Венеры Меркурій виденъ далеко отъ Солнца въ періоды своихъ элонгаций, и въ телескопъ Добровольского на его дискѣ можно было замѣтить много любопытныхъ подробностей. Въ общемъ этотъ небольшой мірокъ солнечной системы напоминалъ нашему астроному строенiemъ своей поверхности Луну, спектроскопическое же изслѣдованіе показало

*) Счастливъ астрономъ, видѣвшій Меркурія.

полное отсутствие на немъ атмосферы. Это былъ мертвый міръ, какъ и спутникъ Земли.

Флигенфенгеръ только временами проявлялъ интересъ къ изслѣдованіямъ астронома и то, главнымъ образомъ потому, что питалъ къ Добровольскому дружескія чувства, все же остальное время посвящалъ классификаціи и изучалъ прямокрылыхъ и сѣтчато-крылыхъ. Дѣятельнымъ помощникомъ астроному, какъ мы уже сказали, была Наташа, которая завѣдывала также и всѣмъ хозяйствомъ экспедиціи, при чемъ, однако, кулинарная обязанности несли всѣ по очереди, при чемъ пальму первенства въ этомъ дѣлѣ она безповоротно присудила Карлу Карловичу, за открывшіяся въ немъ кулинарныя способности. Біологъ Блауменбергъ былъ молчаливъ и все время бродилъ въ со-сѣднихъ лѣсахъ или сидѣлъ надъ микроскопомъ, зари-совывая анатомическое строеніе сигиллярій, лепидо-дендроновъ и каламитовъ. Старикъ Штейнъ вѣчно пропадалъ въ горахъ, откуда обычно возвращался поздно вечеромъ. Имеретинскій велъ общиј журналъ экспедиціи, ежемѣсячно подводя итоги сдѣланному и разрабатывая планы дальнѣйшихъ работъ. Онъ велъ также метереологическія наблюденія, а временами уходилъ со Штейномъ въ горы. Мѣстомъ своего постояннаго пребыванія путешественники избрали холмъ, на которомъ ихъ высадилъ на поверхность планеты „Побѣдитель Пространства“. Послѣдній служилъ имъ постояннымъ жилищемъ, въ которомъ всѣ могли расположиться съ комфортомъ, хотя съ прибавленіемъ двухъ новыхъ человѣкъ было немного тѣсновато. Отсюда члены экспедиціи уходили часто на большія

экскурсії, но потомъ всѣ сходились сюда и дѣлились добытыми результатами. Временами заходила рѣчь о томъ, какъ и когда они смогутъ возвратиться на Землю. Но въ общемъ никто не торопился въ обратный путь, такъ какъ работы по изслѣдованію Венеры было еще очень много.

Имеретинскій и его друзья любили подолгу бесѣдовать со Штейномъ о геологическомъ строеніи и климатическихъ условіяхъ вообще на всей планетѣ. Они вѣдь знали только незначительный ея участочекъ, такъ какъ за отсутствіемъ средствъ передвиженія не могли далеко проникнуть. Поэтому имъ приходилось на основаніи добытаго материала дѣлать догадки, подчасъ очень остроумныя, и строить цѣлья гипотезы о прошломъ планеты и ожидающемъ ее будущемъ.

Молотокъ профессора Штейна, съ которымъ онъ не разлучался, отправляясь въ горы, извлекъ изъ толщи разнообразныхъ геологическихъ отложенийъ Венеры множество окаменѣлостей, частью известныхъ уже на Землѣ по находкамъ въ пластахъ, подстилавшихъ каменноугольную систему, частью же совершенно неизвестныхъ, которыхъ трудно было пріурочить къ тому или другому геологическому образованію, руководствуясь только классификацией, принятой земными палеонтологами. Очевидно, на Венерѣ эволюція жизни шла съ нѣкоторыми уклоненіями отъ земныхъ условій, хотя, въ общемъ, привела почти къ однородному съ земнымъ каменноугольному періоду.

Климатическая условія на Венерѣ значительно отличались отъ земныхъ. Наши ученые пришли къ заключенію, что здѣсь нѣть смысла временъ года въ родѣ

нашихъ. Съвернымъ и среднимъ широтамъ, куда они спустились, очевидно былъ присущъ ровный климатъ: въ теченіе всего года зеленѣютъ деревья, многочисленный классъ насѣкомыхъ всегда находитъ себѣ пищу и пріютъ, рѣки несутъ свои воды въ океаны, постоянные токи восходящихъ паровъ приносятъ обильные осадки.

— Крыловская „попрыгунья стрекоза“, шутила Наташа, должна чувствовать себя на Венерѣ совершенно беззаботно и ей уже не надо стучаться къ муравью. Здѣсь вѣчно подъ каждымъ листкомъ ей „готовъ и столъ и домъ“.

— Нѣтъ сомнѣній, говорилъ Блауменбергъ, что ровныя климатическія условія, царящія на Венерѣ, очень близки къ тѣмъ, которыя были на Землѣ во время каменноугольнаго періода. Вѣдь наши палеоботаники прекрасно знаютъ, что флора каменноугольнаго періода, обнаруженная съ одной стороны въ Донецкомъ бассейнѣ, съ другой же на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ, одинакова. Отсюда выводъ ясенъ на всемъ этомъ пространствѣ были сходныя климатическія условія. Это же справедливо и для южнаго полушарія Земли.

— Однако, замѣтилъ Добровольскій, не нужно забывать, что флора конца каменноугольнаго періода, обнаруженная въ странахъ, окружающихъ Индѣйскій океанъ—въ южной Африкѣ, въ Афганистанѣ, передней Индіи, южной Австраліи и Тасманіи, значительно отличается по своему составу отъ общей каменноугольной флоры преобладаніемъ только папоротниковыхъ (*Glossopteris*) откуда и получила название Глоссептеріевой флоры.

— Замѣчательно то обстоятельство, замѣтилъ Штейнъ, что эта флора встрѣчается впервые въ тѣхъ геологическихъ отложеніяхъ, которыя несомнѣнно образовались при участіи льда, такъ какъ лѣпныя глины и песчаники каменноугольной системы содержатъ разбросанные въ беспорядкѣ валуны со шрамами. Отсюда дѣлается предположеніе, что въ южныхъ и экваторіальныхъ областяхъ Земли существовали громадныя горы, съ которыхъ спускались ледники, оттѣснившіе обычную флору каменноугольнаго периода къ сѣверу, гдѣ было жарко.

— Вотъ именно я и хотѣлъ это сказать, согласился Добровольскій. Если разсуждать по аналогии и допустить, что и мы находимся на Венерѣ въ тѣхъ же условіяхъ, то, быть-можеть, попади мы южнѣе—насъ постигла бы гибель не отъ ультра-тропической жары, а отъ ледяныхъ полей, спускающихся съ горъ Венеры. Вѣдь астрономы давно подмѣтили, что южное полушаріе планеты болѣе гористо, чѣмъ сѣверное. Горы Венеры возвышаются до 40 верстъ въ высоту и верхушки ихъ кажутся ярко блестящими, точно одѣтыми ледяными шапками.

Однако я держусь иного мнѣнія, возразилъ на это Штейнъ. Мы уже не разъ констатировали, что на Венерѣ имѣются вулканы. Я полагаю, что въ южномъ гористомъ полушаріи ихъ еще больше. Собственно говоря, даже *a priori* нужно было предвидѣть болѣе значительное развитіе вулканической дѣятельности на Венерѣ, чѣмъ на Землѣ, потому что Венера болѣе молодая планета съ точки зрѣнія эволюціи солнечной системы. Въ такомъ случаѣ

врядъ ли совмѣстимы два явленія— потоки огненной лавы и ледяныя поля, спускающіяся съ высокихъ горъ.

Споръ становился интереснымъ. Каждая сторона по своему была права, у каждого изъ спорившихъ были вѣскія pro и contra, но вопросъ могъ быть разрѣшенъ, очевидно, только путемъ экспедиціи на югъ. Но далеко уйти безъ средствъ передвиженія врядъ ли можно было. Однако, все же послѣ нѣкоторыхъ колебаній Штейнъ, Добровольскій и Имеретинскій втроемъ рѣшились отправиться въ это далекое путешествіе, оставивши Натату съ Карломъ Карловичемъ и біологомъ, у „Побѣдителя Пространства“.

Прошло уже нѣсколько дней послѣ того, какъ отдѣлившіеся путешественники направились на юго-востокъ отъ „Побѣдителя Пространства“. Дорогой споръ ученыхъ не прекращался. Добровольскій думалъ было привлечь на помощь своему объясненію бѣлые пятна Венеры, которая временами замѣчались астрономами. Постоянство этихъ пятенъ давало возможность опредѣлять періодъ обращенія Венеры вокругъ оси. Не являются ли эти пятна ледяными полями Венеры? Однако Штейнъ не соглашался съ этимъ. Онъ говорилъ:

— Пятна на Венерѣ замѣчаются не только въ южномъ полушаріи, но и вообще по всему диску планеты. Я полагаю, что они обязаны своимъ происхожденіемъ прорывамъ въ постоянномъ облачномъ слоѣ планеты. То, что представляется съ Земли большими

бѣлыми пятнами — это сплошные облачные массы, почти неподвижно висящія надъ тѣми областями планеты, которая изобилуютъ водными бассейнами. Непрерывно восходящіе токи испареній питають эти облачные массы, поддерживая ихъ и обусловливая ихъ постоянство. Въ болѣе гористыхъ областяхъ, гдѣ менѣе волы, облака разрѣжаются и здѣсь мы видимъ менѣшія темныя пятна на Венерѣ. Разрѣженію облаковъ содѣйствуютъ здѣсь частыя вулканическія изверженія, выносящія тучи пепла.

— Вотъ эти тучи пепла, сказалъ Имеретинскій, мнѣ кажется, позволяютъ намъ объяснить то загадочное явленіе, которое наблюдали наши астрономы на Венерѣ и назвали пепельнымъ свѣтомъ — голубовато-нѣжное сіяніе на неосвѣщенной части диска планеты.

— Обычно полагаютъ, сказалъ Добровольскій, что это отсвѣтъ полярныхъ сіяній, хотя, нужно сознаться, мы ихъ здѣсь пока еще не видѣли.

— Нѣтъ, это не полярныя сіянія. Мнѣ кажется что освѣщеніе темной стороны планеты въ достаточной степени объясняется уже тѣмъ, что здѣсь, вслѣдствіе большой высоты и плотности атмосферы и вслѣдствіе почти вдвое большей рефракціи (на Землѣ 33', а на Венерѣ 55'), при нѣсколько менѣшемъ диаметрѣ и менѣшой массѣ планеты, оптическія условія ея атмосферы позволяютъ сумеркамъ долго освѣщать небо послѣ захода Солнца.

— Да, это совершенно вѣрно, согласился Добровольскій. Достаточно вспомнить тотъ фактъ, что во время прохожденія Венеры череѳь дискъ Солнца, пе-

редь самыи вступленіемъ планеты на єго дискъ, она наблюдалась окруженной свѣтлымъ кольцомъ атмосферы, свѣтящимся со всѣхъ сторонъ; затѣмъ передъ моментомъ нижняго соединенія съ Солнцемъ или вскорѣ послѣ него, рога серпа Венеры наблюдались далеко переходящими геометрическіе свои предѣлы и иногда почти замыкались въ кольцо — все это дѣйствительно подтверждаетъ интенсивныя оптическія условія атмосферы Венеры, но при чемъ тутъ вулканы, — рѣшительно не понимаю!

— Если бы однихъ нормальныхъ оптическихъ условій, присущихъ атмосферы Венеры было достаточно, чтобы вызывать ея пепельный свѣтъ, то земные астрономы видѣли бы его постоянно, замѣтилъ Имеретинскій. На самомъ же дѣлѣ онъ наблюдается изрѣдка. Очевидно, нужны какія-нибудь особенные явленія въ атмосферѣ Венеры, чтобы его вызвать. Я полагаю, что здѣсь то и сказывается вліяніе вулканическихъ извержній. Тучи вулканической пыли, во время изверженія на Землѣ вулкана Кракатау въ 1883 г. и Лысой Горы на Мартиникѣ въ 1903 г., выброшенныя на громадную высоту, вызвали великолѣпныя явленія ночного освѣщенія неба въ видѣ яркихъ зорь и свѣтящихся облаковъ...

— Это не совсѣмъ точно, Валентинъ Александровичъ, сказалъ Штейнъ, не тучи пепла вызвали это явленіе, а что-то другое. Еще Плиній, описывая знаменитое изверженіе Везувія, во время котораго погибли Геркуланумъ и Помпея, обратилъ вниманіе на то, что туча пепла и дыма, поднявшаяся изъ кратера вулкана, сначала прямо, какъ свѣча, затѣмъ вдругъ

распространилась въ стороны, подобно вѣтвямъ итальянской сосны—пинії, и дальше вверхъ не пошла. Эти пиніеобразные облака наблюдаются всегда при изверженіяхъ и всегда выше 11 километровъ не могутъ подниматься. Отсюда метеорологи сдѣлали выводъ, что на этой высотѣ встрѣчается иной слой земной атмосферы, подобно потолку не позволяющей проникнуть туда болѣе тяжелымъ частицамъ пепла, и пиніеобразные облака стелятся подъ этимъ „потолкомъ“. Этотъ верхній слой атмосферы названъ былъ стратосферой. Свѣтящія же облака, послѣ изверженій Кракатау и Лысой Горы, носились на высотѣ 70—80 километровъ. Надо полагать, что это были не продукты изверженія въ прямомъ смыслѣ, а водородъ, выдѣлившійся изъ частицъ вулканическаго пепла и проникшій вмѣстѣ съ парами воды въ стратосферу. Поэтому ночные свѣтящія облака состоять, вѣроятно, изъ кристалловъ замерзшихъ водяныхъ паровъ съ водородомъ, плавающихъ въ стратосфера.

— Ваша поправка очень интересна и вполнѣ убѣдительна. Я охотно ее принимаю. Допуская эти же условія и на Венерѣ, мы должны себѣ представить еще болѣе мощные парообразно водородные облака, въ родѣ нашихъ перистыхъ (*cirrus*), держащихся въ высокихъ слояхъ атмосферы и вызывающихъ то великолѣпное явленіе голубовато-нѣжнаго свѣта, который нашими астрономами характеризуется какъ пепельный свѣтъ Венеры, сказалъ, подумавъ, Имеретинскій.

— Пожалуй и я готовъ согласиться съ Вами, Валентинъ Александровичъ, сказалъ Добровольскій.

Особенно благопріятствуютъ Вашему объясненію наблюденія пепельного свѣта Венеры, сдѣланныя за послѣднее время Фогелемъ и Лозе, Они видѣли пепельный свѣтъ, простиравшимся не надъ всей неосвѣщенной частью диска, а на 30—40° отъ терминатора, что ясно намекаетъ на сумеречное происхожденіе свѣта. Но не забывайте, что есть еще одно объясненіе этого загадочнаго явленія. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые астрономы, какъ, напримѣръ, Трувело, видѣвшіе неосвѣщенную часть Венеры, замѣтили, что она темнѣе окружающаго фона неба. Поэтому они склонны думать, что пепельный свѣтъ Венеры — это просто негативное ея изображеніе, проектирующееся на болѣе свѣтломъ фонѣ неба, освѣщенному зодіакальнымъ свѣтомъ и отдаленными частями солнечной короны.

— Эта гипотеза очень остроумна, Борисъ Геннадіевичъ, но въ ней есть одно слабое мѣсто. Почему же, собственно, зодіакальный свѣтъ долженъ находиться только сзади планеты и служить ея фономъ? Я думаю, что онъ окружаетъ планету съ обѣихъ сторонъ. Мнѣ кажется, даже наоборотъ, зодіакальный свѣтъ не только не будетъ подчеркивать контуры неосвѣщенного диска планеты, но, наоборотъ, станетъ размывать ихъ и тѣмъ ослаблять настоящій пепельный свѣтъ, въ реальности котораго я не сомнѣваюсь.

Въ этомъ пунктѣ разговора друзья наши вдались уже въ такія тонкости, что вопросъ поневолѣ долженъ былъ остаться открытымъ. Никто вѣдь еще не знаетъ въ точности объ истинной формѣ и размѣ-

рахъ зодіакального свѣта и потому трудно рѣшить вопросъ, какъ далеко онъ распространяется за предѣлы Венеры, не ослабѣвая въ своей интенсивности.

Ученая экскурсія уже значительно удалилась отъ того мѣста, гдѣ въ недалекомъ разстояніи отъ хвойныхъ лѣсовъ на уступахъ скалъ стоялъ «Побѣдитель Пространства», у котораго, какъ у «родного очага» остались оба біолога съ Наташой. Путь экскурсантовъ лежалъ черезъ негостепріимную страну. Всюду были глыбы гранитовъ и только скучная хвойная растительность временами разнообразила ландшафтъ. Черезъ нѣсколько дней пути, стали встрѣчаться слѣды недавней вулканической дѣятельности затвердѣвшіе туфы, пепелъ, шлаки, рапиллы и вулканическія бомбы.

На горизонтѣ, среди различныхъ возвышенностей, вниманіе нашихъ путешественниковъ привлекла въ особенности одна высокая гора съ плоско срѣзанной верхушкою. Можно было думать, что это вулканъ, недавно погасшій или еще дѣйствующій. Свѣжіе слѣды изверженія говорили скорѣе за послѣднее, и Штайнъ высказалъ даже предположеніе, что быть-можетъ сейчасъ протекаетъ одна изъ паузъ, какія всегда наблюдаются у тѣхъ вулкановъ, дѣятельность которыхъ носитъ затяжной характеръ. Конечно, этотъ вулканъ, по направленію къ которому шли наши путешественники, не подтверждалъ и не опровергалъ мнѣнія Штейна о широко развитой дѣятельности вулкановъ въ южномъ полушаріи планеты. Путешествен-

ники знали, что имъ придется миновать еще не одинъ такой вулканъ, пока они приблизятся, хоть немного, къ цѣли. Они не скрывали другъ отъ друга, что, въ сущности говоря, они идутъ въ слѣпую. Неизвѣстно, что ждетъ ихъ впереди, — быть-можетъ, неодолимыя препятствія. Горная цѣль можетъ оказаться настолько большой и непроходимой, что послужитъ естествен-ной преградой всякой ихъ попыткѣ къ движению впе-редъ.

Днемъ, передвигаясь впередъ въ гору, подъ уны-лымъ покровомъ облачнаго неба, среди голыхъ скалъ, путешественники къ вечеру сильно уставали и, распо-лагаясь на ночлегъ, часто не въ состояніи были даже развести костра за отсутствіемъ топлива. Ночь про-ходила въ научныхъ спорахъ и только за этими спо-рами они забывались и отдыхали. Во время одной изъ такихъ ночевокъ Штейнъ, долго не смыкавшій глазъ послѣ того, какъ Имеретинскій и Добровольскій уже спали безмятежнымъ сномъ, вдругъ замѣтилъ, что надъ вершиной той самой горы, которую онъ принималъ за вулканъ, облачность была слабо окра-шена какъ бы отдѣленнымъ заревомъ пожара. Для него теперь уже не было сомнѣнія, что гдѣ-то вблизи вулкана, быть можетъ черезъ одну изъ боковыхъ его скважинъ, выступила раскаленная лава, блескъ кото-рой отражается въ облакахъ. Днемъ онъ сообщилъ объ этомъ своимъ спутникамъ и вечеромъ, дѣйстви-тельно, можно было наблюдать то же самое.

Путь свой экскурсанты держали немногого восточнѣе вулкана и полагали, что онъ останется въ сторонѣ отъ нихъ. Но послѣдующіе дни разрушили всѣ ихъ

планы. Во время одной изъ слѣдующихъ ночевокъ, всѣ они были пробуждены необыкновеннымъ гуломъ раздавшагося землетрясенія. Облака надъ кратеромъ вулкана свѣтились сильнѣе, чѣмъ во всѣ предыдущія ночи. На разсвѣтѣ землетрясеніе повторилось. Имъ было отчетливо слышно, какъ въ окрестныхъ горахъ происходили какіе-то сдвиги и перемѣщенія скалъ, наводившіе на нихъ, никогда не испытанный ими, животный страхъ. Надъ кратеромъ вулкана теперь уже можно было видѣть небольшое облачко пепла и пара, которое, очевидно, и свѣтилось ночью такъ ярко.

Старикъ Штейнъ былъ настойчивъ и ему долго не хотѣлось сдаваться. Указывая на облачный столбъ вулкана, онъ шутя говорилъ, что подобно древнимъ евреямъ, блуждавшимъ въ пустынѣ, они идутъ по указанію этого облачнаго столба, по ночамъ кажущагося огненнымъ и освѣщающимъ имъ дорогу. Быть-можетъ оно и выведетъ ихъ на настоящую дорогу.

Однако, вскорѣ всѣ убѣдились, что итти впередъ — значитъ, рисковать жизнью. Подземный гулъ землетрясенія повторялся въ послѣдніе дни и потому решено было повернуть обратно. Но не успѣли они сдѣлать и одного дня пути, какъ новый ударъ землетрясенія привелъ ихъ прямо въ паническій ужасъ. Оно сопровождалось не только сдвигами, но и образованіемъ громадныхъ трещинъ въ горахъ, значительно затруднявшихъ обратный путь. Черезъ день они пришли къ мѣсту одной изъ предшествующихъ своихъ ночевокъ и къ ужасу убѣдились, что ихъ

отдѣляеть отъ нея поперечная трещина сказочныхъ размѣровъ, образавшаяся во время землетрясенія. Въ ширину она достигала отъ 10 до 30 метровъ, а глубина была неопредѣлена, зіяя загадочной черной щелью. Переходить ее имъ не было никакой возможности и потому оставалось одно изъ двухъ или подниматься къ востоку въ гору или спускаться къ западу, гдѣ вдали подъ пеленою тумана, повидимому, синѣли лѣса. Но подниматься вверхъ, почти къ вулкану, — это значило бы снова возвращаться назадъ, и потому оставался единственный выходъ — спускаться къ западу вдоль трещины до тѣхъ поръ, пока она не окончится, чтобы перейти потомъ къ сѣверу.

Разсуждать долго не было времени и всѣ торопливо пошли къ западу. Ночью рѣшили не останавливаться и итти дальше. Временами, озираясь назадъ, они видѣли отдаленный свѣтъ, блестѣвшій въ клубахъ дыма надъ вулканомъ, который уже никакъ не былъ теперь спасительнымъ маякомъ; наоборотъ, въ его зловѣщемъ отблескѣ видѣлось грозное предостереженіе. На утренней зарѣ, усталые, они присѣли отдохнуть. Трещина не уменьшалась и небольшими излучинами уходила вдаль, слегка направившись къ сѣверо-западу. Уклонъ мѣстности былъ настолько значителенъ, что скоро вулканъ скрылся за уступами скаль и хвощовая и хвойная растительность стала попадаться все чаще и чаще. Было ясно, что еще ниже начнутся лѣса.

На слѣдующій день, во время дневного привала, Добровольскій обратилъ вниманіе на то, что у самой

поверхности почвы замѣтенъ небольшой слой углекислоты, такъ какъ не удавалось развести костра. Огонь гасъ при приближеніи его къ почвѣ. Было ясно, что впереди лежала новая долина смерти, подобная той, въ которой едва не погибъ Карлъ Карловичъ, и потому спускаться внизъ было опасно. Что же, однако, оставалось дѣлать бѣднымъ путешественникамъ, загнаннымъ жестокостью самой природы въ такой непроходимый тупикъ: сзади гроза вулкана, впереди пропасть, въ сторонѣ долина смерти...

Вдругъ оглушительный взрывъ потрясъ окрестность. Облако пара съ шипѣнiemъ поднялось надъ скалами въ той точкѣ горизонта, за которой приблизительно находился вулканъ. Очевидно, произошло такъ долго подготовлявшееся въ нѣдрахъ подземнаго міра изверженіе лавы на поверхность.

— Смотрите, сказалъ черезъ минуту Имеретинскій, лава течетъ ужаснымъ потокомъ и кажется въ нашу сторону! Надо спасаться!..

— Но куда же намъ итти? въ отчаяніи вскричалъ Добровольскій. Мы кажется, погибли...

— Господа, не будемъ терять присутствія духа! давайте серьезно обсудимъ наше положеніе, сказалъ Штейнъ. Быть-можеть еще...

Но вдругъ счастливая мысль озарила Имеретинскаго, при взглядѣ на отдаленную группу сигиллярій.

— Господа! вскричалъ онъ, ни одной минуты промедленія! Мы устроимъ мостъ черезъ пропасть...

— Что вы, какой мостъ? съ ужасомъ посмотрѣль на него Добровольскій, но вспомнивъ, какъ уже

однажды его другъ спасъ ихъ, когда пошелъ чинить разорванныя цѣпи „Побѣдителя Пространства“ надъ пропастью междупланетного пространства,—онъ готовъ былъ повѣрить и теперь въ спасеніе, хотя помоши не было видно ни откуда.

— Мы срубимъ одно только вотъ это дерево и, положивъ черезъ пропасть, спустимся на ту сторону. Вы замѣчаете, что противоположный берегъ трещины лежитъ ниже нашего, слѣдовательно, уклонъ, къ нашему счастью, въ ту сторону. Итакъ, за дѣло, не тѣ-
ряя времени...

Подрубить сигиллярію было дѣломъ одной минуты. Трудно подавалась только крѣпкая кора, внутреннюю же древесину можно было перерѣзать также легко, какъ мочалу. Срубленный высокій стволъ рухнулъ внизъ; благодаря легкости, путникамъ не стоило особеннаго труда стащить его къ пропасти.

— Теперь, господа, все дѣло въ томъ, чтобы сумѣть перекинуть его на противоположную сторону. Сдѣлаемъ такъ. Положимъ дерево перпендикулярно къ трещинѣ, вотъ на это мѣсто, которое, наиболѣе возвышается надъ противопожнымъ краемъ.

Всѣ молча послѣдовали за Имеретинскимъ и общими усилиями положили стволъ дерева на указанное мѣсто, отрубивши верхушку.

— Попробуемъ толкнуть его теперь сразу такъ, чтобы оно скользнуло вдоль своей оси и противоположнымъ концомъ попало на тотъ берегъ.

Сказано-сдѣлано... но всего на какой-нибудь метръ не достигнувъ противоположнаго края, дерево съ трескомъ зашумѣло въ пропасть и вскорѣ скры-

лось въ ея мрачной глубинѣ. У всѣхъ опустились руки съ досады отъ постигшей ихъ неудачи. Однако, медлить было нельзя. Они начали рубить другое дерево, болѣе тонкое, чѣмъ первое. Въ это время на скалахъ юго западнаго горизонта что-то ослѣпительно блеснуло, какъ струя раскаленной стали на какомъ-нибудь металлургическомъ заводѣ. Это потокъ лавы спускался со скалъ прямо на нашихъ путниковъ, вздымая надъ собой клубы паровъ.

— Скорѣе, скорѣе господа, иначе мы опоздаемъ. Видите—гибельная лава уже надвигается! вскричалъ Имеретинскій.

На этотъ разъ дерево толкнули удачно и оно опустилось противоположнымъ концомъ на тотъ берегъ, выгнувшись надъ бездной подъ собственной своей тяжестью.

Первому предложили спуститься Штейну на ремнѣ собственнаго пояса. За нимъ послѣдовалъ Добровольскій. Оба удачно соскользнули по продольной ребристой корѣ сигилляріи на противоположный берегъ. Имеретинскій сидѣлъ на концѣ ствола, чтобы дерево не скользнуло по инерціи дальше, вмѣстѣ со своими пассажирами, и не обрушилось бы въ пропасть. Но все обошлось благополучно. Тѣмъ временемъ онъ успѣлъ заострѣть и вбить колъ возлѣ конца дерева и бывшей у него веревкой привязать его къ нему. Подвѣсившись на ремнѣ своего пояса, онъ готовъ былъ соскользнуть на противоположный край трещины. Штейнъ и Добровольскій, стоя на противоположномъ берегу нетерпѣливо ожидали конца его приготовленій.

Вдругъ клубы паровъ съ шипѣнiemъ вырвались изъ трещины и покрыли ее густымъ облакомъ...

Наташа, Карлъ Карловичъ и Блауменбергъ, оставшіеся вблизи «Побѣдителя Пространства», вскорѣ начали скучать безъ своихъ друзей. Когда же подземный гулъ землетрясенія докатился и до нихъ, они начали тревожиться. Начавшееся изверженіе лавы изъ кратера вулкана повергло ихъ въ полное уныніе. Карлъ Карловичъ пытался скрыть свое волненіе отъ Наташи и, какъ могъ, успокаивалъ ее, стараясь увѣритъ, что путники идутъ въ большомъ разстояніи отъ мѣста катастрофы. Елауменбергъ былъ молчаливѣе обычнаго и сидѣлъ все время надъ своимъ микроскопомъ.

Когда изверженіе окончилось и наступилъ періодъ относительного спокойствія, Наташа стала частоходить въ томъ направленіи, куда ушелъ Имеретинскій и его спутники. Ей все казалось, что они, встрѣтивъ неодолимыя препятствія, скоро должны возвратиться. Напрасно, однако, смотрѣла она на окрестности въ бинокль: никто не появлялся надъ унылыми скалами... Сердце ея мучительно сжималось отъ боли за дорогихъ друзей. Прошло уже много дней послѣ катастрофы. Карлъ Карловичъ ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ—живы или погибли его друзья? Всѣ данные были за то, что они не остались въ живыхъ, но онъ отгонялъ эти навязчивыя мысли и ему не хотѣлось допускать этой ужасной возможности. Онъ видѣлъ, какъ страдаетъ Наташа, какъ она исхудала и

поблѣднѣла за эти дни и всячески старался ее развлечь. Наташа грустно смотрѣла на него и говорила:

— Ахъ, Карль Карловичъ, оставьте, не надо! Я не могу допустить, чтобы они погибли. Вѣдь съ ними Валентинъ Александровичъ, а помните, какъ онъ выручилъ насъ тамъ, въ міровомъ пространствѣ? Не могли же стать они жертвой своей неосторожности...

Въ этотъ день Наташа съ Карломъ Карловичемъ спустились по направленію къ „Долинѣ Смерти“, поискать новыхъ насѣкомыхъ въ кустарникахъ. Такъ какъ мѣстность къ сѣверу и западу отсюда была достаточно извѣстна, то на этотъ разъ они углубились къ востоку. Каково же было ихъ изумленіе, когда здѣсь они увидѣли идущихъ навстрѣчу имъ своихъ друзей. Радости не было конца. Не только Наташа, но даже и Карль Карловичъ растрогался, увидѣвшіи своего Бориса цѣлымъ и невредимымъ. Путники сильно устали и измучились, но сознаніе, что они опять „дома“, придало имъ силъ, и Имеретинскій началъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ. Онъ былъ на волосокъ отъ гибели и едва успѣлъ спуститься чрезъ пропасть, какъ она начала наполняться потокомъ лавы; ему пришлось употребить нечеловѣческія усилія, чтобы, спускаясь на ремнѣ собственного пояса, не потерять сознанія отъ удушливыхъ газовъ, поднимавшихся надъ клокочущей лавой, и не упасть въ пропасть. Очутившись на противоположномъ берегу они бросились бѣжать безъ оглядки, и только отбѣжалъ уже на порядочное разстояніе, убѣдились, что трещина въ сущности спасла ихъ, такъ какъ лава, устремившись въ нее, долго не могла заполнить ея бездон-

ной глубины и протекла, повидимому, уже по руслу самой трещины. Только удущливые газы съ облаками пара еще долетали до нихъ, но и они скоро смѣнились проливнымъ дождемъ съ ужасными раскатами грома, заставившими ихъ пробыть нѣсколько дней въ пещерѣ. Гроза, оказалось, прошла и черезъ ту мѣстность, гдѣ оставалась другая часть экспедиціи, пода-ривъ ихъ проливнымъ дождемъ и эффектными разря-дами электричества. Особенное впечатлѣніе у Наташи оставилъ своеобразный шумъ Венериаго лѣса во время бури, которая предшествовала грозѣ.

Когда всѣ члены экспедиціи вновь собрались за общимъ ужиномъ у привѣтливаго костра, ихъ разго-воры сосредоточились ни минувшей катастрофѣ. Она обсуждалась со всѣхъ сторонъ и, между прочимъ, вы-двинулся общій вопросъ о сущности вулканическихъ явленій. Подобно тому, какъ и при изверженіяхъ на земномъ шарѣ, здѣсь наблюдается характерная под-робность—появленіе громаднаго количества паровъ, выброшенныхъ вулканомъ вмѣстѣ съ лавой. Обычно полагаютъ, что изъ всѣхъ газовъ, выдѣляющихся изъ лавы при ея изверженіи на поверхность, преобладаетъ водянай паръ (99%), и кромѣ того выдѣляются сѣр-нистая и хлористоводородная кислоты, углекислота, водородъ и другіе газы.

— Нѣтъ сомнѣній, говорилъ Имеретинскій, что и здѣсь при вулканическихъ явленіяхъ огромную роль играетъ вода, т.-е. собственно, водянай паръ, упругая сила котораго, при высокой температурѣ громадна. Она-то производитъ всѣ явленія вулканизма.

— Но какъ же попадаетъ внутрь Земли вода? спросила Наташа.

— Обычно полагаютъ, что вулканы расположены вблизи морей, что вода послѣднихъ черезъ трещины на днѣ, а также медленно просачиваясь черезъ горные породы и проходя черезъ пустоты въ земной корѣ, попадаетъ внутрь Земли, доходя до расплавленныхъ горныхъ породъ, и обращается въ паръ. Образующаяся черезъ это соединеніе огненно-жидкая масса выбрасывается черезъ трещины на поверхность. Этотъ взглядъ впервые былъ высказанъ еще римскими писателями, затѣмъ его поддерживали Гумбольдтъ и другие. Въ послѣднее время, однако, онъ сильно оспаривается. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не всѣ же вулканы находятся вблизи морей. Притомъ странно представить себѣ, чтобы вода, подходя къ магмѣ, поглощалась ею. Наоборотъ, естественнѣе предполагать, что вода, коснувшись магмы, моментально должна превращаться въ паръ и вырываться самостотельно, оставляя магму внутри, что однако противорѣчитъ дѣйствительности

— Да, это основательныя возраженія противъ теоріи Гумбольдта, сказаль Штейнъ. Я охотнѣе склоняюсь къ объясненію Зюсса, который полагаетъ, что ни водяной паръ, ни углекислота, выдѣляющіяся при изверженіяхъ, не могутъ быть результатомъ проникновенія этихъ газовъ съ поверхности Земли внутрь. Наоборотъ, они являются изъ внутреннихъ глубокихъ частей Земли и представляютъ собою результатъ освобожденія земного шара отъ газовъ, начавшагося еще съ момента отвердѣнія земной коры и про-

должающаго и понынѣ. Такимъ путемъ выдѣлились изъ нѣдръ Земли ея океаны и всѣ вообще водные источники. Не вулканы питаются морскою водою, а наоборотъ, моря увеличиваются въ объемѣ и массѣ послѣ каждого вулканическаго изверженія.

Къ вечеру слѣдующаго дня небо начало проясняться. Появилось долго невиданное Солнце и температура сильно поднялась. Ночью же всѣ любовались великолѣпными серебристыми свѣтящимися облаками, охватившими тонкой вуалью весь западный небосклонъ до самаго зенита.

— Вы правы, Валентинъ Александровичъ, сказаль Добровольскій, обращаясь къ Имеретинскому. Вотъ и свѣтящіяся облака, какъ результатъ происшедшаго. изверженія. Помните, вы объясняли ими пепельный свѣтъ Венеры?

— Да, Борисъ Геннадіевичъ, если бы Венера сейчасъ была близка къ нижнему соединенію съ Солнцемъ относительно Земли, наши астрономы несомнѣнно видѣли бы ея пепельный свѣтъ. Я продумалъ свое объясненіе глубже и пришелъ къ заключенію, что тѣ благодатныя, сравнительно умѣренныя климатическая условия, которыя мы встрѣтили на Венерѣ, въ значительной степени обязаны свѣтящимся облакамъ.

— Это какимъ же образомъ?

— Не такъ давно американскій астрономъ Эбботъ разрабатывалъ вопросъ объ измѣненіи климата на земномъ шарѣ въ зависимости отъ вулканической дѣятельности Земли. Онъ придаетъ большое значеніе поглощающей способности свѣтящихся облаковъ, задерживающихъ по его расчетамъ до $\frac{1}{10}$ количества

солнечныхъ лучей, которые, слѣдовательно, не достигаютъ земной поверхности; такимъ образомъ, годичная температура на Землѣ послѣ изверженія какого-нибудь вулкана и появленія свѣтящихся облаковъ можетъ упасть на три и даже болѣе градуса. Теперь интересно знать, какую температуру приписываютъ наши астрономы Венерѣ?

— По вычисленію Христіансена, она должна равняться на поверхности планеты $+65^{\circ}$ С. Арреніусъ обращалъ вниманіе на большое альбено планеты, т.-е. на ея большую способность отражать солнечные лучи, и полагалъ, что вслѣдствіе этого средняя ея температура нѣсколько ниже вычисленной Христіансеномъ. Вообще астрономы склонны были думать, что облачность планеты должна значительно умѣрять температуру, въ чемъ мы и убѣдились самолично.

— Прекрасно. Теперь прибавьте къ этому еще одно, забытое астрономами обстоятельство: тучи вулканическаго пепла и верхнія водородныя облака, согласно поправкѣ нашего уважаемаго профессора, и вы увидите, что при теоретическомъ расчетѣ нужно и это принять во вниманіе, и вотъ всѣ эти обстоятельства въ своей совокупности и обусловливаютъ царящія здѣсь благодатныя климатическія условія, въ значительно степени содѣйствовавшія продуктивности нашихъ изслѣдованій на планетѣ.

ГЛАВА XVIII.

Возвращеніе.

— Однако, господа, Венера еще не пришла въ нижнее свое соединеніе съ Солнцемъ относительно Земли, намъ нужно будетъ рѣшить теперь же вопросъ— оставаться ли намъ здѣсь на „второй годъ“ или же возвратиться съ тѣмъ, что мы добыли, сказалъ однажды Имеретинскій всѣмъ членамъ экспедиціи, когда рѣчь зашла о новыхъ планахъ по изслѣдованію планеты.

При тѣхъ затрудненіяхъ, которыя изслѣдователи испытывали, не имѣя средствъ къ передвиженію, врядъ ли можно было разчитывать на особенное расширеніе познаній о планетѣ. Поэтому, послѣ пространныхъ дебатовъ, рѣшили возвратиться въ это же ближайшее соединеніе планеты, до котораго оставался всего одинъ Венеринъ мѣсяцъ. Особенно противились этому Штейнъ и Карлъ Карловичъ; послѣдній не могъ себѣ ясно представить, какъ это онъ останется безъ Венериныхъ наскокомыхъ, такъ какъ ничего, кроме нихъ, онъ теперь рѣшительно не хотѣлъ знать, и всѣ геологическіе, а тѣмъ болѣе астрономическіе и метеорологическіе разговоры его совершенно не интересовали.

Когда стали обсуждать планъ возвращенія, то оказалось, что по расчетамъ Имеретинского лучевое давленіе Солнца на той высотѣ, где опустился „Побѣдитель Пространства“, не могло бы сдвинуть аппаратъ съ мѣста, если въ немъ будетъ помѣщаться

шесть человѣкъ и главныя изъ собранныхъ коллекцій по геологии, минералогіи, ботаникѣ и энтомологіи Венеры. Поднять аппаратъ на большую высоту они были не въ силахъ и потому приходилось выбирать одно изъ двухъ—или оставить всѣ коллекціи, ограничившись лишь описаніемъ и фотографированіемъ ихъ, или же взять ихъ, но остаться кому-нибудь изъ состава экспедиціи. Не брать коллекціи, которыхъ произвели бы цѣлую сенсацію на земномъ шарѣ и служили бы блестящимъ доказательствомъ ихъ пребыванія на Венерѣ, никто не хотѣлъ и думать. Но кому же тогда обрекать себя на одиночное заключеніе въ мірѣ Венеры?

Наташа первая указала исходъ—бросить жребій, но встрѣтила рѣшительный протестъ со всѣхъ сторонъ.

— Неужели вы думаете, я рѣшился бы улетѣть отсюда, если бы жребій упалъ на васъ? запротестовалъ не въ мѣру разволновавшейся Карлъ Карловичъ.

— Пожалуйста, Карлъ, не воображай только себя какимъ-то рыцаремъ, съ ироніей замѣтилъ Добровольскій; разумѣется никто бы изъ насъ при такихъ обстоятельствахъ не подумалъ бы летѣть.

— Пожалуйста не придирайся! заволновался еще болѣе раскраснѣвшійся Карлъ Карловичъ, и скора между пріятелями уже готова была разразиться. Наташа и остальные старались успокоить Флигенфенгера.

— Я предлагаю другой выходъ, сказалъ Штейнъ. Мы съ Блауменбергомъ, какъ ваши плѣнники, должны рѣшить вопросъ между собой. Я уже старъ и врядъ ли есть особенный смыслъ возвращаться на Землю

Ваше дѣло молодое, господа! Вы еще много можете принести пользы наукѣ, а мнѣ скоро и безъ того пора на покой.

Но и этотъ выходъ казался всѣмъ непріемлемымъ. Штейна успѣли уже всѣ полюбить, какъ талантливаго профессора и хорошаго человѣка.

— Подождите, господа, сказаль Имеретинскій; еще подумаемъ, можетъ-быть и найдемъ какой-нибудь способъ улетѣть всѣмъ сразу со всѣми нашими коллекціями, а пока надо будетъ осмотрѣть и привести въ порядокъ нашу «серебряную птицу». Надѣюсь, вы всѣ въ этомъ мнѣ поможете.

Зеркало „Побѣдителя Пространства“ еще въ первые же дни послѣ того, какъ онъ спустился на планету, было заботливо обтянуто брезентомъ. Важнымъ изъянномъ въ аппаратѣ были перебитыя цѣпи, но къ счастью у „Patria“ при крушениі сохранились цѣпи. Съ согласія представителей „Сосѣдней Страны“ Имеретинскій снялъ эти цѣпи и приспособилъ ихъ къ своему аппарату. Онъ были немного длинноваты, такъ какъ „Patria“ отличалась большими размѣрами, и потому пришлось снять нѣсколько звеньевъ, чтобы онъ соответствовали размѣрамъ «Побѣдителя Пространства». Путемъ совокупныхъ усилий, аппарату придали горизонтальное положеніе. Теперь оставалось только ждать приближенія соответствующаго астрономическаго момента и яснаго неба, чтобы освободить зеркало отъ покрова и дать ему надлежащее положеніе, при которомъ, по расчетамъ Имеретинскаго, аппаратъ долженъ быть соскользнутъ съ поверхности планеты подъ бомбардировкой солнечныхъ лучей...

Послѣдняя разлука Наташи съ Имеретинскимъ ясно показала ей, до какой степени привязалась она къ этому человѣку. Находясь все время вмѣстѣ, оба они этого почти не замѣчали. Въ отсутствіи Имеретинского Наташа сильно скучала и, когда онъ возвратился, ея радости не было конца. Она не отходила отъ него разспрашивала о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ ихъ приключений. Имеретинскій смотрѣлъ на эту дѣвушку, такъ смѣло и самоотверженно рѣшившуюсяѣхать съ ними въ рискованное путешествіе, видѣль, какъ радостно свѣтятся ея глаза и невольно заражался ея радостью. Невидимыя нити симпатіи уже давно соединили ихъ сердца, но Имеретинскій долго гналъ отъ себя подобныя мысли, считая это мальчишествомъ и глупымъ сентиментальнечаньемъ въ такое время, когда обстоятельства заставляли его быть объединяющимъ центромъ отвѣтственной научной экспедиціи. Но однажды, яснымъ вечеромъ, когда остальные долго не отходили отъ телескопа Добровольскаго, направленного въ небо, Имеретинскій и Наташа остались вдвоею. Теплый, свѣжій воздухъ и смолистый ароматъ хвойныхъ деревьевъ той лужайки, на которой они дѣлали привалъ во время экскурсіи, такъ располагали къ поэзіи, что Имеретинскій самъ не замѣтилъ, какъ началъ говорить о міровой гармоніи и красотѣ въ природѣ, сталъ описывать въ яркихъ краскахъ свои душевныя переживанія, полнотѣ которыхъ онъ былъ обязанъ присутствію въ составѣ ихъ экспедиціи Наташи. Онъ говорилъ, что уже давно любить ее, любить сильно за ея смѣлость и самоотверженность, какъ неизмѣнного товарища и помощника во

всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Но признаться въ этомъ чувствѣ онъ боялся даже самъ себѣ, теперь же видѣть, что долженъ сказать это прямо.

Наташа молча слушала Имеретинскаго, въ кото-
раго вѣрила, какъ въ Бога, и котораго давно уже лю-
била первой дѣвичьей всеобъемлющей любовью.

Послѣдніе дни пребыванія нашихъ путешественни-
ковъ на Венерѣ прошли въ приготовленіяхъ и сбо-
рахъ. Больше всего ими былъ занятъ Имеретинскій.
Ему пришлось долго возиться съ ремонтомъ „Побѣ-
дителя Пространства“ и расчетами количества багажа,
который они могли взять съ собой. Это послѣднее
было самымъ труднымъ дѣломъ, такъ какъ каждый
изъ ученыхъ специалистовъ считалъ „необходимымъ“
взять ровно столько, сколько могъ вмѣстить въ себѣ
вагончикъ аппарата. Особенно былъ настойчивъ Карлъ
Карловичъ. Онъ рѣшительно хотѣлъ забрать всѣ свои
коллекціи. Приходилось каждому урѣзывать, а для
этого необходимо было самому вникать въ то, что
дѣйствительно важно и что второстепенно. Въ резуль-
татѣ всѣ были недовольны, за исключеніемъ лишь
Наташи и Добровольскаго. Послѣднему почти нечего
было брать, кромѣ записей и фотографическихъ сним-
ковъ. Рѣшено было даже пожертвовать большинствомъ
инструментовъ, оставивъ ихъ на Венерѣ взамѣнъ на
дары ея природы.

Незадолго передъ отѣзdomъ, случилось одно про-
исшествіе, едва не кончившееся трагически. Карлъ
Карловичъ, отправляясь на экскурсію въ восточную
лѣсную область, пригласилъ съ собою Наташу. На бе-
регу встрѣтившейся имъ рѣки росъ хвощовый кустар-

никъ, и въ то время, какъ Флигенфенгеръ охотился за насѣкомыми, Наташа бродила вдоль рѣчного берега, напѣвая какую-то пѣсенку. Она совершенно не замѣтило, какъ изъ прибрежнаго кустарника высынулась сначала голова, потомъ и длинное чешуйчатое туловище чудовища, напоминавшаго крокодила. Это былъ антракозавръ (*Anthracosaurus*), водившійся и въ каменноугольный періодъ на Землѣ. Онъ принадлежалъ къ группѣ стегозефалъ и дѣйствительно напоминалъ собою отчасти крокодила, хотя скорѣе походилъ на огромную неуклюжую ящерицу. Кромѣ двухъ главныхъ глазъ, на темени черепа выступалъ еще третій, непарный. Это отвратительное животное, увидѣвшъ Наташу, дико вращало всѣми своими тремя глазами и, широко разставивъ пасть, унизанную рядами остроконечныхъ зубовъ, тоже долго дивилось невиданному дотолѣ „чудовищу“, какимъ ему конечно представлялась беззаботно распѣвающая Наташа.

Въ первую минуту антракозавръ, вѣроятно, не зналъ, что ему предпринять. Питался онъ тѣмъ, что давала водная стихія, и потому врядъ ли у него могли явиться поползновенія полакомиться Наташой. Скорѣе инстинктъ самосохраненія подсказывалъ ему, что нужно защищаться отъ «невиданного звѣря», вызывающе шагавшаго вдоль рѣки. Онъ двинулся впередъ, но неуклюжее туловище зашуршало въ хвошевой поросли и Наташа насторожилась. Еще мгновеніе—она видитъ чудовище и съ истерическимъ крикомъ бросается бѣжать. У Карла Карловича отъ этого крика выпали всѣ банки изъ рукъ и онъ поспѣшилъ къ ней. Увидѣвши антракозавра, онъ въ ужасѣ остановился,

Ландшафтъ каменноугольнаго періода; направо антракозавръ, а
налѣво долихосома.

смѣшно разставивъ руки и ноги. Наташа была уже около него и ее тряслось, какъ въ лихорадкѣ. Неизвѣстно; „устрашающій“ ли видъ Карла Карловича или или же что другое, но только озадаченный антракозавръ не рискнулъ двигаться дальше и счелъ болѣе благоразумнымъ возвратиться въ родную стихію. Однако, эта встрѣча дорого стоила Наташѣ она всю ночь бредила и стонала и Имеретинскій серъезно боялся за ея здоровье, просидѣвши у ея ложка до самаго разсвѣта. Но на утро, какъ ни въ чемъ не было, она снова беззаботно смѣялась и шутила, говоря, что противный звѣрюшка испугался Карла Карловича и потому ушелъ, иначе ей бы не сдѣбровать.

— Занимателынъ крокодилъ!.. съ тремя глазами! говорилъ Флигенфенгеръ.

Я удивляюсь, издѣвался надъ нимъ Добровольскій, какъ это тебѣ, Карлъ, показалось три, а не четыре или пять глазъ у этого звѣря?! У страха, вѣроятно, не только глаза велики, но ихъ вообще больше обычновеннаго.

— Я не понимаю тебя, Борисъ, вспылилъ Флигенфенгеръ. Стыдно тебѣ смѣяться надъ тѣмъ, чего не знаешь! А еще изучаль когда то палеонтологію!

— Не палеонтологію, а палеоботанику! поправилъ его Добровольскій.

— Нѣтъ, Борисъ Геннадіевичъ, вы напрасно смѣетесь, я сама отлично видѣла, какъ этотъ звѣрь не сводилъ съ меня всѣхъ своихъ трехъ глазъ, сказала Наташа.

— Вотъ видите, не я одинъ это говорю, пріобо-

дрился Карлъ Карловичъ. А вѣдь въ каменноугольный періодъ Земли у всей группы стегоцефаловъ, дѣйствительно, на черепѣ находилось темянное отверстіе (*foramen parietale*), которое, по догадкамъ нашихъ ученыхъ, служило для выхода третьаго непарного глаза. Подобное темянное отверстіе встрѣчается у многихъ пресмыкающихся и почти совершенно отсутствуетъ у позднѣйшихъ представителей класса земноводныхъ. Теперь ясно, что догадка эта отвѣчаетъ дѣйствительности.

Трагикомическая исторія съ антракозавромъ еще не успѣла забыться, какъ случилось новое несчастье, на этотъ разъ, кончившееся плачевно. Въ одну изъ ночевокъ, скорпіонъ, какъ ни старались уберечься отъ нихъ наши путешественники, ужалилъ Блауменберга и несчастный молодой ученый погибъ, несмотря на старанія обезвредить его рану. Новая могила появилась на кладбищѣ Венеры и, оставшійся одинокимъ, старикъ Штейнъ загрустилъ и даже забросилъ свои геологическія изысканія.

Точно злой рокъ тяготѣлъ надъ экспедиціей Штернцеллера! Наташа старалась, какъ могла, утѣшить бѣднаго геолога и, желая его развлечь, разсправивала о многихъ, непонятныхъ для нея вопросахъ въ области геологии. Это достигало цѣли: Штейнъ забывалъ горечь утраты и охотно давалъ Наташѣ разсужденія.

Между тѣмъ время отъѣзда настало. Вопросъ о томъ, комуѣхать, самъ собою падаль послѣ смерти Блауменберга. За день до назначенаго, согласно вычисленіямъ Добровольского срока, всѣ коллекціи были

тщательно собраны и уложены и всѣ приготовленія были закончены. Венера снова подходила къ нижнему своему соединенію съ Солнцемъ относительно Земли. Восьмимѣсячный годъ ея заканчивался, и планета покидалась нашими друзьями.

Въ назначенный день всѣ размѣстились въ вагончикѣ, двери были тщательно закрыты и завинчены болтами. Зеркало „Побѣдителя Пространства“ было освобождено отъ брезента, но оставалось задернутымъ ширмой. День былъ ясный и солнечный, что, повидимому, обеспечивало поднятіе съ Венеры, такъ какъ въ облачный день лучевого давленія было бы недостаточно, чтобы двинуть аппаратъ.

— Пригответьтесь, господа, сейчасъ отправляемся снова въ путь! увѣренно сказалъ Имеретинскій, отдергивая ширму и поворачивая зеркало подъ каскадъ солнечныхъ лучей.

„Побѣдитель Пространства“ слегка вздрогнулъ и оставилъ Венеру, снова унося въ междупланетное пространство нашихъ друзей...

ГЛАВА XIX.

Опять на родной Землѣ.

Вылетѣвъ съ Земли 20-го сентября 19... г., экспедиція клуба „Наука и Прогрессъ“, преодолѣвъ массу препятствій, черезъ два мѣсяца и 10 дней все-таки достигла цѣли. Спустившись на Венеру, участники ея собрали массу цѣнныхъ данныхъ въ области геологии,

палеонтології и біології и широко развили рамки другихъ наукъ разнообразными открытиями.

Но этого не знали астрономы Земли; они, наоборотъ, считали экспедицію безвозвратно погибшей. Основаніемъ для такого безотраднаго вывода послужило наблюденіе, сдѣланное на обсерваторії Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія 26-го ноября 19... г Дежурный астрономъ воспользовался яснымъ вечеромъ этого дня для наблюденій неба въ 48 дюймовыи рефракторъ обсерваторії. Зеркало этого великколѣпнаго инструмента было заключено въ оправу, коэфіциентъ расширенія которой въ точности равнялся коэфіциенту расширенія самаго стекла. Это былъ сплавъ никелевой стали съ однимъ секретнымъ ингредіентомъ, который Общество держало въ секрѣтѣ, исключительно для того, чтобы его усовершенствовать, но не для того, чтобы эксплоатировать.

Ровно въ девять часовъ астрономъ замѣтилъ въ телескопъ, недалеко отъ созвѣдія Оріона, странную звѣзду, быстро увеличивавшуюся. Онъ принялъ ее за громадный болидъ и, не теряя времени, сталъ за нею слѣдить. Скоро онъ убѣдился, что имѣеть дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ съ аппаратомъ Имеретинскаго. Астрономъ прослѣдилъ только начало пути: онъ видѣлъ, какъ „Побѣдитель Пространства“ влетѣлъ въ атмосферу, но затѣмъ онъ исчезъ изъ поля зрѣнія рефрактора. Наблюдатель немедленно сообщилъ депешей о своемъ наблюденіи въ центральную обсерваторію для астрономическихъ телеграммъ въ Киль и въ редакціи главныхъ газетъ. Сенсаціонное извѣстіе облетѣло весь міръ.

Начались споры и догадки о значении неожиданной встречи; однако два факта можно было считать твердо установленными, а выводы изъ нихъ были ясны для каждого, кто рѣшался объективно взглянуть на нихъ, несмотря на ихъ трагичность.

1. Аппаратъ влетѣлъ въ земную атмосферу не со стороны Венеры, а прямо противоположной.

2. Онъ имѣлъ такую скорость, что почти моментально раскалился.

Эти два факта не оставили ни какого сомнѣнія въ судьбѣ экспедиціи. Изъ нихъ можно прежде всего заключить, что путешественниковъ постигла какая-то катастрофа, и они попали вовсе не туда, куда хотѣли. Поэтому, вѣрнѣе всего, что они уже раньше погибли и Земля встрѣтила аппаратъ съ четырьмя трупами. Если бы даже это было не такъ, то въ земной атмосфѣрѣ пассажиры неизбѣжно должны были сгорѣть, а аппаратъ расплавиться, что согласуется со вторымъ пунктомъ. Однако исчезновеніе аппарата можно было объяснить и еще двояко: онъ могъ только зацѣпить верхніе слои атмосферы и опять улетѣть въ пространство; въ такомъ случаѣ аппаратъ, благодаря своей громадной скорости, долженъ былъ обогнать Солнце и по параболѣ умчаться въ безконечность. Наконецъ, во второмъ, наименѣе вѣроятномъ случаѣ, аппаратъ могъ упасть на Землю, но если онъ при этомъ и не расплавился въ атмосферѣ, то пассажиры его несомнѣнно задохлись въ раскаленномъ вагонѣ.

Эти безотрадные выводы съ желѣзной необходимостию вытекали изъ установленныхъ фактovъ и ни въ комъ не оставляли сомнѣній въ трагическомъ

концѣ смѣлаго предпріятія. Весь міръ оплакивалъ гибель экспедиції, а въ Россіи 26-е ноября стало днемъ національнаго горя и траура. Но проходили дни за днями и люди начинали забывать о печальномъ событіи; другіе интересы, другія заботы и нужды отвлекали ихъ отъ мыслей о первой небесной экспедиції. Казалось, ея героические труды и борьба навѣки канули въ Лету.

Только князь Гольцовъ упорно отвергалъ гибель экспедиції и повторялъ безутѣшному и сразу соста-рѣвшемуся Аракчееву:

— Нѣть, они не погибли. Они на Землѣ или на Венерѣ и рано или поздно вернутся. Я знаю, я чувствую это.

И развѣ энергичный секретарь клуба не былъ правъ?

Наши друзья неслись въ междупланетномъ пространствѣ, направляясь снова къ родной Землѣ. Зеркало аппарата было поставлено прямо перпендикулярно къ солнечнымъ лучамъ, и потому этотъ послѣдній переѣздъ отнялъ немного времени. Когда путники были уже на полпути, Добровольскій произвелъ свои послѣднія „прощальныя“ наблюденія надъ Венерой. Она свѣтила въ видѣ громаднаго узкаго серпа и нѣжно-голубоватый пепельный свѣтъ заливалъ все неосвѣщенное ея полушаріе. Теперь для всѣхъ было ясно, что въ реальности этого явленія не можетъ быть сомнѣнія, и гипотеза Имеретинскаго о его происхожденіи становилась истиной, не требовавшей уже болѣе доказательства.

18 мая 19... года „Побѣдитель Пространства“

вступилъ въ верхніе разрѣженные слои атмосферы Земли. Имеретинскій повернулъ зеркало подъ прямымъ угломъ къ Солнцу, и аппаратъ, готовый, казалось, пролетѣть мимо земного шара, ушедшаго по своей орбите нѣсколько въ сторону, началъ поворачивать къ нему и догонять его, спускаясь въ неосвѣщенномъ полушаріи планеты. Зеркало великолѣпно сыграло роль парашюта, и «Побѣдитель Пространства», въ видѣ медлено катящагося по небу болида, спустился на поверхность Земли. Раздался сильный всплескъ и шипѣніе воды, быстро нагрѣвшейся отъ накалившихся виѣшнихъ стѣнокъ вагончика. Аппаратъ спустился въ Каспійское море, близъ селенія Кумбashi, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Ленкорани, Бакинской губерніи. Въ поселкѣ монаховъ Новоафонскаго подворья, занимавшихся рыбнымъ промысломъ въ Кумбashi, несмотря на поздній часъ, паденіе аппарата въ воду было замѣчено и сейчасъ же нѣсколько рыболововъ, сѣвши въ лодки, отчалили по направленію къ мѣсту паденія.

Когда наши друзья и ихъ серебряная птица были доставлены на берегъ, восторгамъ и радости ихъ не было конца. Они благодарили изумленныхъ монаховъ, помогшихъ имъ такъ скоро выйти на берегъ и не въ состояніи были заснуть вплоть до самаго утра отъ богатства пережитыхъ ощущеній, и радуясь благополучному окончанію путешествія. На утро, подошедшій пароходъ «Ленкоранецъ» взялъ ихъ на бортъ и въ тотъ же день доставилъ въ Баку. Но еще прежде, чѣмъ онъ причалилъ къ пристани, безпроволочный телеграфъ принесъ съ палубы въ городъ поразитель-

ную вѣсть о возвращеніи экспедиціи клуба „Наука и Прогрессъ“. Въ тотъ же день вечернія газеты Россіи и всѣхъ странъ уже помѣстили жирнымъ шрифтомъ дословно депешу переданную съ «Ленкоранца»:

„Достигли Венеры. Произвели важныя наблюденія. Привезли коллекціи. Благополучно спустились близъ селенія Кумбashi. Аппаратъ цѣлъ. Всѣ здоровы. Шлемъ привѣтъ роднымъ и знакомымъ.

Начальникъ экспедиціи

В. Имеретинскій.

Въ Баку на пристань встрѣтить экспедицію собрался чуть не весь городъ. Мѣстная администрація, представители ученыхъ обществъ и учрежденій, депутаты отъ рабочихъ, нефтепромышленниковъ, представители татарскаго, армянскаго и грузинскаго населенія Кавказа—всѣ пришли встрѣтить считавшихся заживо погребенными. На другой день на главной площади города состоялся многотысячный митингъ, на которомъ Имеретинскій сдѣлалъ краткое сообщеніе о добытыхъ экспедиціей материалахъ и бывшихъ съ ними приключеніяхъ въ дорогѣ и на Венерѣ.

Аракчеевъ, потрясенный радостью, едва не слегъ въ постель. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало ѿхать въ Москву навстрѣчу экспедиціи, но врачи отговорили его. На другой день утреннія газеты пестрѣли статьями объ экспедиціи, но увы—въ нихъ не было, собственно, ничего новаго. До своей рѣчи на митингѣ въ Баку Имеретинскій многочисленнымъ корреспондентамъ, осаждавшимъ его цѣлымъ роемъ,

не говорилъ ничего, желая, чтобы свѣдѣнія объ экспедиціи не были искажены, а появились бы въ видѣ его собственного непосредственнаго сообщенія. Поэтому онъ отправилъ пространную телеграмму Аракчееву и въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Рѣчи“, гдѣ скрато описывалъ исторію ихъ послѣдняго путешествія и изученія Венеры. Эта телеграмма могла быть выпущена редакціями газетъ только въ видѣ экстреннаго прибавленія, въ утрѣннемъ же номерѣ были только помѣщены портреты участниковъ экспедиціи и подробныя свѣдѣнія о мѣстечкѣ Бакинской губерніи, Кумбashi, о которомъ до сихъ поръ рѣшительно никто ничего не зналъ. Съ этого же времени оно становилось историческою достопримѣчательностью. Описывался болотистый и лихорадочный климатъ этой мѣстности, былъ помѣщенъ даже снимокъ Новоафонского подворья въ этомъ поселкѣ, подробно разсказывалось о рыбномъ промыслѣ живущихъ тамъ монаховъ и о томъ, какъ они солятъ въ чанахъ рыбу, сколько ея вылавливаютъ и продаютъ и т. п. свѣдѣнія, въ сущности, рѣшительно не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу. Иэо всѣхъ частныхъ сообщеній было только одно интересно и загадочно — это сообщеніе корреспондента «Нового Времени» о томъ, что съ экспедиціей неотлучно находится профессоръ «Состѣней Страны», Штейнъ. Газета терялась въ догадкахъ относительно его появленія въ Баку, она допускала, что онъ могъ быть на геологическихъ изслѣдованіяхъ ледниковъ Кавказа и, узнавши о возвращеніи экспедиціи, прибыль поздравить ея участниковъ, но въ то же время дѣлала недвусмысленный намекъ на всегдашнія

интриги „Сосѣдней Страны“ относительно Россіи, не чуждыя и корпорації ученыхъ.:

«Биржевая Вѣдомості» въ своемъ вечернемъ вы-
пускѣ комментировали сообщеніе «Нового Времени»
по своему. Изъ какихъ-то «высокоавторитетныхъ»
источниковъ онѣ узнали, что тотъ, кого корреспон-
дентъ «Нового Времени» считалъ профессоромъ Штей-
номъ, въ дѣйствительности не онъ, а личность въ
высшей степени загадочная, являющаяся повидимому
однимъ изъ жителей Венеры, котораго взялъ съ собою
Имеретинскій.

Однако черезъ какой-нибудь часъ послѣ этого вы-
шло экстренное добавленіе къ „Рѣчи“, гдѣ приводился
текстъ сообщенія Имеретинскаго. Изъ него видно
было, что экспедиція клуба «Наука и Прогрессъ» встрѣ-
тила на Венерѣ профессора Штейна, участника по-
подобной же экспедиціи, снаряженной въ «Сосѣдней
Странѣ», но потерпѣвшей крушеніе при спускѣ на
Венеру, при чемъ „другой участникъ экспедиціи“ по-
гибъ, третій же умеръ во время пребыванія на пла-
нетѣ отъ укуса скорпиона. Имена ихъ не назывались.
Это былъ тактическій приемъ Имеретинскаго. Еще бу-
дучи на Венерѣ, какъ-то разъ передъ самимъ отѣз-
домъ, когда профессоръ Штейнъ былъ въ горахъ, съ
общаго согласія было рѣшено, въ случаѣ благополуч-
наго возвращенія на Землю, во избѣжаніе могущихъ
быть осложненій въ дипломатическомъ мірѣ, умолчать
впредь до выясненія обстоятельствъ, о бывшей бом-
бардировкѣ ихъ „Побѣдителя Пространства“ смерто-
носными орудіями „Patria“ въ междупланетномъ про-
странствѣ, а также не называть имени Штернцеллера.

Всѣ участники экспедиціи свято соблюдали взаимное обѣщаніе и подъ различными предлогами уклонялись отъ бесѣдъ съ корреспондентами газетъ, роемъ кру-жившихся надъ ихъ "ріумфальнымъ поѣздомъ".

Утреннія газеты слѣдующаго дня посвятили большія передовыя статьи вчерашнему сообщенію Имеретинскаго. Профессоръ Штейнъ заслонилъ собою всю научную сторону экспедиціи: о ней уже ничего почти не писалось и все вниманіе газетъ было сосредоточено на загадочной экспедиціи „Сосѣдней Страны“, о которой до сихъ поръ никто ничего не слыхалъ. Всѣ ахали и удивлялись тому, какъ наши сосѣди хорошо умѣютъ хранить тайны! Газеты отмѣчали неудовлетворительность сообщенія Имеретинскаго, въ недоумѣніи ставили вопросы, стараясь сами на нихъ отвѣтить, и путались въ догадкахъ. Непонятно было, почему въ сообщеніи Имеретинскаго не названы остальные участники экспедиціи «Сосѣдней Страны» и не сказано, на какомъ аппаратѣ и когда спустились они на Бенеру. «Новое Время» особенно настаивало на отвѣтѣ на послѣдній вопросъ — до прїѣзда туда экспедиціи Имеретинскаго или послѣ? Оно несомнѣвалось, что до прїѣзда — и не безосновательно видѣло здѣсь интригу „Сосѣдней Страны“.

Вечеромъ, когда Имеретинскій и его друзья мчались въ экспрессѣ въ Петроградъ, Гольцевъ, пришедшій къ Аракчееву, сообщилъ сму, что во всѣхъ кинематографахъ Петрограда уже демонстрируется фильма, изображающая встрѣчу экспедиціи въ Баку. Аракчеевъ не любилъ кинематографа, такъ какъ глаза его утомлялись послѣ сеансовъ, но на этотъ разъ онъ не

могъ выдержать и вмѣстѣ съ Гольцевымъ отправилсѧ смотрѣть свою дочь и ея спутниковъ. Престарѣлый графъ не могъ удержать слезъ, когда увидѣль на экранѣ свою Наташу веселой и смѣющейся, подъ руку идущей съ Имеретинскамъ съ пароходной пристани въ Баку къ поданнымъ имъ лошадямъ...

Вереница горъ Кавказа тянулась по обѣимъ сторонамъ горизонта мимо оконъ вагона поѣзда Имеретинскаго; потомъ показались необозримыя поля кукурузы. Вдали мелькали бѣлѣющиа станицы, окаймленныя богатой растительностью садовъ, словно живописныя картинки, вставленныя въ зеленый багетъ. На станціяхъ встрѣчались кавказскіе типы—то стоить вдали размалеванная и крытая сверху бѣлымъ полотномъ арба, нагруженная фруктами, съ хозяиномъ, стоящимъ тутъ же въ продранномъ и полиняломъ бешметѣ, съ курчавою папахой на головѣ; то сидить вблизи станціоннаго зданія, поджавши подъ себя ноги, угрюмый персіянинъ съ чашками вѣсовъ въ рукахъ, отвѣшивающій покупателямъ аладжу, сливы или персики. Мелькаютъ названія станцій: Темирги, Чиръ-Юртъ, Хасавъ-Юртъ, Гудермесъ и проч. За станціей Котляревской переѣхали быстрый Терекъ, несущій свои мутныя воды. Потомъ съ лѣвой стороны открылось знаменитое Бештау (Пятигоріе), неразрывно связанное съ воспоминаніями о М. Ю. Лермонтовѣ. Недалеко отсюда виднѣлся Пятигорскъ, на самомъ же краю горизонта, благодаря прозрачности воздуха, можно было разсмотретьъ и бѣлую шапку Эльборуса.

Наташъ вспомнились горы Венеры, такія страннѣе—высокія, тонкія и остроконечныя, совсѣмъ не похожія на наши „родныя“; ей казалось теперь, что все это уже было когда-то давно, словно во снѣ... Она была счастлива увидѣть скоро своего отца и повѣдать ему свою дѣвичью тайну о любви къ Имеретинскому....

А поѣздъ все мчался и мчался впередъ среди паутины телеграфныхъ проволокъ, распутывая ее впереди и запутывая вслѣдъ за собою... Переѣхали «Тихій Донъ—красу полей» по грандіозному мосту и прибыли въ Ростовъ, гдѣ на вокзалѣ снова депутаціи и безконечныя привѣтствія.

За Таганрогомъ, по направленію къ Харькову, началась степь. Временами вдали мелькаетъ хуторокъ съ бѣлыми мазанками, съ выющеейся синей струйкой дыма изъ печной трубы; заходящее Солнце привѣтливо освѣщаетъ окрестность, груды скосенной на лугу травы и золотистыя головы, выглядывающіихъ изъ огорода подсолнечниковъ; его лучи играютъ улыбкой на лицѣ старушки, которая только что копалась въ огородѣ, а теперь оторвалась отъ своей грядки и, приложивъ ладонь къ глазамъ, въ видѣ зонтика, пристально смотритъ на мчавшейся поѣздъ. Теплый вѣтеръ дуетъ въ окно вагона, навѣвая истому...

Вотъ въ сторонѣ, купа прекрасныхъ пирамидальныхъ тополей, выдѣляющихся среди ивъ и вербъ, словно какіе-то зеленые минареты, отчасти напомнившіе Наташѣ сигиллярій... Еще дальше виднѣются шестикрылые вѣтранные „млыны“ и низенькая, бѣ-

лая деревенская церковь; вечерний благовестъ несется волной и таетъ въ спокойномъ воздухѣ...

Съ какимъ наслажденiemъ наши друзья ловили эти первые музыкальные звуки, которыхъ они не слышали уже столько времени! Они казались имъ необыкновенно мелодичными въ этихъ условiяхъ...

Въ Харьковѣ новая встрѣча въ красивомъ зданіи вокзала роскошной архитектуры. Всеобщій энтузіазмъ былъ неописуемъ! Самая обстановка вокзала, казалось, была создана для встрѣчи именно этой—небесной экспедиціи. Въ залѣ первого класса красовались двое большихъ стѣнныхъ часовъ, поддерживаемыхъ изваяніемъ музъ и потолки, украшенные изображеніями двѣнадцати знаковъ зодiака...

Москва, какъ всегда, особенно радушно встрѣчала триумфальный поѣздъ Имеретинскаго, весь украшенный цвѣтами, зеленью и флагами. Въ Петербургѣ Городская Дума, въ экстренномъ засѣданіи, ассигновала крупную сумму на торжественную встрѣчу и вечеромъ, въ день прїѣзда, весь городъ былъ иллюминованъ. Въ тотъ же день въ Академіи наукъ состоялось торжественное засѣданіе, въ которомъ, послѣ рѣчей представителей всѣхъ отраслей знанія, знаменитый профессоръ богословія, Озеровъ, сказалъ глубоко прочувствованное слово на тему: «Куда пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо, Ты тамъ, сойду ли въ преисподнюю и тамъ Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и тамъ рука Твоя поведеть меня, и удержить меня десница Твоя. (Псал. CXXXVIII, ст. 7—10).»

Сдержанность Имеретинского поразила профессора Штейна. Онъ ъехалъ вмѣстѣ съ остальными только до Москвы, а отсюда направился во-свояси. Дома онъ не могъ молчать и, по присущей ему отъ природы правдивости, напечаталъ откровенную статью въ единственномъ независимомъ органѣ „Сосѣдней Страны“, гдѣ называлъ Штернцеллера, какъ организатора экспедиціи, не отрицалъ правительственную поддержку экспедиціи и, описывая устройство «Patria», подчеркивалъ, что аппаратъ былъ сооруженъ по чертежамъ Имеретинского, что впрочемъ стало ему известно только вслѣдствію. Отдавая должную дань русскому великодушію, онъ съ чувствомъ глубокой скорби описывалъ бомбардировку „Побѣдителя Пространства“ на пути его къ Венерѣ.

Впечатлѣніе отъ статьи Штейна было громадное. Она появилась въ переводѣ на русскій языкъ во всѣхъ газетахъ, и Имеретинскій видя, что обѣтъ ихъ молчанія падалъ самимъ собою, объяснилъ на столбцахъ «Рѣчи» свою тактику и напечаталъ дополнительное сообщеніе о невольномъ путешествии къ Юпитеру. Это новое откровеніе произвело еще большую бурю восторговъ передъ героизмомъ путешественниковъ и почти затмило политическую сторону дѣла. Къ тому же запросъ правительству, принятый въ парламентѣ абсолютнымъ большинствомъ, успокоилъ политическая страсти. „Вотумъ послѣдняго бурного засѣданія парламента „Сосѣдней Страны“, писала „Рѣчь“, ясно показалъ, что благомыслящее большинство Страны не раздѣляетъ тактики руководящихъ сферъ. Если экспедиція Штернцеллера и была

отправлена не безъ ихъ содѣйствія, то во всякомъ случаѣ, она была организована тайно и отвѣтственность за это ни коимъ образомъ не можетъ ложиться на всю Страну".

Когда все болѣе или менѣе успокоилось, въ Петроградѣ было назначено Соединенное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ и клуба «Наука и Прогрессъ», на которомъ Имеретинскій сдѣлалъ окончательно обработанный докладъ о путешествіи и пребываніи на Венерѣ. Въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ былъ сдѣланъ докладъ Флигенфенгеромъ, а въ Обществѣ Любителей Мировѣдѣнія и въ Астрономическомъ Обществѣ—Добровольскимъ.

Геологическая, минералогическая, ботаническая и энтомологическая коллекціи экспедиціи были размѣщены въ музеяхъ Академіи Наукъ и въ Институтѣ Ломоносова, зданіе которого было наконецъ воздвигнуто въ обширномъ приморскомъ паркѣ, разбитомъ городомъ тамъ, где раньше заканчивался Большой проспектъ Васильевского Острова.

Черезъ мѣсяцъ на дачѣ Аракчеева, расположенной вблизи одной изъ станцій Финляндской желѣзной дороги, скромно была отпразднована свадьба Имеретинского съ Наташой, и въ тотъ же день, съ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги, они выѣхали въ Англію, куда Имеретинскій былъ приглашенъ для доклада въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ.